

Андрей Савельев

ОТКРЫТИЕ ГЕРМАНИИ

Три года в Карлсхорсте (1947-1950)

Русские записки (1992-2010)

Что думали русские о немцах в XX веке

Андрей Савельев

Открытие Германии

К 110-летию со дня рождения
Николая Бубнова

Москва - 2016

Савельев А.Н.

Открытие Германии: Три года в Карлсхорсте и Русские записки, М., 2016

Россия и Германия тесно связаны: как взаимным любопытством, так и взаимной враждой, которая вспыхивает и угасает, но не исчезает полностью. Возможно, многолетнее несуверенное существование обеих стран сведет на нет жизнеспособность как русских, так и немцев. И тогда исчезнет и любопытство, и вражда. И вся европейская история исчезнет - сначала из политики, потом из образования и науки, а потом и из воспоминаний. И тогда закончится Европейская цивилизация. Но пока все, кто не хотел бы этого, обязаны собирать и ценить каждый вздох этой цивилизации. В том числе и тот, что кажется болезненным или давно рассеявшимся порывами ветров, уносящих в небытие эпохи и поколения. Пока здравый анализ не заместит политический заказ, мы ничего не поймем в жизни своих предков, а значит - и в своей собственной.

Первые послевоенные годы в Германии в воспоминаниях военного журналиста полковника Николая Бубнова были преисполнены надежд на добрые отношения с немцами и злой иронии в адрес как "капитализма" в целом, так и западных политиков того времени. Записки его внука, политика и ученого Андрея Савельева отражают "открытие Германии" после долгих десятилетий существования "железного занавеса". Они также ироничны: мир без СССР не сблизил русских и немцев, хотя и позволил узнать друг о друге больше, чем это было возможно ранее.

Оглавление

Предисловие

Эту книгу я хотел бы выпустить от имени своего деда Н.А.Бубнова, но идиотизм того, что неверно называют "авторским правом", предполагает в таком случае предпринимать действия, которые я могу рассматривать только как кощунство - создавать от имени давно умершего человека его личную электронную страницу и заводить его счет для перечисления возможных авторских гонораров. Поэтому мне приходится публиковать воспоминания своего деда от своего имени.

Отчасти это справедливо, потому что никто другой не взял бы на себя труд переведения в электронную форму "слепых" машинописных записок моего деда о послевоенной Германии. Один экземпляр этой рукописи сохранился у меня, другой недоступно, безвестно и бесполезно лежит в Государственном архиве РФ. Мне кажется необходимым, чтобы эти воспоминания, во-первых, стали общедоступными (пусть даже и интересующими сегодня лишь ничтожную по численности аудиторию), а во-вторых, дополнить записки моего деда собственными воспоминаниями, которые обрисуют картину в целом - взаимоотношения русских и немцев не столько на уровне межгосударственных проблем, сколько на уровне восприятия внимательного наблюдателя, не имеющего намерения в чем-то угождать политическим вождям или государственным мужам. При этом исключить то, о чем написано множество книг, - войну. Вражда всегда выглядит проще и убедительней, а милосердие на войне - надежным литературным методом, чтобы выдавить из чувствительного читателя слезу.

Николай Антонович Бубнов (1906-1992), военный журналист, в начале 80-х годов XX века написал воспоминания о своей работе в Берлине после завершения Великой Отечественной Войны. Вероятно, большая часть работы была выполнена еще ранее - до конца 60-х, а позднее она была дополнена несколькими абзацами, а также

заключительным разделом с коротким очерком о немецкой делегации, которую мой дед сопровождал в 1929 году.

Несмотря на то, что Николай Бубнов был заслуженным человеком - ветераном войны, орденоносцем и опытным публицистом, партийные чиновники, ознакомившись с рукописью, сказали: "В этом веке опубликовано быть не может". Поэтому публиковать свидетельства полковника Бубнова о первых послевоенных годах Германии приходится мне, его внуку. Действительно, в другом веке. Возможно, запрет был связан с ползучей реабилитацией культа личности Сталина, происходившей в тот период (а в книге есть несколько строк по поводу вреда этого культа). Или слишком уж резкими оказались характеристики "американских друзей", которые готовы были развязать новую войну, когда еще пепел прежней устилал земли России и Европы. В 80-е стремление к "миру во всем мире" побуждало вождей СССР лукавить и забывать многое, а то и планировать измену своей стране и ее разграбление совместно с прежними геополитическими врагами.

Так или иначе, рукопись легла в стол, не имея шансов найти своего читателя. А последующее крушение коммунистического режима и вовсе сделало ее анахронизмом: многие обороты речи, радикальная позиция автора в отношении "загнивающего капитализма" явно не годились для публикации. Но прошли годы. И посткоммунистический режим повторил все мерзости режимов XX века, многое сохранив от советской номенклатуры, заимствовав бесстыдство от американских "друзей" и даже гнусности от гитлеровской оккупации. Приобретая "опыт зла" (И.Ильин), мы можем куда более осторожно и бережно отнестись к свидетельствам эпохи, если они исходят от честного и доброго человека - пусть даже его стиль так привязан к его эпохе, что мы с трудом принимаем его в свое время.

Теперь записки моего деда стали историческим документом, в котором отразился стиль его эпохи и образ мыслей, который, с одной стороны вел коммунистическую Россию в тупик, а с другой, указывал на неприемлемый для России путь - подчинения Западу и следование вместе с ним к полному историческому краху всей цивилизации.

Помню, как мой дед работал над книгами, ни одна из которых так и не вышла в свет, - перепроверяя каждый факт и оставляя на полях рукописи ссылки на подтверждающие публикации. Поэтому имена и события - все здесь подлинное, насколько вообще возможна достоверность в мемуарной литературе. Оценки фактуры могут показаться современному читателю тенденциозными, но нет сомнений в том, что никакой неправды Н.А.Бубнов не потерпел бы - это претило его достоинству журналиста, которого теперь в этой профессии обнаружить невозможно.

Мне представляется важным, чтобы эта книга вошла в обширную библиотеку воспоминаний ветеранов войны. В особенности, потому что в данном случае мы имеем дело с текстом человека просвещенного, подмечающего многие детали и способного выразить их в литературной форме. Это "срединный уровень" - между простотой и неизбежной "узостью" устного предания рядовых участников войны и скованностью официальных мемуаров полководцев, порой далеких от "окопной правды".

Конечно, здесь нет ярких боевых эпизодов, которых на долю участников войны не приходилось так много, как принято изображать в сюжетах художественной литературы и кинематографа. Я надеюсь, что мне удастся получить из архива военные дневники Никлая Антоновича и опубликовать их. В этих дневниках - правда без попыток прославить себя, что-то приукрасить и подать события в героическом свете. Война, прежде всего, - тяжелая и опасная работа. В ней полковник Бубнов участвовал и на передовой - как военный корреспондент, и как главный редактор армейской, а потом фронтовой газеты. В хаосе отступлений 1941 года он лично убил немца, несколько раз был на волоске от смерти и видел смерть своих товарищей. Встретив Победу в Кенигсберге, он продолжил службу в качестве главного редактора газеты Советской военной администрации в Германии (СВАГ) - "Советское слово".

Воспоминания главного редактора имеют мало общего со стилем профессионального писателя. Это не литературное произведение. Это слово журналиста, не стремящегося к наибольшему воздействию на читателя набором каких-то поучительных историй. Это свидетельство эпохи, выраженное ее языком. Так мы и должны относиться к правде

жизни, которую по-своему стремится высказать каждое поколение. И пытаться понять ее, формируя свой взгляд на прошлое, настоящее и будущее.

Готовя записки своего деда к публикации, я решил дополнить ее своими скромными воспоминаниями о Германии и немцах, которые отражают разительное изменение стиля эпохи и имеют совершенно другой характер - по большей части безответственного, но весьма заинтересованного наблюдателя. Если мой дед в какой-то мере представлял свою страну и работал под контролем множества государственных органов, то меня с Германией не связывали официальные отношения. Без каких-либо оглядок на официальные структуры я мог общаться с немцами, изучать немецкую философию и воспринимать немецкую культуру.

Если мой дед хорошо знал произведения Маркса и Энгельса, то мое поколение получило возможность для широкого ознакомления с немецкой философией. В условиях советского режима мне, как и моему деду, пришлось штудировать марксизм (причем, не без юношеского интереса к мыслям "основоположников"), но затем с высоты нового знания отвергнуть его как совершенно несостоятельный комплекс воззрений на общество и экономику. Мое поколение отбросило коммунизм и марксизм, и даже в какой-то момент усомнилось в ценности Победы. Удивительно, но лишь беспочвенность поскоммунистического режима, которому пришлось искать хоть какую-то опору в идеологии, не дало Победу на растерзание множащихся "умников", которые обычно получаются из невежд. В то же время, мое поколение вообще отреклось и от истории (не только XX века, но и вообще от всей русской истории), и от философии (не только марксистской, но и вообще ото всей). Мыслящий слой сократился донельзя, а понимание русской истории оказалось доступно, видимо, только единицам.

В моих заметках, которые почти без изменений публикуются в том виде, в котором они писались изначально, тоже отражают эпоху - даже не столько ту, что пришла в объединенную Германию, сколько ту, что наступила в начале 90-х в расчлененной России.

Я бы многое написал не о Германии, но о немецкой мысли. Но это предмет другого сочинения, которое когда-то будет завершено и

получит название "Немецкая идеология и русских смыслы".

Андрей Савельев, 2016

К оглавлению

Николай Бубнов

Три года в Карлсхорсте

Послевоенная Германия глазами советского полковника

Н.А.Бубнов, 1945

Со времени окончания Второй мировой войны стало широко известно слово "Карлсхорст", и оно будет встречаться во всех случаях, когда дойдет речь об итогах войны. В Карлсхорсте, расположенном в юго-восточное части Берлина, в первые минуты наступившего дня 9 мая 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германия. В Карлсхорсте, в том же здании бывшего инженерного училища вермахта генерал армии В.И.Чуйков 7 октября

1949 года официально передал правительству Германской Демократической Республики функции, принадлежавшие после победы в войне Советской Военной Администрации в Германии (СВАГ).

Между 9 мая 1945 года и 7 октября 1949 года в советской зоне оккупации произошли коренные преобразования антифашистско-демократического характера. Немецкие прогрессивные силы получили возможность, опираясь на поддержку Советского Союза, самостоятельно строить социалистическое общество в восточной части Германии.

В послевоенный период с 1947 по 1953-й год в Берлине издавалась газета "Советское слово". Пропагандистский печатный орган СВАГ на своих страницах запечатлел события, связанные с деятельностью многих тысяч советских людей, посланных в Германию для выполнения задач государственного значения.

За три года редактирования "Советского слова" через мое сознание и сердце прошло столько интересных событий, осталось так много впечатлений, что считаю вправе по-своему рассказать о послевоенных свершениях в Германии. Рассказать для тех, кто, так или иначе, интересуется последствиями Победы в Великой Отечественной войне.

К оглавлению

Без визы по Европе

В 1945 году, в июле, меня назначили редактором газеты Особого военного округа в Кенигсберге. Уходили в прошлое невзгоды фронтовой жизни, и мы переходили к оседлому состоянию. Не требовалось передвигать громоздкое хозяйство фронтовой газеты по дорогам войны, выпускать красноармейскую газету то в деревне Шелуденево, то в Калиновке или же Рябиновке. Лесные дороги, распутица, сугробы отпали как препятствия передвижения редакционного коллектива, издательского и типографского имущества.

На фронте, когда мы кочевали, часто приходила мысль: раз мы движемся, значит ближе конец походной жизни. Однако уже в 1945

году выяснилось, что журналистам еще придется поколесить. Весь первый год после окончания войны представляется как великое переселение людей. Домой уходили миллионы солдат. Сокращался офицерский корпус. Дивизии передвигались к месту новой дислокации или в пункты расформирования. Семьи ехали к месту службы мужей, отцов. Любой кадровый военный мог оказаться в любом конце страны или за границей. По стране передвигались десятки миллионов демобилизованных, эвакуированных, военных и невоенных, взрослых и детей. Двигались редакции газет, и где-то на пути к Москве расформировывались редакционные коллективы. Добрая половина военных журналистов подалась "на гражданку", а сроднившиеся с армией покорно ждали вызова "в кадры" для переговоров или приказов о назначении. Было время ожиданий и колебаний.

Без преувеличения можно сказать, что в 1945-1947 годах выпускать солдатскую газету было труднее, чем на войне. Редакциям досталась изношенная типографская техника. Непрерывно менялся состав специалистов. Сегодня демобилизуются печатники или наборщики, завтра не стало стереотипера или же корректора. Приходили новые солдаты, наскоро учились типографскому делу, но вскоре их год демобилизовался, и все начиналось заново. Остановить процесс демобилизации невозможно. Каждого тянуло к родным местам и к довоенной профессии.

На примере жизни редакционного коллектива легко понять, насколько трудной политической и экономической задачей была демобилизация многомиллионной армии. Остающиеся в кадрах не могли рассчитывать, как говорится, на постоянную прописку, в любой момент можно было попасть под сокращение или испытать переброску к новому месту службы. Мне, например, только в январе 1946 года, через четыре с половиной года после начала войны, удалось воссоединиться с семьей. От Свердловска до Кенигсберга семья с трудом, но, в общем, благополучно, проехала, потеряв лишь два ящика с книгами.

Осенью и зимой 1945-1946 года в Кенигсберге жить было, мягко говоря, трудно. В помещении редакции работали в шинелях, семьи мерзли в особняках, не отопляемых из-за отсутствия коксика. Во сто раз приятнее размещаться в старых русских халупах какой-либо

деревни Федоровки, чем в разрушенном и неприветливом прусском городе, где ничто не радовало глаз. Каждого из нас тянуло на восток, и каждый надеялся окопаться где-нибудь в России или на Украине.

Мне не пришлось долго жить в Кенигсберге и стать свидетелем, как город бывшей Восточной Пруссии становился советским. В апреле 1946 года меня назначили редактором газеты Южной группы войск. Из Кенигсберга, не заезжая в Москву, следовало попасть в Бухарест, а затем в Констанцу. Командировочное предписание лежало в кармане, а что взять с собой? - ведь перемещаясь в другую страну, прядется пересечь государственную границу. Редактор может обойтись без домашнего скарба, но без набора книг никак обойтись нельзя.

В конце концов, без семьи и без домашнего имущества я двинулся в Румынию и вскоре оказался на пограничной станции Рени. Никаких таможен и пропускных пунктов, никакого транспорта, чтобы перебраться к румынскому поезду. Тяжелые ящики, набитые книгами: Собрание сочинений В.И.Ленина, "Капитал" К.Маркса, Малая Энциклопедия и другие книги. Подшивку журналов "Большевик", "Коммунистический интернационал", мемуары Ллойд Джорджа, "Антишпионскую" библиотечку и многие ныне редкие книги, накопленные в годы работы на Урале, я сдал в библиотеку дома Красной Армии в Кенигсберге, к сожалению, безвозвратно.

Книжный груз на своих плечах пришлось перетаскивать через советско-румынскую границу, в 1947 году перевозить в Берлин, и лишь оттуда "Капитал" Маркса возвратился в Москву, где я его покупал в 1928 году. К книгам-путешественникам у меня особое уважение. Вспомнилось, что в старой Румынии за хранение и чтение марксистской литературы пытали и вешали. В мае 1946 года, проезжая через Румынию, мне и в голову не приходила мысль о преследовании за доставку коммунистической литературы в портовый город Констанцу. В освобожденную страну я ехал по праву победителей - без визы и таможенных досмотров, с одним командировочным предписаниям.

В майские дни 1946 года Бухарест выглядел целехоньким: орава чумазых мальчишек с криками "чистим, блистим" преследовала до тех пор, пока не отдал сапоги во власть настырных чистильщиков. На тротуарах Бухареста довольно нарядная публика, в уличных кафе

спокойно едят мороженое. Чувствуешь среди них настороженную тишину, когда мимо проходит советский офицер. У королевского дворца стояли на карауле гвардейцы короля Михая. В витринах магазинов и в окнах парикмахерских висели портреты королевы - "мамы Елены".

Куда я попал? Страна капитулировала почти два года назад, а молодой король Михай продолжает царствовать и забавляться. Заядлый автомобильный гонщик, он с юношеской радостью принимал простенький самолет, подаренный ему советским командованием. При многочисленных орденах он присутствовал на пышном приеме другого подарка - парусной яхты. А как Михаю не радоваться паруснику, если у Румынии в результате войны не осталось ни одного судна! Тогда самонадеянный монарх, вероятно, не догадывался, что через полтора года ему придется расстаться с дворцом и коротать свой век у Женевского озера в компании других отставных монархов.

Первое впечатление от Румынии было противоречивым: спокойно ходишь в военной форме, близко размещены советские войска, действуют контрольные органы союзников, и никаких эксцессов. С другой стороны, везде мелькают портреты короля и "мамы Елены". В районе Меджедия я видел настоящего, живого помещика. Высокий, в нарядном сером костюме, при галстуке, с золотой цепочкой на жилете, мрачный и озабоченный, он предчувствовал революцию в деревне и очень недружелюбно с нами разговаривал. А рядом барак - глиняный, пыльный. Около него смиренно стояли батраки - плохо одетые, в каких-то чеботах на уровне поношенных лаптей. Румынская деревня, не тронутая революционными силами, жила как бы в прошлом веке.

Бедная Румыния с богатыми королем и помещиками находилась в тяжелом экономическом положении. Инфляция обострялась с каждым днем. По годовой смете нашей газете было положено 250 миллионов лей. Но что мы за миллионеры, если вызвать из Бухареста мастера для ремонта линотипа стоило несколько миллионов, плюс "харчи" за наш счет. Да что там говорить, старенький фотоаппарат стоил 12 миллионов лей!

Политическая жизнь Румынии в 1946 году была активной - проходили выборы в парламент. На плакатах перечислялись кандидаты

в депутаты от нескольких старых буржуазных партий, а кандидат от коммунистической значился в конце списка. Выборы были организованы по правилам буржуазной парламентской механики. Они показали, что в стране еще только зреют те силы, которые на исходе 1947 года покончат с монархическим режимом.

Румыния во время войны почти избежала разрушений. Мне удалось немало поездить по стране. Сады и виноградники, великий Дунай, пшеничные и подсолнечные поля, рослая кукуруза, богатые и бедные города и поселки, богато и бедно одетые люди, равнинный и горный пейзаж. Красивая страна, не обделенная природными богатствами, населенная трудолюбивым народом, ведущим историю от древних даков и времен похода римского полководца Марка Аврелия. Румыния расплачивалась за прислужничество гитлеровской Германии. Она переживала переходный период, искала пути к революционной переделке социальных и экономических порядков. Присутствие советских войск создавало благоприятные условия для прогрессивных преобразований.

Три с лишним года понадобилось для ликвидации в Румынии королевской власти и помещичьего строя, для прихода к власти рабочих и крестьян. Все ли румыны сейчас помнят о том, что Красная Армия и советское государство расчистили им дорогу для сегодняшних успехов социалистического строительства?

Летом 1947 года мне из Румынии пришлось перебираться в Берлин, в связи с назначением в газету "Советское слово". Сейчас почти невозможно представить положение, при котором советский полковник без визы и валюты, без железнодорожного билета, с семьей и домашним имуществом, с командировочным предписанием войсковой инстанции среднего масштаба мог пробраться из румынского приморского города Констанца до оккупированного Берлина. Из Кенигсберга в Констанцу я проехал без денег и без проездных документов. Но через Европу?!

Вот румынская "Рапида" движется к венгерской границе. Впереди другая страна, чужой народ. Мы знали, как гитлеровцы использовали подразделения мадьяр для карательных операций. Знали о сопротивлении венгров и кровопролитных боях на территории их

страны. К середине 1947 года в советско-венгерских отношениях еще далеко не исчезла отчужденность и настороженность.

Пышная растительность венгерской низменности свидетельствовала о том, что мы едем по другой стране, сильно отличающейся от Румынии. Еще в довоенное время я читал о том, как толстосумы съезжались сюда для охоты на кабанов, сколько долларов стоило такое удовольствие и как, в отличие от нас - скромных охотников, вели себя богачи, сочетая неограниченную трехдневную стрельбу по фазанам с весельем в ресторанах и домах терпимости Дебрецена. Венгерские эксплуататорам пришлось проститься со старыми порядками, хотя в 1956 году они еще пытались восстановить свою власть и право наживаться на всем, в том числе путем монополии на фазанью охоту. Но бесполезно!

Вспомнилась и другая сторона истории Венгрии, ее революционное прошлое. Воскресали в памяти события, связанные с образованием в 1919 году Венгерской Советской Республики, горячие приветствия В.И.Ленина венгерским революционным массам, героизм венгерских интернационалистов в годы гражданской войны в нашей стране и в Испании. Реакционный хортистский режим, союз Венгрии с фашистской Германией принесли плачевные результаты. Из сознания венгров постарались вытравить чувства интернационализма и уважения к первой в мире социалистической державе. Много жизней советских людей на совести венгерских реакционеров.

Расплата Венгрии за участие в войне была тяжелой. Это чувствовалось и летом 1947 года. Будапешт выглядел пустым, обезлюдевшим и мрачным городом. Преследовало ожидание выстрелов из окон высоких серых каменных домов.

На перроне будапештского вокзала ходил высокий человек в форменной одежде, с большой кожаной сумкой. Это был представитель венгерского банка. Он менял валюту на форинты - новую денежную единицу, введенную вместо пенго. В те дни 1947 года чтобы проехать на трамвае нужно иметь несколько миллионов пенго. Правда, это была купюра размером с почтовую марку. Инфляция требовала от людей миллиарды пенго.

Я подошел к представителю балка и спросил, можно ли рубли обменять на форинты. Ответ был кратким и резким: нельзя,

запрещено. Надо, однако, пообедать. Около вокзала на барахолке за махровое полотенце дали столько форинтов, что их хватило на обед для двоих, а вторая половина семьи поела из продуктов военного пайка, взятого в Румынии. Мой товарищ по фронту, работник советского посольства в Венгрии Смирнов в беседе нарисовал мрачную картину положения в стране. Да это было видно и не вооруженному статистикой человеку.

Чужой язык, неприветливый город, исподлобья глядящие люди, ощущение какой-то напряженности - вот впечатление от Будапешта в июне 1947 года. Желание скорее проехать Венгрию было поэтому вполне естественным. И когда я оказался в поезде Будапешт-Вена, то настроение выправилось, как будто миновал серьезное препятствие на пути. Только вспоминая Венгрию 1947 года, можно по достоинству оценить великие достижения венгерских коммунистов по переделке своей страны, по приобщению ее к братской семье народов социалистического лагеря.

Как попасть на поезд Будапешт-Вена? Ведь в Австрии хозяевами были союзники. В восточной части страны находились советские войска, в западной - американские. И хотя австрийцы воевали против нас на равных с гитлеровцами, в этой стране чувствуешь себя спокойнее, чем в Венгрии. Видимо, историческое прошлое, стремление австрийского народа к независимому существованию оставило отпечаток в его сознании.

Вена, в которой пришлось остановиться на несколько дней, выглядела благоустроенным мирным голодом. Шиллинги относились к устойчивой валюте, и если ты их имеешь, можно хорошо покушать. Красивая Вена как будто и не ощущала оккупационного режима, хотя советских военных в городе было много. Дом офицеров группы войск размещался в роскошном помещении дворцового типа. Но меньше всего приходилось думать о целях туристических. Как ни интересен собор святого Стефана, как ни прекрасен Венский лес, как ни велико желание хотя бы немного узнать австрийский народ, но моя цепь - попасть в Берлин, а до него еще далеко. К тому же было трудно попасть на поезд Вена-Прага. Понадобилось соблюсти некоторое формальности, чтобы получить право на проезд в Чехословакию. Освобожденная советским народом Чехословакия не знала никаких

оккупационных властей и сразу же после войны получила полную самостоятельность.

В вагоне поезда Вена-Прага никого, кроме моей семьи, не было. Проводник участливо спросил, куда я еду. После моего ответа он пространно рассуждал о чем-то, но я впервые слышал чешскую речь и ничего не понял. В конце концов, увидев дружественное расположение проводника, решился на проступок. У меня хранилась сторублевая бумажка, и я попросил обменять ее на кроны. После пространных объяснений, скорее всего, возражений, проводник дал мне сколько-то крон, которых хватило на обед в ресторане пражского вокзала.

Вокзал в Праге был переполнен. Впервые за многие годы я увидел шумных и веселых людей, пьющих черное пиво из тяжелых хрустальных кружек. От сугубо мирной обстановки мы давным-давно отвыкли, да и до войны нам не приходилось много веселиться. Страдания военных лет тогда, в 1947 году, еще не были забыты. Вероятно, поэтому до сих пор помню ресторан пражского вокзала, переполненный хорошо одетыми людьми с довольными лицами. Несколько позднее мне удалось вновь быть в Праге и присутствовать на опере "Тоска" в оперном театре. Бросилась в глаза надпись на дверях театральной ложи, гласившая, что ложа принадлежит машиностроительному заводу.

После февраля 1949 года рабочий класс стал хозяином положения, и будущее Чехословакии попало в надежные руки. Но до последнего времени спрашиваю себя, почему так прочно запечатлелась картина сытой и довольной публики на пражском вокзале? Вероятно, потому что 1947-й год являлся голодным для других стран Европы, опустошенных войной и переживавших трудности восстановления разрушенного. В Румынии невозможно было купить мяса и хлеба. В Венгрии свирепствовала инфляция. Трудящиеся Австрии не имели шиллингов. Немцы жили на полуголодном пайке. Чешский же народ не испытал ни разрушений, ни свирепой оккупации. Без паузы работали предприятия промышленности, сильно развившейся в годы войны. В неприкосновенности сохранялись производительные силы, а производители все до единого могли заниматься мирным трудом. Ничего не надо восстанавливать и строить заново. Уважительное отношение чехов к советскому человеку говорило о том, что они

понимали величие заслуг советского народа, своим героизмом спасшего Чехословакию от разрушительного смерча войны.

И все же, как в 1947 году можно было проехать без билета и без крон почти через всю Чехословакию? У кого просить разрешение для проезда из Праги до станции Подмокля на чешско-германской границе? Раз нет советских представителей, обращайся к всесильным железнодорожникам. Уважение чехов к Красной Армии заменило проездные документы. Чехи долго обсуждали, как советскую семью переправить через границу, да еще с чемоданами и ящиками. Документов не спрашивали, великолепно понимая, что отправить советского полковника обратно труднее, нежели переправить его в Германию. В конце концов, семья и имущество были погружены на дрезину, каким-то образом железнодорожники с помощью чешских пограничников протолкнули ее через границу, и мой "эшелон" оказался на территории оккупированной Германии.

Никогда не изгладится из памяти первое впечатление от пребывания в поверженной Германии. Маленькая пограничная станция называлась, насколько помню, Шоне. Настораживало полное безлюдье, станция освещалась слабо, и кругом все выглядело мрачно. Рельсы казались черными - без того сероватого отлива, который видишь при нормальном освещении. В помещении вокзальчика неуютно, холодно даже в летнюю пору. Вся обстановка заставляла семью вести разговоры шепотом, как будто мы находились во вражеском тылу. О том чтобы поужинать или попить горячего чайку, не могло быть и речи. Пришлось довольствоваться остатками румынских заготовок десятидневной давности. Мы испытывали неприятное ощущение беззащитности в этом темном уголке чужой и чуждой страны. Ведь вокруг не было советских людей.

Безлюдье на станции и настораживающая темнота создавали впечатление, будто через два года после войны вся Германия выглядит такой же мрачной и настороженной, как и станция Шоне на германо-чехословацкой границе. Чувство победителей, очевидно, преодолевало боязнь диверсии против одинокой советской семьи. А может быть, форма вооруженного советского офицера заставила немцев отпрянуть от станционного здания? Не знаю. Во всяком случае, на окраине

бывшего фашистского рейха мы чего-то опасались, но терпеливо ждали поезда.

Наконец-то от станции Шоне в предутренние часы поезд двинулся на север, к Берлину.

На территории Саксонии, ближе к Дрездену, стали встречаться признаки нового и необычного. То и дело увидишь человека в советской военной форме, и на душе становится спокойнее. Я понимал, что где-то близко размещены наши войска. А на Силезском вокзале, попав в сферу власти советского коменданта Берлина, а затем в руки работников издательства "Советское слово", я почувствовал конец путешествиям без визы и как бы вступил в собственные владения.

Переезд от Констанцы в Берлин через пять европейских государств, с семьей и без визы, в некоторой степени отражает обстановку послевоенного времени. Мы ехали по праву, завоеванному трудом и кровью советских людей. Крах немецкого фашистского государства и союзных с ним государств привел к тому, что несколько лет не существовало препон для передвижения советских людей по всей Германии и многим европейским странам.

К оглавлению

В бывшем Прусском банке

Редакция "Советского слова" размещалась в центре Берлина. Печаталась газета в другом районе города, а мы жили в Карлсхорсте, где размещались органы СВАГ. Каждую ночь наши машины сновали по Берлину с бумагой, матрицами, тиражом газеты. Автобусы привозили и увозили наших сотрудников на работу и с работы. Транспортом мы обеспечивались вдоволь, и разобщенность редакции и издательства не приносила особых трудностей.

Поражало и угнетало здание редакции, размещенной в фасадной части бывшего Прусского банка. Боковое крыло здания ремонтировалось, а второе крыло находилось в развалинах. Огромное здание размещалось на Жандармской площади, где пустыми окнами

зияли полуразрушенные здания театра и соборов - в них не было признаков жизни.

Здание бывшего Прусского банка находилось очень близко от американского аэродрома Темпельгоф, и шум самолетов сотрясал полупустые кварталы берлинского центра, где были нагромождены глыбы гранита, камня и кирпича. Гудела и наша банковская крепость.

Жандармен-маркт или Жандармская площадь - от одного нашего адреса можно смутиться. В 1848 году на этой площади расстреливали восставших берлинцев. Летом 1947 года на площади разместилась и давала представления бродячая цирковая труппа "Марелли-Чимаро". Марелли - хозяин труппы, а Чимаро - канатоходец. Через огромные окна редакции можно было наблюдать за цирковыми представлениями. Виднелся канат, подвешенный на высоте около 50 метров между зданием бывшего театра и куполом бывшего собора. Вечером, когда редакция трудилась в полную силу, по канату ходил циркач, подсвечиваемый прожектором. Зрители приходили со своими скамейками, но аплодировали слабо, а платили по принципу "шапка по кругу".

Мало сказать, что всех удивляла резиденция редакции, она ошарашивала, поражала. Комендант банковской крепости провел меня в подвалы, воспользовавшись ключом метровой длины, Чтобы открыть многотонную стальную дверь, комендант пользовался таблицей на дверном диске, набирая нужную цифру, чтобы ключ действовал. Кроме сотен стандартных металлических шкафов, очищенных от банковских документов, в подвале ничего не хранилось. Перед входом в подвал, в просторном фойе разместились шесть линотипов нашего наборного цеха.

Здание редакции газеты "Советское слово", бывший Прусский банк, Жандармен-маркт, Берлин, 1947

Всю войну нам приходилось ютиться в деревенских избах, а тут, пожалуйста - работайте в здании, где хранились богатства прусских фабрикантов и юнкеров. Редактору достался кабинет управляющего банком. Кроме стола и нескольких стульев в кабинете другой мебели не было. Космические просторы кабинета пятиметровой высоты не располагали к творческому труду и годились для крупного администратора. Рядом с кабинетом для него имелась комната для отдыха и небольшой зал для заседаний. Сотрудники размещались в просторных кабинетах, а гулкие коридоры были настолько велики, что секретариату впору было заводить курьеров. Но мы тогда были молодые и непритязательные.

Работникам редакции следовало, прежде всего, знать, для кого, для какого круга читателей предназначена газета "Советское слово". Она издавалась для работников управлений СВАГ, ее органов на местах, для военных комендатур и других советских организаций в зоне оккупации. Часть тиража отправлялась в Группу советских оккупационных войск. Политуправление СВАГ определяло тираж газеты в пределах 40-60 тысяч экземпляров. Четырехполосная газета

печаталась на плотной немецкой бумаге так называемым "рейнским форматом".

Сам я без колебаний согласился с назначением в "Советское слово" ответственным редактором, как тогда именовалась редакторская должность. Мне неведомы были задачи СВАГ, и я не представлял себе лицо газеты. Следуя своему правилу, знакомился с каждым сотрудником. Увы, настроение у них оставляло желать лучшего.

В июле 1947 года на стопе редактора лежало около десяти рапортов от военных журналистов с просьбой об отправке их на родину. Несколько товарищей требовали, чтобы их отпустили из "Советского слова" в любую военную газету. Из 44 сотрудников редакции и издательства, с которыми велась беседа, лишь немногие считали, что они попали в интересную газету. Но и те просиди переместить их в другие отделы редакции. Многих тянуло в отделы внутригерманской жизни.

Такому разброду в коллективе не приходилось удивляться. Ведь журналисты-офицеры, все до единого, пришли в "Советское слово" с опытом работы в боевых условиях и в войсках. Правда, в распоряжении СВАГ имелась большая войсковая часть в Саксонии, при комендатурах имелись воинские подразделения, причем в крупных городах довольно многочисленные, но их обязанности сильно отличались от войсковых подразделений. Какой должна быть газета? Этот вопрос должен был решать коллектив, и никто больше, поскольку опыта издания газеты в оккупированной стране никто не имел.

Первые номера газеты были похожи на солдатскую газету. "Повышать огневую выучку воинов", "Физическая подготовка офицеров", "Совершенствовать боевое мастерство" - такие и подобные заголовки перекочевали в "Советское слово" из фронтовых газет. Но газета создавалась для десятков тысяч советских людей, приехавших в Германию для защиты политических и экономических интересов своей Родины. И, конечно же, они не ощущали необходимости строевой или же стрелковой подготовке.

Центробежные настроения в редакции мешали быстрому нахождению лица газеты и повышению ее роли в коллективах советских людей. Стремлению журналистов уехать в Советский Союз

отчасти способствовали бытовые неурядицы. Холостяки были вынуждены прибегать к услугам немцев и расплачиваться за уборку квартиры, стирку и прочее продуктами из офицерского пайка.

На партийном собраний в августе 1947 года один коммунист заявил: проклинаю Германию за то, что вынужден пребывать на ее территории. Второй коммунист выразил редакционные настроения в форме вопроса: зачем и ради чего нам гореть на работе? Действительно, нельзя плодотворно работать в газете, если не знаешь, ради каких целей оставлен в Германии или же послан туда. Нельзя работать, сохраняя антинемецкие настроения военного времени.

Решающую роль в сплочении коллектива сыграла партийная организация редакции. На одном из собраний коммунисты высказались по всем наболевшим вопросам. О чем только ни говорили! О слабом внимании к газете со стороны руководства СВАГ и о неблагополучии с корректурой, о повышении бдительности и семейных неурядицах, о наступлении на буржуазную идеологию и об отзывах читателей.

В результате активной деятельности парторганизации редакция сравнительно быстро наладила внутреннюю жизнь. Прекратились "чемоданные" настроения, утряслось с вопросом распределения журналистов по отделам. Всем нашлось интересное дело и простор для журналистской работы. На редакционных летучках развертывалась товарищеская критика. Привычными стали ночные бдения, ведь газета начинала печататься в четыре часа утра. В общем, к концу 1947 года творческий коллектив "Советского слова" функционировал нормально.

Мы переехали в Карлсхорст, в большое и благоустроенное здание, разместившись рядом с основными руководящими органами СВАГ. А бывшее здание Прусского банка стали осваивать немецкие академики - для каждого из них отводился кабинет с библиотекой и со всеми удобствами.

Настроения в редакционном коллективе были характерными для многих советских людей, в течение нескольких лет живших вдали от родины. В одной из передовых статей газеты мы писали: "Нелегко советскому человеку жить и работать вдали от родной страны. Но мысль, что мы помогаем своему народу укреплять мир и безопасность, осуществлять послевоенную пятилетку, окрыляет нас". Горячий

советский патриотизм, в конце концов, победил отрицательные настроения, и в коллективе поняли благородные цели нашего пребывания за границей.

Перечитывая свои записи на партийных собраниях редакции "Советского слова", видишь, как постепенно складывалась обстановка трудового подъема, появлялись примеры инициативы журналистов. В июле 1948 года на собрании наши коммунисты уже говорили об удачах литературных сотрудников, о том, что в редакции сложилось ядро журналистов, понявших высокое предназначение "Советского слова" и честно отдававших свои силы газете.

Изменения в составе коллектива конечно были. Отдельные сотрудники уезжали на родину, других вынуждали уезжать семейные обстоятельства. К сожалению, имелись случаи принудительной отправки в Советский Союз, но отнюдь не по инициативе редактора. Присылали пакет со многими сургучными печатями, а в пакете приказ: такого-то откомандировать и в такой-то день доложить.

Похвалы заслужили многие сотрудники "Советского слова", усилиями которых создавалась газета. К ним относятся наши собкоры, представлявшие газету в Дрездене, Галле, Веймаре, Потсдаме и Шверине. Там работали такие опытнейшие газетчики, как Н.Рабинович, Ф.Козлов, А.Копаев, Д.Тытарь и А.Кизилов. В редакционном аппарате хорошо потрудились Б.Фарберов, М.Кунин, Н.Ковынев, Н.Писаревский, В.Егоров, Э.Дубовицкий, Н.Дубовенко, Г.Подоксенов, С.Улановский, В.Рудим и другие товарищи.

Внутренняя жизнь редакционного коллектива характерна тем, что в процессе работы над номером возникали споры. На летучках и совещаниях газетчики не только критиковали недостатки и отмечали удачные выступления, но и познавали состояние дел в зоне действия и в коллективах СВАГ. По письмам в редакцию и на читательских конференциях мы убеждались в высокой требовательности к газете со стороны читателей. Нельзя, конечно, сказать, что мы до всего доходили своим умом. Из последующих разделов воспоминаний можно будет сделать вывод, какое значение имела помощь и критика газеты со стороны читателей и руководящих работников СВАГ.

Чтобы выпускать ежедневную газету, необходимо иметь большое количество разнообразной информации. Запросы на информацию о

жизни своей Родины удовлетворяли материалы ТАСС и внештатных корреспондентов. Специфические запросы читателей, проявлявших острый интерес к событиям в зоне оккупации, частично удовлетворяло немецкое агентство печати (АДН), хотя оно только-только создавалось. В АДН, снабжавшей информацией немецкую прессу, работал русский белоэмигрант, насколько помню, по фамилии Пигулевский. По телетайпу он на русском языке передавал информацию, которая представляла интерес для советского читателя.

О трудном положении с информацией для газеты свидетельствовал один неприятный факт, относящийся к сентябрю 1947 года. Тогда на II съезд СЕПГ из Москвы прибыла делегация во главе с секретарем ЦК ВКП(б) М.А.Сусловым. Членом делегации являлся редактор "Правды" Поспелов П.Н.

II Съезд СДПГ, сентябрь 1947. Правее пустого кресла сидит, склонив голову набок и сцепив пальцы рук на колене, М.А.Суслов. Рядом с ним, ближе к центру ложи - Н.А.Бубнов

В день открытия съезда наша партийная делегация сидела в главной ложе оперного театра, где проходил съезд. Мы, журналисты, тоже находились в ложе. Приветствие ЦК ВКП(б), подписанное М.Сусловым, зачитывалось на немецком языке. Приученные ТАСС к определенной дисциплине, мы ждали официального текста приветствия ЦК ВКП(б) съезду СЕПГ, ждали, как всегда, до трех часов

утра, когда передачи ТАСС заканчивались, и не дождались. Советские газеты вышли без текста приветствия ЦК нашей партии.

На следующий день рано утром к тов. Суслову срочно вызвали начальника пресс-бюро СВАГ Колтыпина, редактора "Теглихе рундшау" Кирсанова, редактора "Советской Армии" Барышникова и меня. На вопрос тов. Суслова, почему советские газеты в Берлине не опубликовали текст приветствия ЦК ВКП(б), мы ничего не смогли ответить. Редактор "Советской Армия" Барышников пытался доказать, что в СВАГ не было должного порядка с информацией для наших газет. Но М.А.Суслову оставалось мало времени до начала заседания съезда СЕПГ, и он не стал решать сложный вопрос. Днем мы получили из Москвы официальный текст приветствия ЦК ВКП(б), и в очередном номере газеты опубликовали его на первой странице, причем дали самый крупный шрифт, какой только можно было найти в типографии.

Со временем, примерно через год после выпуска первого номера "Советского слова", мы научились добывать информацию собственными силами. Ее регулярно доставляли наши "корпункты" в землях, чаще стали ездить в командировки сотрудники редакции, создался актив корреспондентов из числа специалистов, работавших в управлениях СВАГ и на местах. Каждое утро редакция получала пачку немецких газет, и в график редакторского труда было включено время на просмотр берлинских газет. Слабо зная немецкий язык, мне пришлось нанять немецкую учительницу, помогавшую читать немецкие газеты. Она едва знала по-русски, не учила меня "их бин, ду бист", а помогала понять газетные публикаций. В конце занятия учительница говорила: мы занимались столько-то времени, с вас причитается столько-то марок.

В конце концов, основной трудностью становился не объем информации, а умение разобраться в потоке фактов и сообщений, особенно в дни бурных событий, связанных с обострением борьбы по германскому вопросу. Наши довоенные знания и опыт военного времени были явно недостаточны.

Приведу пример работы над номером "Советского слога" за 12 июля 1947 года. После выхода газеты в свет я прочитал сообщения о текущих событиях во всех возможных источниках. Нерадостная картина! Газета не опубликовала сообщение о запрете

коммунистических газет в западных зонах. Наша "соб.инф." о забастовочном движении в западных зонах отстала на 3-4 дня. Пропущена декларация блока партий Тюрингии по вопросу о единстве Германии. Прозевали сообщение об открытии памятника В.И.Ленину в Эйслебене. Не попало в газету сообщение о прибытии немецких писателей из Москвы и их первые интервью. Могли дать, но не дали сообщение о первом заседании немецкого экономического комитета Народного совета и о выступлении на нем против плана Маршалла. Не появилось в тот день в нашей газете сообщение об открытии "культуртага" СЕПГ и о выступлении там Пика, Гротеволя и известного датского писателя Андерсена Нексе.

Под впечатлением "исследования" в моем дневнике записано: "Газета зайдет в тупик, если она будет отставать и плестись в хвосте событий". Дело, конечно, не ограничилось записью в дневнике. В моих руках появилось убедительное основание для конкретных указаний секретариату, отделу внутригерманской жизни и для других действий, обеспечивающих своевременный приток информации в редакцию.

В 1948 году "Советское слово" выглядело уже оригинальной газетой. Сложился дружный трудовой коллектив, журналисты поднаторели в германском вопросе, образовался актив добровольных корреспондентов. Газета выходила по графику, распространялась быстро, имела вполне приличный внешний вид. В Политуправлении СВАГ на одном из совещаний говорили о требованиях увеличить лимит на подписку для комендатур, администраций земель и для Группы войск. Редакция провела большое количество читательских конференций, где от похвал в адрес газеты могла закружиться голова.

Имеет смысл привести запись телефонного разговора редактора с читателем.

- Редакция? Говори т. Ефимов. Чем кончилась партия международного шахматного турнира?

- Откуда звоните?

- Из войсковой части.

- Знакомы ли Вы с нашим представителем по Мекленбургу?

- Знаком. Хорошо, что имеете здесь своего корреспондента. На вашу газету большой спрос.

- А вы в газете читаете только о шахматах?

- Нет, что Вы! В газете много интересного. Передайте работникам редакции спасибо от нашего личного состава.

- Спасибо, товарищ Ефимов.

Особенность "Советского слова" заключалась еще в том, что она набиралась, версталась, матрицировалась и печаталась руками немецких рабочих. Мы писали и печатали на машинках по-русски, конечно, а немцы набирали текст, не зная русского языка. Странно, но факт: в один из рабочих дней ко мне явились представители профсоюза и заявили, что по закону, изданному в прошлом веке при Бисмарке, за набор на иностранном языке доложена быть надбавка к зарплате. Надбавку дали без всяких споров.

По карточкам немецкие рабочие, в том числе и в нашей типографии, получали скудный паек. В 1948 году по распоряжению органов СВАГ для индустриальных рабочих вводилось дополнительное к нормам снабжения горячее питание, или, как его называли немцы, "котиковессен", связывая улучшение питания с фамилией советского коменданта Берлина. Немецкий профсоюз с помощью нашего издательства быстро оборудовал столовую, куда в термосах привозили горячую пишу и раздавали рабочим цеха. Немцы хорошо знали, сколько калорий содержится в миске мясного супа, как и в пайке, который они получали по карточкам. Меня удивлял их математический подход к питанию, с калориями они обращались как с граммами. А что сделаешь, если их нормированный рацион был низким!

В какой-то книге о Первой мировой войне говорилось, что еще в те годы немцы научились организованно голодать. Был период и после Второй мировой войны, когда питание немцев сильно ограничивалось. История приучила их к калориям и расчетам.

Трудовая дисциплина у немецких рабочих была безупречной. Ровно в два часа дня, как и положено по графику - ни минутой раньше или позже, наборщик поднимается с рабочего места, снимает рабочий халат, моет руки, поправляет галстук и, опять-таки, в определенное время пьет уже подогретый кофе и ест неизменные бутерброды. Нашим офицерам, руководителям издательства и типографии не приходилось призывать рабочих к соблюдению трудовой дисциплины.

Впрочем, мы попробовали поднять наборщиков на социалистическое соревнование. Говорили им, что советские наборщики за смену набирают в полтора-два раза больше знаков, чем наборщики "Советского слова". Наше предложение немцы довольно твердо отклонили, ссылаясь на то, что они производят набор на иностранном языке.

- Немецкие рабочие и так хорошо работают, - заявил нам профсоюзный функционер.

Отношения между советскими офицерами и немецкими рабочими складывались хорошо. В августе 1947 года я выступал перед рабочими типографии по случаю выпуска сотого номера газеты. Есть такой обычай у немцев. Выступал я на немецком языке, заблаговременно "записав" свою речь в памяти. Небольшое выступление советского "оберста" и "шефа" редакции принималось, к моему удивлению, с горячим одобрением. Рабочие, очевидно, почувствовали уважение со стороны победителей и будущих друзей.

Деятельностью немецких рабочих типографии и издательства руководил начальник издательства И.И.Теренин. В его распоряжении находилось имущество, оцениваемое в миллион марок. Мне почти не приходилось вмешиваться в дела издательства, так как оно работало бесперебойно. Правда, за недостатки в ведении отчетности зам. Главноначальствующего СВАГ генерал Дратвин объявил мне выговор и, успокаивая, сказал: - Не тебе одному объявлен выговор, многим. Собственно за редакционные дела иногда назревало взыскание, но так ни разу и не обрушилось на потрепанные редакторские нервы.

В настоящее время подшивки "Советского слова" хранятся в библиотеке Института марксизма-ленинизма. Они понадобятся тем, кто изучает историю социалистических преобразований на немецкой земле, кто захочет оценить интернационализм советского народа и его проявления в побежденной стране, кто исследует корни "холодной войны".

Газету "Советское слово" можно считать летописью событий в послевоенной Германии. Имеются несомненно горы документов, до которых могут добраться лишь будущие исследователи событий, наши и немецкие историки. Мы же в "Советском слове" по мере сил трудились над тем, чтобы советские люди знали задачи СВАГ, глубоко

понимали советскую политику в германском вопросе. И как только оказались выполненными задачи СВАГ, а затем Советской Контрольной Комиссии, так отпадала необходимость выпуска нашей газеты на немецкой земле.

К оглавлению

По праву победителей

Слово "СВАГ" сегодня ушло в область далеких времен. Но до октября 1949 года это слово, рожденное победой, не сходило со страниц газет, значилось во многих политических документах. Для "Советского слова" СВАГ - Советская Военная Администрация в Германии, кроме того, означала руководящую инстанцию, печатным органом которой мы являлись.

Следует немного сказать о юридической стороне вопроса. Пятого июня 1945 года Советский Союз, США, Англия и Франция подписали декларацию "О поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами четырех оккупирующих держав". Принципы и цели оккупации определялись Крымской и Потсдамской конференциями 1945 года. Более четырех лет немцы не имели центральной власти, а хозяином положения в стране оставался Контрольный Совет для Германии. В каждой из оккупационных зон создавались самостоятельные органы власти.

Советская Военная Администрация в Германии имела довольно сложный и разветвленный аппарат, состоящий из управлений и отделов. В землях Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия, Бранденбург и Мекленбург имелись солидные советские учреждения для управления делами в рамках земли, представлявшей что-то вроде нашей области. В каждом городе и районе действовали советские военные комендатуры, располагавшие административным аппаратом и военными подразделениями, размер которых зависел от величины города. Комендатура Берлина существовала на особых правах.

В своей деятельности СВАГ опиралась на советские войска. В те времена имелась должность, пожалуй, с самым длинным названием - Главнокомандующий советскими оккупационными войсками в

Германии и Главнокомандующий Советской Военной Администрации в Германии.

Составной частью многотысячного контингента СВАГ являлся и коллектив "Советского слова". Журналисты были пропагандистами политики партии и организаторами проведения в жизнь ее линии в германском вопросе.

О деятельности органов СВАГ речь впереди. Сейчас коротко остановимся на роли военных комендатур, от которых во многом зависело успешное выполнение задач оккупационного режима. Коменданты и комендатуры непосредственно отвечали за состояние дел в городе или же районе.

Писатель Э.Казакевич в повести "Дом на площади" запечатлел образ советского военного коменданта в небольшом немецком городке. Неутомимый советский офицер не жалел сил, чтобы поднять население на расчистку развалин и восстановление зданий. Немцы называли коменданта "капитан давай-давай". Да, военные коменданты распространенным русским словом торопили немцев, чтобы скорее закончить восстановление городов и наладить промышленность и городское хозяйство.

Разрушения многих немецких городов были ужасающими. Город Люббен, например, был разрушен на 80 процентов. Коменданту города и района подполковнику Харламову Н.И., так же как и "капитану давай-давай", много пришлось потрудиться, чтобы поднять город из руин. Никакие местные органы без помощи военных комендантов не смогли бы в короткие сроки провести восстановительные работы. Через два года после окончания войны в Берлине, Дрездене и в других сильно разрушенных городах улицы были расчищены, но по обеим их сторонам оставались руины зданий и горы битого кирпича. Многие жители испытывали острую нужду в жилье.

В середине 1947 года в "Советском слове" публиковались заметки работника комендатуры берлинского района Кёпеник. В 1945 году район насчитывал 100 тысяч жителей. В комендатуру поступило 11 тысяч заявлений на предоставление квартир. Восстановление разрушенного, пуск предприятий, обеспечение их сырьем, ликвидация безработицы, борьба с черным рынком, снабжение населения продовольствием - все это ложилось на плечи комендатуры. Много

трудился и бургомистр Кёпеника, выдвинутый из числа старых коммунистов. И если в первые дни после войны жизнь на 29 предприятиях Кёпеника еле-еле теплилась, то через два года в районе действовало уже 166 фабрик и заводов.

Восстановительные работы, наведение порядка на предприятиях, аграрная реформа, денацификация, вопросы снабжения населения продовольствием и товарами широкого потребления, школьные и жилищные дела, подбор кадров и сотни других обязанностей ложились на плечи военных комендатур. Поэтому в комендатуры направлялись наиболее энергичные офицеры, прошедшие боевой путь на войне. В Берлине, например, дежурными помощниками военного коменданта служили Герои Советского Союза гвардейцы Афанасьев и Костин.

Военные комендатуры СВАГ заботились о квартирах для немцев, о горячем питании рабочих, разбирали жалобы, принимали бесчисленных посетителей, осуществляли патрульную службу, охраняли важные объекты, и все это делалось, наряду с заботой о производстве, о создании местных органов власти, о севе и уборке урожая, заготовке продуктов и т.д. Даже нормированием электроэнергии на бытовые нужды приходилось заниматься комендатурам. А сколько хлопот требовала помощь партиям, профсоюзам и другим общественным организациям! К сказанному следует добавить, что комендатуры отвечали за обеспечение интересов нашей Родины, в первую очередь - за выполнение репарационных планов.

Как известно, главных виновников развязывания Второй мировой войны Нюрнбергский трибунал приговорил к смертной казни через повешение, второстепенных виновников заключили в тюрьму. Однако народ, позволивший Гитлеру осуществлять захватнические походы, грабить чужое добро, сжигать чужие города и села, такой народ тоже должен был нести определенную ответственность и своим трудом расплачиваться за прошлое.

Передовые немецкие рабочие это понимали. В "Советском слове" печаталось выступление на митинге сталевара Поллинга: - Мы знаем всю глубину вины Германии, дважды нападавшей на Россию и принесшей Советскому Союзу в последней войне особенно большие

разрушения. Эту вину нужно честно искупить, завоевать доверие и доказать, что теперь Германия идет по новому пути.

Мысль немецкого рабочего совпадала с точкой зрения партии немецкого рабочего класса. На объединительном съезде в апреле 1946 года коммунисты и социал-демократы от имени Социалистической Единой партии Германии открыто заявили о необходимости возместить ущерб, принесенный гитлеровским режимом другим народам.

Право на репарации определялось Крымской конференцией 1945 года. Союзники по антигитлеровской коалиции тогда - еще до окончания войны, решили после разгрома фашистского рейха заставить Германию возместить ущерб, причиненный войной другим странам. Потсдамская конференция утвердила основные положения по взиманию репараций.

В составе Контрольного Совета для Германии имелся отдел репараций. В составе СВАГ действовало управление по репарациям, и на него возлагалась весьма ответственная задача. С побежденной Германии Советскому Союзу и Польше причиталось получить репараций на сумму 20 миллиардов долларов.

Уплата репараций производилась товарными поставками из текущей продукции промышленности, а также путем единовременного изъятия материальных ценностей. В счет репараций Советскому Союзу передавался ряд крупных предприятий.

В Советской зоне оккупации демонтировано в общей сложности 670 предприятий, из них 600 имели чисто военный характер. И после демонтажа авиационных, артиллерийских, танковых и других заводов, часть которых действовала в подземных помещениях, в Советской зоне оккупации оставался мощный индустриальный потенциал. Около 1900 крупных предприятий стали действовать на правах советско-германских акционерных обществ. Их деятельность направляло специальное управление в системе СВАГ.

Мне удалось побывать на акционерном предприятии "Буна". В 1949 году завод насчитывал 28 тысяч рабочих и выпускал несколько тысяч наименований продукции. Заводская выставка производила большое впечатление. "Буной" управляла генеральная дирекция во главе с советским специалистом Т.Назаровым, которому подчинялась

немецкая администрация. Две трети изделий "Буны", главным образом резиновых, шли на немецкий рынок, а остальная часть продукции отправлялась в Советский Союз в счет общезонального плана репараций.

Для покрытия репараций и обязательных поставок в общем изымалось около четвертой части товарной продукции, производимой в оккупационной зоне. В мае 1950 года правительство ГДР обратилось к Советскому правительству с просьбой о снижении репарационных платежей. Советское правительство по согласованию с правительством Польши приняло ращение удовлетворить просьбу правительства ГДР. Оставшиеся платежи на сумму 6 миллиардов долларов были уменьшены наполовину, а уплата причитающихся репараций и поставок были рассрочены на 15 лет. В результате такого снижения репарации в 1950 году составляли только 4,4 процента валовой промышленной продукции ГДР, а в последующие годы еще меньше.

Редакция газеты "Советское слово" в Трептов-парке, 23 февраля 1950

Тогда же Советское правительство решило передать в собственность немецкого народа 23 предприятия советских акционерных обществ. К ним относился, например, хемницкий завод электроизмерительных приборов "Симено-Гальске". Немецкая

общественность с благодарностью встретила шаг Советского правительства, и мы в "Советском слове" опубликовали отклики на это важное событие в жизни ГДР. В мае 1952 года немецкому народу были переданы еще 66 предприятий, а с 1 января 1954 года и остальные предприятия. В дальнейшем, когда репарации были уже выплачены, правительство ГДР стало полновластным хозяином промышленного потенциала, а товарообмен между СССР и ГДР регулировался договорами.

Тяжесть репарационных поставок из советской зоны увеличивалась тем, что западные державы сорвали причитающиеся поставки из западных зон Германии. У империалистических держав имелся свой расчет: затормозив восстановление народного хозяйства СССР, экономически обессилить советскую зону оккупации, сохранить богатства западногерманских капиталистов.

Высокие моральные принципы лежали в основе деятельности большого отряда советских людей, посланных в Германию не только для обеспечения интересов Родины, но и для помощи немцам в строительстве новой Германии. Городской комендант Геры (Тюрингия) подполковник Малец в своей статье в "Советском слове" писал: "Мы не делали бизнеса на нужде немецкого народа, не закабаляли его и не унижали...".

Следует сказать, что в семью советских людей, работавших в Германии, проникали отдельные подлецы. Это те, кому на время удавалось скрыть свои прошлые грехи и грязные дела. При первой же опасности для их карьеры они старались улизнуть от правосудия и найти пристанище во вражеском стане. Таких отщепенцев насчитывались единицы, но они доставляли большие неприятности руководителям СВАГ. Назову имя одного изменника - подполковник инженерной службы Токаев.

В июле 1947 года газета опубликовала первую часть статьи Токаева о ликвидации военно-авиационного потенциала Германии. Автор ведал этим делом в Советской Военной Администрации. Материал был написан довольно интересно, и редакция решила публиковать статью в двух номерах газеты. Мы были поражены, когда после выхода в свет газеты с первой частью статьи в редакцию

сообщили о том, что автор сбежал к американцам. Предатель по американскому радио сеял клевету в адрес нашей Родины.

Вспоминаю о неприятном случае только потому, что он в какой-то степени отражает обстановку в Берлине 1947 года. Там шла борьба двух миров не только за привлечение на свою сторону немцев. Имелась настоятельная необходимость бороться и за сознание советских людей.

После случая с Токаевым становилось ясным, что спокойных дней в газете не будет, надо проявлять политическую бдительность и искать пути к сознанию и сердцам наших читателей.

Подавляющее большинство работников СВАГ показали себя подлинными патриотами, а действия отдельных подлецов вызывали гнев советских людей. Работникам редакции приходилось встречаться с тысячами товарищей, в том числе и с руководителями СВАГ в Берлине и на местах. Можно с полной уверенностью сказать, что партия для работы за границей посылала замечательные кадры. Но в семье не без урода, как гласит старая поговорка.

Выдающуюся роль в деятельности СВАГ играл Маршал Советского Союза В.Д.Соколовский. На этом посту он сменил Г.К.Жукова. Мне приходилось слушать выступления комдива Соколовского в 1937 году, когда он возглавлял штаб Уральского Военного округа. Через 10 лет, в 1947 году, пришлось увидеть его в необычной для военного человека должности. На собрании партийного актива СВАГ осенью 1947 года В.Д.Сокоповский делал доклад. Во время перерыва его окружили члены президиума собрания и поздравляли с награждением орденом Ленина. Заметно смущенный вниманием, он благодарил всех и произнес фразу: - Вот уже и пятьдесят стукнуло!

Маршал Соколовский находился в расцвете сил. Он был по-мужски красивым и моложавым - высокий и стройный, солидный и спокойный. Внешнее обаяние усиливалось славой полководца и богатым опытом штабной работы. Его уверенность и необходимый такт на заседаниях Контрольного Совета вполне соответствовали задачам верховной власти в Германии, а также требованиям этикета в весьма солидном международном органе.

В 1949 году, незадолго до образования Германской Демократической Республики, Маршала Соколовского сменил генерал армии В.И.Чуйков, позднее также получивший маршальское звание. Случилось так, что первое впечатление о новом Главнокомандующем сложилось опять-таки на собрании партийного актива, где Чуйков делал доклад об очередных задачах СВАГ. Возглавляя комиссию по составлению резолюции, я вместе с другими товарищами много потрудился, расписывая, что делать коммунистам таких-то и таких-то управлений. После зачтения проекта резолюции выступил В.И.Чуйков и тактично раскритиковал ее директивный характер, раскрывающий такие стороны деятельности СВАГ, о которых заявлять публично не следовало. Собрание поручило политическим органам СВАГ переработать резолюцию. Я лично некоторое время чувствовал себя обескураженным, получив весьма полезный и незабываемый урок.

Заседание Контрольного Совета по Германии (11 февраля 1948). На переднем плане: М.И.Дратвин, В.Д.Соколовский, В.С.Семенов. На заднем плане - Н.А.Бубнов

Воспоминание об эпизоде с резолюцией партактива, а потом и другие события, убедили меня в том, что в лице В.И.Чуйкова СВАГ имеет умного, опытного, самостоятельного и решительного руководителя. В делах военных он, может быть, был временами резок,

как рассказывали товарищи, но в делах СВАГ - достойным руководителем. Его слава героя Сталинградской битвы многое значила для советских людей, да и для немцев.

Приведу один эпизод. В апреле 1950 года в редакции раздается телефонный звонок.

- Говорит Чуйков. У вас в редакции есть письменные жалобы на плохие квартирные условия работников СВАГ?

- Имеются, товарищ генерал, - ответил я.

- Принесите мне жалобы через два часа.

Вопрос В.И.Чуйкова был для меня неожиданным, и я поторопился с ответом. Помнилось, что в редакцию поступило письмо по квартирному вопросу, но только одно. Говорить же о письмах во множественном числе не было оснований. Как идти с одной бумажкой к Главноначальствующему? Пришлось вызвать товарищей, приехавших из командировок. Они добавили к письму еще пару фактов, и через два часа я прибыл к В.И.Чуйкову.

На столе лежали кипы бумаг. Его то и дело вызывали по телефону из Москвы. Вот звонит, судя по разговору, какой-то замминистра, сетует на задержку поставок в Советский Союз каких-то машин.

Видя занятость В.И.Чуйкова большими государственными делами, я решил не задерживаться в его кабинете и не задавать вопросов. Но повесив телефонную трубку, генерал заговорил сам.

- Посмотри в окно, редактор. Сколько стоит машин во дворе! Это все ответственные работники СВАГ. Многие стремятся иметь по две машины и по два шофера. Сколько же людей бездельничает?!

Что я мог ответить? Понял, что квартирный вопрос не актуален, и мои жиденькие писульки не нужны. Рассуждать о том, как сократить число личных машин и дежурных шоферов - тоже не решился.

Возвратился в редакцию и подумал: Главноначальствующий выбрал своеобразный способ познакомиться с редактором, а заодно показать ему, чем приходится заниматься руководителю СВАГ. Так или иначе, но сама по себе встреча с В.И.Чуйковым явилась поддержкой газеты, а это для редакционного коллектива имело значение не меньшее, нежели общие установки, которых было предостаточно.

Внимательно следил за газетой Заместитель Главноначальствующего СВАГ по политическим вопросам генерал В.Е.Макаров. Некоторые статьи он хвалил. - Пусть, - говорил он, - сотрудники СВАГ читают "Советское слово" во время работы, от этого будет большая польза. Только не ориентируйте читателя односторонне, действуйте смелее и не бойтесь ошибок.

Хорошо относился к газете генерал А.Г.Русских, сменявший генерала Макарова. Непосредственным руководителем "Советского слова" был начальник Политуправления СВАГ, в котором все работники внимательно относились к газете, к внутренней жизни редакции. Они указывали на недостатки, являлись авторами пропагандистских статей. Помогали решать такие вопросы, как финансы, валюта, типографская техника, редакционный транспорт, снабжение - в общем, все то, без чего газету выпускать невозможно.

Из руководителей СВАГ наибольшее влияние на "Советское слово" оказывал Политический советник СВАГ В.С.Семенов. Название должности выглядело скромно, однако в первые же дни работы в редакции мне стало ясно, что от этого дипломата многое зависит как в развитии зоны, так и в схватке с империализмом - своего рода "диаволом", стремившимся вытеснить Советский Союз с позиций, занятых в Центральной Европе.

В.С.Семенов никогда не давал мне прямых указаний и, тем более, не командовал редакцией. Если и возникала необходимость в конкретных указаниях, то он передавал их через С.Г.Алексеева, ведавшего делами прессы, большого друга нашей газеты, ее активного автора.

У Политсоветника имелись замечательные помощники. Скромный и молчаливый М.Г.Грибанов присылал нам интересные корреспонденции из Лондона и Парижа, с совещаний министров иностранных дел и с сессий ООН, где обсуждалась германская проблема. Он очень уважительно относился к газете. Дипломат Г.П.Аркадьев глубоко изучал экономику капитализма и давал нам содержательные статьи.

Советские дипломаты своими выступлениями на страницах "Советского слова" направляли политическую линию газеты и ориентировали читателей по германской проблеме. В моем дневнике

записано: "Влияние Семенова огромно. Видимо, он решил свою фигуру не выставлять на первый план - и так всякого начальства много. Но почему он не хочет нам помогать, ей-ей не понимаю". Принесешь передовую статью по германскому вопросу, а он отказывается читать. Попросишь провести беседу с журналистами редакции, а он отвечает: мне некогда, и я не пропагандист. Спрашиваю: публиковать или нет интервью Пика, а Семенов, пожав плечами, отвечает: я не знаю. Звоню по телефону, спрашиваю, следует ли публиковать материал о Максе Реймане, слышу ответ: согласуйте с Политуправлением, мы Западом не занимаемся. В лучшем случае дипломат В.С.Семенов скажет: - Я указаний не даю, а только советую, хотите выполнять совет - выполняйте.

Через некоторое время я убедился, что В.С.Семенов действовал правильно и разумно. Кроме соображений, связанных с субординацией, он заставлял меня, а значит и редакцию, учиться плавать в море событий того времени. На подсказках не создашь интересную газету. К тому же Попитсоветник дал для "Советского слова" десятки статей под псевдонимами Орлов, Панков и другими. Никаких статей мы ему не заказывали, он их сам присылал в редакцию. Статьи носили наступательный характер, автор не щадил западных противников советской политики по германскому волосу.

Первое время без ведома автора мы не могли изменять и даже сокращать статьи. Действительно, статьи, поступавшие из ведомства Политсоветника, были безупречны в литературном отношении, не говоря уже о политическом содержании. Но и в редакции имелись "свежие головы", придирчивые журналисты. В конце концов, по мере укрепления доверия к редакции, Политсоветник уже не претендовал на неприкосновенность текстов статей.

Летом 1950 года я пришел к В.С.Семенову на прием. За столом сидел чисто выбритый, с иголочки одетый, свежий и в хорошем настроении дипломат.

- Вот, Бубнов, мне сегодня исполнилось сорок лет, - сказал В.С.Семенов, слегка улыбаясь и продолжая что-то писать. Поздравил его с днем рождениям, и мы тут же приступили к делу. Решал вопросы Семенов быстро, его ответы были краткими и определенными.

Люди из категории бездельников и болтунов говорили, что Семенов сух и неприветлив. На самом же деле это был человек предельно занятый, строгий в использовании рабочего времени, по-ленински скромный деятель. На малейший намек на похвалу в его адрес следовал ответ: - Я лишь выполняю указания ЦК партии и правительства.

Выполнял указания В.С.Семенов весьма поучительно. Его нередко видели с большой пачкой книг, я некоторые остресловы называли Семенова "книжником". Да, для определения позиции только по отношению к такому, например, деятелю веймарской Германии как Вирт, Семенову пришлось прочитать его речи и написанное о нем. А сколько новых деятелей выдвигалось тогда на политическую арену Германии! Кто-то их должен был поддержать их позицию или опровергнуть их доводы.

Исключительно трудоемким было составление важнейших политических документов СВАГ. Незадолго до образования ГДР В.С.Семенов вызвал к себе человек десять работников советской прессы в Берлине и предложил каждому написать проект обращения к немецкому народу по случаю провозглашения Германской Демократической Республики. Я не принял предложение. Статью - пожалуйста, но написать политический документ исторического значения мне не по зубам: не та специальность и не тот опыт.

Я внимательно изучал стиль работы В.С.Семенова, его умение оценивать положение в зоне, в Германии, его научный подход к решению вопросов политики. Через 30 лет, когда Владимиру Семеновичу исполнилось 70 лет, и его наградили орденом Ленина, я искренне его поздравил. В ответном письме он положительно отозвался о сотрудничестве с "Советским словом".

Большую известность в зоне приобрел С.И.Тюльпанов, начальник Управления информации СВАГ. Возглавляемое им мощное учреждение занималось всем, что относилось к деятельности общественных организаций и к пропаганде. Многоэтажное здание Управления в Берлине было забито сотрудниками. Отделы информации в землях являлись тоже влиятельными органами. Многие работники информации выступали авторами нашей газеты, в том числе и С.И.Тюльпанов. Выступления "оберста Тюльпанова" перед немцами

вызывали большой интерес и отклики. Говорил он по-немецки просто и не так цветисто, как немецкие ораторы. Редакция находилась в контакте с этим руководителем, занимавшим весьма ответственный пост. Позднее С.И.Тюльпанов работал проректором Ленинградского университета и руководителем Ленинградского отделения Общества советско-германской дружбы.

Давая краткую характеристику некоторых руководителей СВАГ, я далек от претензии на полную оценку их деятельности. Правда, должность редактора газеты позволяла иметь свою точку зрения на работу того или иного руководителя. Во всяком случае, гораздо более обоснованную, нежели чем оценки из любого кабинета в Карлсхорсте.

Редакция отличается от других коллективов тем, что ее сотрудники непрерывно находятся в водовороте событий, соприкасаются со многими людьми, обрабатывают большое количество информации, лишь незначительная часть которой попадает на страницы газеты. С редакционной вышки многое видно. Еще на войне я стал определять качество руководителей политического или партийного органа по их отношению к собственной солдатской газете.

Глубоко убежден, что во главе СВАГ партия поставила руководителей, оправдавших ее доверие. Их имена невозможно отделить от исторических перемен, происшедших в Германии в первые послевоенные годы. Возглавляя большой коллектив советских людей, руководители СВАГ внесли ощутимый вклад в строительство фундамента, на котором сейчас прочно зиждется Германская Демократическая Республика.

Администраторы, коменданты, специалисты разных областей промышленности, сельского хозяйства и культуры, военные и невоенные, могли свой советский опыт широко использовать в деятельности СВАГ. А как быть нам, газетчикам?

В 1948 году мы опубликовали передовую статью "Почин забойщика Геннеке". По примеру Стаханова, немецкий шахтер дал рекордную выработку угля. В Политуправлении СВАГ мне сказали: опубликовав передовую о Геннеке, газета допустила политическую ошибку. Вспоминая мой спор по этому вопросу, уверен, что газета тогда поступала правильно. Советские читателя должны были понять наступающий перелом в сознании немецких рабочих, их стремление

повысить производительность труда в интересах общества. Ростки социалистической сознательности следовало поддержать. Кстати сказать, в 1969 году в ГДР широко отмечалось 20-летие трудового почина Геннеке.

В редакции мы ощущали растущий интерес работников СВАГ к тому новому, что рождается в зоне. Ведь в Германию мы пришли не только как победители, но и как убежденные сторонники социализма и опытные его строители. Под воздействием советских людей, работавших в СВАГ, происходило революционное обновление Германии. Советские люди - интернационалисты, и их целью являлось достижение дружеских отношений с немцами. Хочется сказать уверенно: небольшой отряд журналистов СВАГ правильно понимал свои задачи, вытекающие из политики партии и правительства по германскому вопросу.

Наиболее серьезные трудности редакция "Советского слова" переживала при освещении работы органов СВАГ и их сотрудников. Первое время мы увлекались вопросами боевой учебы в подразделениях комендатур, но мало касались специфических задач этих разветвленных органов оккупационного режима. Зачем писать о тактических занятиях, если каждая комендатура получала военную газету Группы войск?

Мы искали оригинальное лицо газеты, и нашли его. На партийном собрании редакции один коммунист спрашивал: - Что можно писать о работе советских людей, занимавшихся, например, репарациями? Другой спрашивал: как бороться с отрицательными явлениями в органах СВАГ? А кто мог отвечать на подобные вопросы? Требовался журналистский поиск. При всем том нам постоянно приходилось считаться с особенностями работы советских людей за границей. Мы знали, что Москва высказала недовольство состоянием воспитательной работы среди сотрудников СВАГ. Советские люди не могли изолироваться от местного населения, и надо было найти пути к тому, чтобы сотрудники СВАГ не поддавались влиянию буржуазной идеологии и морали, чтобы они избегали бюрократизма в работе.

По этим острым вопросам наши выступления за редким исключением носили общий характер. Приведу выдержку из передовой статьи "Советского слова" за 26 февраля 1949 года. В ней

мы подвергли критике недостатки в деятельности аппарата СВАГ, выступили против фактов холодного равнодушия отдельных работников, указывали на непонимание ими значения своей деятельности для укрепления могущества Родины. "Надо каленым железом вытравить элементы благодушия и потери большевистской бдительности, а также элементы бюрократизма, медлительности, неоперативности в деятельности аппарата СВАГ".

"Каленым железом" - это газетный язык сороковых годов. Наша передовая статья выглядела лишь как подражание центральным советским газетам, в те годы критиковавшим невзирая на лица. А как быть нам за границей, стоит ли обнажать недостатки в работе советских людей? В моих дневниках есть записи о хождениях по начальству с вопросом: кого и как критиковать. Заместитель Главноначальствующего генерал Дратвин выразил недовольство нашей критикой деятельности офицеров комендатур. Начальник Политуправления СВАГ генерал А.Г. Руссов за критику одного политработника комендатуры сделал редактору внушение: "За это буду наказывать". Правда, наказывать меня не пришлось, так как критику никто не запрещал.

В конце концов, мне тот же начальник сказал: "Что вы ведете разговор о критике? Разве других дел нет?!" Эта фраза заставила меня задуматься. Хотя наши критические материалы обсуждались в первичных организациях СВАГ и приносили пользу, но жизнь отвергала приемы несдержанной, разносной критики. В этом следовало убедиться всем журналистам редакции.

На партийном собрании один из коммунистов заявил: - Ссылка на заграничные условия есть зажим критики, ведь "Правда" продается в киосках Берлина, а она критикует даже министров. Большинство коммунистов не поддержали такую прямолинейность в суждениях, да и некоторые факты заставляли задуматься.

Мне пришлось целый день заниматься разбором конфликта с комендантом берлинского района Лихтенберг. В редакцию приехал комендант полковник Пангани, которого мы критиковали в передовой статье. В критике недоставало убедительных фактов, относящихся к быту солдат комендатуры. Газета поставила в тяжелое положение коменданта, и польза от критики оказалась сомнительной. Правда, в

редакции нашлись товарищи, которым конфликт с комендантом даже понравился, и они говорили: вот так и надо бить по недостаткам. Как будто критика - самоцель газеты.

Критиковать человека проще, чем написать о его добрых делах. Тем более что в 40-х годах имело хождение порочное правило: критика полезна, если в ней пусть даже пять процентов правды.

Патриотизм советских людей, посланных для работы в Германии, проявлялся в специфических условиях, при решении таких задач как демилитаризация, денацификация и демократизация побежденной Германии. На такой основе и только на такой могло родиться немецкое государство дружественное Советскому Союзу.

Советская политика в отношении Германии покоилась на научных принципах, один из которых требовал, чтобы массы немецких трудящихся на своем опыте убедились в необходимости революционных преобразований. Второй важнейший принцип заключался в том, что хозяином положения в индустриальной стране должен стать рабочий класс во главе с авангардом - марксистско-ленинской партией.

Конечные цели СВАГ и СЕПГ совпадали. В совокупности они составляли главную движущую силу, под воздействием которой на востоке Германии рождалось социалистическое государство. Советский Союз действовал по праву победителей. Он не дозволял империалистическим державам установить свое господство на территории всей Германии, создал благоприятную внешнюю обстановку для деятельности прогрессивных сил в советской зоне оккупации. Советские люди пришли в Берлин как победители, а ушли как друзья немецкого народа. В этом исторически коротком периоде СВАГ с честью выполнила свои задачи.

К оглавлению

Пик - Гротеволь - Ульбрихт

В 1945 роду, вскоре после 9 мая Советская Военная Администрация разрешила открытую деятельность Коммунистической партии Германии (КПГ), Социал-демократической партии (СДПГ), Христианско-демократического Союза (ХДС) и Либерально-Демократической партии (ЛДПГ). Коммунисты в годы фашизма понесли большие потери, но оставшиеся в ее подпольных рядах члены партии закалились, и каждый из них представлял большую силу.

Руководители СВАГ открыто заявляли, что рабочий класс должен занять ведущее положение в политической жизни послевоенной Германии. Но как быть, если немецкий рабочий класс оказался расколотым, имея две сильные партии - коммунистическую и социал-демократическую? В начале 1946 года в земле Бранденбург, например, насчитывалось 65 тысяч членов КПГ и 75 тысяч социал-демократов. Подобное положение складывалось и в других землях советской зоны оккупации, и в Германии в цепом. Для осуществления руководящей роли в политической жизни немецкому рабочему классу было необходимо единство.

Инициативу по созданию единой партии немецкого рабочего класса взяли на себя коммунисты. В апреле 1946 года состоялся объединительный съезд, на котором было провозглашено создание Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ). В ЦК СЕПГ, в партийных органах и первичных организациях имелось по два председателя - один из коммунистов, другой из социал-демократов. Но в процессе строительства новой Германии своеобразное двоевластие в партии постепенно изживалось. Коммунисты и социал-демократы нашли общий язык.

Фашизм и война привели Германию на край бездны. В Манифесте II съезда СЕПГ говорилось о тяжелой нужде немецкого народа, ставшей "неизбежным следствием нацистского варварства и кровавой агрессивной войны". Историческая заслуга СЕПГ состояла в том, что ее первый же съезд выдвинул программу спасения Родины от разрухи и обнищания. В программе предлагалось наказать виновников и преступников войны; ликвидировать капиталистические монополии; восстанавливать экономику на основе планирования; возместить

ущерб, нанесенный гитлеровским режимом другим народам; провести демократические реформы в органах самоуправления, в школьном деле и в других сферах общественной и государственной жизни. Напомним, что программу приходилось осуществлять в условиях оккупационного режима, карточной системы распределения, выплаты репараций и необходимости восстанавливать разрушенные города.

В таких условиях перед СЕПГ стояли сложные задачи по привлечению народных масс на сторону своей политики. В октябре 1946 года на выборах в ландтаги и крейстаги кандидаты СЕПГ получили половину голосов избирателей и только в отдельных избирательных округах больше половины. Чтобы завоевать доверие массы, необходимо проявлять заботу об удовлетворении нужд трудящихся. Этому мешали пережитки социал-демократических методов партийной работы, особенно в области воспитательной.

В сентябре 1947 года по приглашению производственного совета типографии мне пришлось присутствовать на рабочем собрании. Доклад "О внутренней и внешней политике" сделал бывший бургомистр берлинского района Митте, выдвинутый руководителем одного из издательств. Докладчик с искусственным пафосом говорил обо всем понемногу, ходил взад и вперед, заложив руки за спину. В определенные моменты докладчик повышал голос, горячился, явно рассчитывая на аплодисменты. Но аплодисменты не раздавались, собрание безмолвствовало. У представителя СЕПГ контакта с рабочими не получалось, ощущалось напряжение, а может быть и недоверие. Красивая речь, но никаких конкретных предложений, никакого обсуждения трудной обстановки.

Абстрактная пропаганда, не связанная с кровными интересами слушателей, напоминала двадцатые годы, когда комсомольцы каждую неделю слушали доклад "О международном и внутреннем положении". Это было в старом Рыбинске, а здесь Берлин, где кипят политические страсти и решается судьба страны. Здесь было необходимо другое, о чем говорил на партийном собрании в районе Арнштадт рабочий: "Мы не должны плестись в хвосте враждебных рабочему классу настроений. Надо беспощадно разбивать и разоблачать пропаганду противников единства".

Несмотря на слабые стороны СЕПГ, сам факт создания единой рабочей партии пробудил надежду на достойное будущее страны. С апреля 1946 - менее чем за полтора года, партия выросла на полмиллиона членов, и к сентябрю 1947 года насчитывала в своих рядах около 1.000.000 человек, то есть, почти десять процентов населения зоны. Превращение СЕПГ в массовую партию отражало рост доверия к политике СВАГ. Много сторонников было даже среди военнопленных, возвращавшихся из Советского Союза, где они в лагерях проходили политическую школу.

В укреплении рядов СЕПГ большое значение имел ее II съезд в сентябре 1947 года. В восстановленном здании оперного театра делегаты съезда бурей аплодисментов встретили приветствие ЦК ВКП(б), зачитанное на немецком языке Германом Матерном. После заключительных слов приветствия "Да здравствует Единая партия Германии" делегаты и гости съезда исполнили пролетарский гимн "Интернационал". От имени СВАГ съезд приветствовал С.И.Тюльпанов. Делегаты с одобрением встретили его слова о том, что СВАГ считает своим высоким долгом поддерживать силы и организации, которые борются за единство рабочего класса, за единую демократическую Германию.

Помню, с какой тщательностью мы обтачивали каждый абзац передовой статьи "Советского слова". Требовалось правильно оценить роль СЕПГ, ее цели и задачи, чтобы советские читатели поняли ведущую роль партии рабочего класса в предстоящих экономических и социальных преобразованиях в зоне.

Величие хозяйственных задач СЕПГ нашло отражение в докладе Вальтера Ульбрихта "Восстановление хозяйства и управления на демократической основе". К моменту II съезда промышленное производство в советской зоне оккупации составляло 61,9 процента по сравнению с 1936 годом, а производство транспортных средств только 40 процентов. Трудную задачу восстановления народного хозяйства, в конце концов, должна была возглавить Социалистическая Единая партия Германии, опираясь на помощь Советского Союза.

В течение двух недель газета "Советское слово" публиковала материалы о II съезде СЕПГ. Затем в течение двух месяцев после съезда мы знакомили читателей с тем, как обсуждались материалы

съезда в организациях СЕПГ, как на основе решений съезда сплачиваются ее ряды. Тысячи советских специалистов, работавших в управлениях СВАГ, комендатурах и на предприятиях должны были понять историческую миссию немецкого рабочего класса - его авангарда.

Съезд СЕПГ в 1947 году повысил политическую активность партийных организаций. Все чаще раздавались голоса против плана Маршалла, против политики раскола страны, за ее единство. Начался поворот организаций СЕПГ к производству. В большой статье, посвященной деятельности партийной организации комбината "Лейна" мы дали понять нашим читателям, что СЕПГ лишь начинает учиться направлять производство и сплачивать рабочий коллектив. В этом отношении советские коммунисты всегда могли дать лобный совет. В январе 1949 года первая конференция СЕПГ проходила лозунгом: "Превратим СЕПГ в партию нового типа!" ("Entwikelt die SED zur Partei neuen Tipus!"). На II съезде партии, в 1947 году, основной лозунг призывая: "Через труд и борьбу вперед к победе!" ("Forwarts durch Arbeit und Kampf zum Zieg!"). Нетрудно заметить существенную разницу в лозунгах.

Создавалось впечатление о росте организованности в партии. Правда, в зале заседаний висели клубы табачного дыма, всюду сновали назойливые западные корреспонденты, один из членов президиума спокойно попивал кофе из термоса, а рядом с "шефами" сидели секретари. Имелись и другие признаки остатков социал-демократических съездов, никогда не отличавшихся деловитостью. Характерная деталь: в 1947 году в зал заседаний II съезда СЕПГ наш редакционный шофер Малеев несколько раз проходил беспрепятственно, чтобы найти меня по редакционным делам. В 1949 году, на конференции СЕПГ порядок был более строгим, и нашего шофера не пустили без пропуска.

Конференция СЕПГ 1949 рода завершила второй этап развития партии. В докладах Пика, Гротеволя и Ульбрихта ставились задачи государственного, экономического и культурного строительства в зоне. Партия готовились взять на свои плечи ответственность за судьбы своего народа. На партийных собраниях обсуждались задачи теоретической подготовки членов партии. Общие задачи в этом

направлении "Советское слово" изложило в статье "Ленинизм освещает путь немецкому рабочему движению". Автором статьи был Франц Долом, член политбюро СЕПГ, в прошлом комиссар интернациональной бригады в Испании. Культурный и симпатичный собеседник, Ф.Далем весьма дружелюбно относился к советским людям, в том числе и к газетчикам.

На наших глазах возрождалось великое чувство интернационализма в немецком рабочем движении, основательно вытравленное гитлеровской шовинистической пропагандой. Мне пришлось присутствовать на конференции СЕПГ, когда, выступал с приветствием, руководитель польских профсоюзов Эдвард Охаб, прошедший через фашистские лагеря. Сравнительно молодой, с шапкой седых волос, Охаб произнес горячую речь, призывающую к дружбе между двумя соседними народами, национальную рознь между которыми старательно насаждала гитлеровская банда. На конференции Отто Гротеволь с полным основанием мог произнести слова: - Мы не одни, мы стоим в лагере мира и прогресса, в котором находятся все прогрессивнёе страны, все свободолюбивые народы мира во главе с великим Советским Союзом.

По вопросу о единстве Германии линия СЕПГ была четкой и совпадала с линией Советского Союза. Второй съезд СЕПГ выдвинул предложение о референдуме о форме государственного устройства Германии. Выдвигалось предложение о создании общегерманских центральных управлений, об устранении зональных границ, о едином паспорте и другие предложения. СЕПГ обнародовала проект конституции общегерманского демократического государства.

Советские люди видели и чувствовали, что в лице СЕПГ в зоне растет и крепнет мощная движущая сила, стоящая на позициях марксизма-ленинизма. Авангард немецкого рабочего класса закалялся в процессе преодоления больших трудностей послевоенного времени, оказывал растущее влияние на массы, сплачивая вокруг СЕПГ антифашистско-демократические силы.

Работники СВАГ воспитывались в духе уважения к руководителям СЕПГ как в Берлине, так и на местах. "Советское слово" публиковало официальные документы партии, некоторые выступления ее руководителей и немногие заметки о работе местных

организаций. Читателю было совершенно необходимо усвоить основные задачи СЕПГ, ее линию на дружбу с советским народом.

Мы не скрывали своих симпатий к немецким коммунистам. Имена Карла Либкнехта и Розы Люксембург, революционный подвиг которых высоко ценил В.И.Ленин, оставались примером преданности делу социализма. Имя Эрнста Тельмана, павшего от рук нацистских палачей в августе 1944 года, пользовалось в Советском Союзе глубоким уважением. Каждая годовщина гибели Тельмана отмечалась "Советском слове" статьей о его революционных делах.

В послевоенной обстановке нам следовало выразить свое отношение к таким немецким политическим лидерам как Гротевопь, Ульбрихт, Рейман, Матерн, Рау, Далем и другим руководящим деятелям. Первую статью газета посвятила Вильгельму Пику, изложив в ней политическую биографию этого замечательного немца. В 1895 году Пик вступил в ряды немецких социал-демократов. Он - ближайший соратник Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Клары Цеткин и Франца Меринга, друг Эрнста Тельмана. Как не уважать такого революционера как Пик, если еще в ноябре 1918 года он вместе с Либкнехтом подписал революционное воззвание Союза "Спартак" и редактировал газету "Роте Фане", ставшую центральным органом германской компартии. Вильгельм Пик относился к когорте видных деятелей мирового коммунистического движения. Он выступал одним из основных докладчиков на VII конгрессе Коминтерна в 1935 году.

Вильгельма Пика немцы знали как достойного, скромного и доступного людям человека. Таким его считали и мы, советские люди. Рассказывали, что работая в Коминтерне, он собственными руками краснодеревщика отделывал свой кабинет. Его речи были доходчивыми, без витиеватых оборотов, они были похожи на речи рабочего агитатора. Простое и доброе лицо Пика, убеленная сединой голова, общительная натура вызывали глубокое уважение к этому революционеру.

Как-то беседуя с бывшим редактором советской газеты "Теглихе Рундшау" А.В.Кирсановым, мы вспомнили о встрече с Вильгельмом Пиком в день пятилетия газеты. Здороваясь с представителями советской прессы Пик по-дружески крепко пожимал нам руки. Его лицо светилось улыбкой, искренней и доверчивой. Он обнял и

расцеловал полковника А.В.Кирсанова, одетого тогда в гражданский костюм. Пик без слов, благородным отношением к редактору "Теглихе Рундшау" как бы дал высокую оценку роли советской газеты и продемонстрировал чувство искреннего уважения к советским людям. Юбилей не был богат застольем. Состоятельная деньгами редакция "Теглихе Рундшау" в качестве "деликатеса" предложила гостям винегрет с едва ощутимым присутствием местного масла. Закаленный жизненными невзгодами, хорошо знавший цену хлеба и продовольственной карточки, Пик с завидным аппетитом ел простенький винегрет.

Чего греха таить, нам, советским коммунистам, казалось, что все деятели СЕПГ должны быть такими же ортодоксальными коммунистами, как Пик, а вот к бывшим социал-демократам относились с недоверием, попросту ставили их в один ряд с русскими меньшевиками. Действительность показала, что многие лидеры немецкой социал-демократии предпочли роль парламентской оппозиции, а не организаторов социалистической жизни.

Счастливым исключением явился Отто Гротеволь. Бывший руководитель социал-демократической партии, Гротеволь с апреля 1946 года стал, как и коммунист Вильгельм Пик, председателем Социалистической Единой партии Германии. Человек большой культуры, искусный оратор, Гротеволь был одним из признанных лидеров СЕПГ. Наша газета в феврале 1943 года опубликовала большую статью о его политической биографии, воспитывая к нему уважительное отношение советских людей.

Мне несколько раз приходилось издавать выступления Гротеволя. Казалось, что он мог говорить сколько угодно. Честно говоря, я не все понимал в его речах - уж спилком сложными были его речевые обороты. Он знал литературу немецких классиков и прибегал к их цитированию. Слушателей увлекало ораторское мастерство Гротеволя, и его речи то и дело прерывались аплодисментами.

В ноябре 1949 года Гротеволь во главе немецкой делегации, присутствуя на Октябрьских торжествах в Москве, и посетил, кроме того, Ленинград, газета "Советское слово" опубликовала интервью с ним нашего корреспондента. Из своих впечатлений от поездки Гротеволь сделал вывод о том, что "немецкий демократический лагерь

имеет серьезные перспективы для своего развития, и что это развитие всемерно будет поддержано великим Советские Союзом".

Образы Пика и Гротеволя прочно вошли в мое сознание. И сейчас Пик представляется мне квалифицированным немецким рабочим-столяром (одной профессии с моим отцом), прямым в своих мыслях, несгибаемым революционером-коммунистом. Гротеволь, бывший вождь социал-демократов, решительно отбросивший на свалку истории реформистскую идеологию, смело принял на свои плечи значительную часть груза ответственности за создание социалистической Германии.

Пик и Гротеволь не похожи друг на друга по внешним признакам, но оба председателя СЕПГ сходились в стремления покончить с расколом немецкого рабочего класса. Они выполнили историческую задачу - Германская Демократическая Республика является лучшим памятников усилиям первых руководителей единой партии немецкого рабочего класса. Имена Пика и Гротеволя в истории Германии сохранятся на века, в этом не может быть сомнения.

Советским людям было известно имя Вальтера Ульбрихта, после смерти Пика руководившего партией и государством. В 40-х годах на его плечи легла задача организационного укрепления рядов партии, подбор и расстановка кадров, создание партийного аппарата сверху донизу. Для широких кругов партии организаторская работа Ульбрихта, может быть, не была заметной, но без нее никакие социалистические преобразования были невозможны.

Большим другом Советского Союза был Генрих Рау. Член германской компартии с первых дней ее существования, один из руководителей интернациональной бригады в Испании, был закаленным коммунистом. Неслучайно он стал первым председателем Немецкой Экономической Комиссии, постепенно бравшей в свои руки управление промышленностью в зоне. С именем Генриха Рау связано отчуждение крупной собственности нацистов ия военных преступников, восстановление промышленности, выполнение ею репарационных обязательств перед Советским Союзом. О трудной должности Генриха Рау и о его работе мы опубликовали большую статью.

Советские люди были ознакомлены с деятельностью обер-бургомистра города Дрездена Вальтером Вайдауэром. В день занятия Дрездена Советской Армией Вайдауэра выпустили из фашистской тюрьмы. Осмотрев разрушенный англо-американской авиацией город, обер-бургомистр сказал своим товарищам: - За работу, друзья! Мы построим новый Дрезден! И действительно, Дрезден поднялся из руин и возрожден в своей прежней красоте. Старый коммунист, потомственный рабочий Вальтер Вайдауэр отдал много сил послевоенному Дрездену.

Одну из статей мы посвятили начальнику Брандербургской земельной полиции Штеймеру, старому коммунисту, командовавшему в Испании батальоном имени Тельмана, а затем бригадой. В зародившемся новом немецком государстве полиция становилась народной и играла важную роль в системе органов местного самоуправления. Штеймер заслуживал уважения советских людей, а его хлопотливая работа на должности руководителя полиции вызывала одобрение.

С достойным уважением и симпатией мы писали о руководителе Берлинской организации СЕПГ Гансе Ендрецком, о председателе немецкого Народного совета Вильгельме Кёнене, о Германе Матерне и других коммунистах, прошедших суровую школу борьбы с фашизмом и пришедших к руководству делами в советской зоне. Выделяются материалы газеты о Максе Реймане. Мне несколько раз приходилось слушать его выступления. Худой, седеющий, одетый по-рабочему, он представлялся неутомимым в деятельности по руководству Коммунистической партией Германии, открыто существовавшей в Западной Германии. Рейман не занимал постов в советской зоне, но был членом Немецкого Народного совета, выражая тем самым стремление к объединению всей Германии в единое демократическое государство.

Мы знакомили читателей с руководителями СЕПГ, вышедшими из рядов социал-демократической партии. Имена Гротеволя и Эберта были широко известны. Интересной оказалась статья об Августе Фрелихе, после войны ставшем президентом ландтага Тюрингии. Металлист, член социал-демократической партии с 1900 года, Август Фрелих сыграл важную роль в создании единой партии немецкого

рабочего класса. В январе 1946 рода в Веймаре проходило бурное собрание коммунистов и социал-демократов. Много было противников объединения партии, в их числе и председатель социал-демократической организации Тюрингии, впоследствии сбежавший на Запад. В разгар дискуссии на трибуну поднялся 69-летний Август Фрелих и произнес замечательные слова: - Когда фашисты в 1944 году отправляли меня вместе с коммунистом Тео Нейбауэром из Бухенвальда в Берлин на допрос, нас сковали одной целью, чтобы мы не сбежали. Мы горько шутили тогда: "Не хотели добровольно объединяться, вот фашисты и сплотили нас насильно".

В горькой шутке содержалась глубокая мысль о необходимости единства рабочего движения. К сожалению, единство было достигнуто лишь в советской зоне оккупации. Противники единства сбегали на Запад, к шумахеровским раскольникам, имена которых забыты историей, а имена таких, как Август Фрелйх, останутся в памяти немцев.

Достижением исторического значения для судеб Германии следует считать то, что СЕПГ удалось объединить народ. Уже в июле 1945 года был создан блок антифашистских партий. Кроме КПГ и СДПГ в блок вошел христианско-демократический союз, насчитывавший тогда около 200 тысяч членов. Значительным влиянием пользовалась либерально-демократическая партия. Идеологические позиции у партий были различные. ХДС, например, выступала против классовой борьбы, за "христианское понимание социализма", за преподавание религии в школе, за сохранение частной собственности. Либеральная партия защищала "частную инициативу" и "свободное хозяйство".

О расстановке классовых сил в зоне можно судить по составу ландтага Саксонии. В 1947 году из 80 депутатов ландтага 39 являлись членами СЕПГ, 13 - члены ХДС и 28 - либералы. Идеологические разногласия привели к расколу в ХДС, и в составе антифашистского блока осталась сторонники Отто Нушке, до последних дней жизни занимавшего демократическую позицию. Из либералов наиболее последовательным демократом был доктор Кюльц.

Кстати о либералах. Мы опубликовали материалы о беседе маршала Соколовского с руководителями либеральной партии. Они

заверяли маршала в том, что используют частную инициативу в интересах восстановления экономики в зоне, а в политике будут действовать в антифашистском духе. Свое слово либералы сдержали. Правда, при обсуждении двухлетнего плана развития хозяйства зоны либералы пытались направить экономику на путь капиталистического развития, выступали за получение кредитов по плану Маршалла, но в блоке партий победила линия социалистической ориентации.

В 1948 году блок антифашистских партий расширился за счет создания в зоне двух новых партий - Национально-демократической (НДПГ) и Демократической крестьянской партии (ДКП). С их программой мы своевременно ознакомили читателей. Пять политических партий, таким образом, объединяли основную массу активного населения зоны.

Социалистической Единой партии Германии удалось привлечь на сторону своей политики массовые организации. В 1947 роду в зоне имелось 18 производственных профсоюзов, создавших Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП). Профсоюз металлистов объединял 550 тысяч человек, а в союзе химиков состояло 300 тысяч рабочих и служащих. На многих предприятиях профсоюзы объединяли 90-95 процентов работающих. В марте 1946 года СВАГ разрешила деятельность организации Свободная немецкая молодежь. Мы ознакомили читателей с биографиями руководителя профсоюзов Варнке и комсомольского вожака Эриха Хонеккера.

Помню, как Эрих Хонеккер рядом с Вильгельмом Пиком осматривали палаточный городок пионеров, вместивший несколько десятков тысяч юношей и девушек. Приходятся лишь радоваться, что из молодежного руководителя 40-х годов вырос авторитетный руководитель СЕПГ и ГДР 70-80-х годов.

Национальные фронт демократической Германии, основы которого закладывалась сразу же после войны, стал и ныне является олицетворением единства народа, сплоченного партией рабочего класса. В апреле 1968 года при всенародном голосовании 94,49 процента избирателей проголосовали за новую Конституцию ГДР, закрепившую социалистические завоевания немецкого народа, морально-политическое единство трудящихся ГДР - таков был общий итог гигантских усилий Социалистической Единой партии Германии.

Названием настоящей главы воспоминаний "Пик-Гротеволь-Ульбрихт" хотелось подчеркнуть не только роль субъективного фактора в истории ГДР. Роль эта не вызывает сомнений, поскольку никакая революционная партия не может продвинуть общество вперед без лидеров, лучше других понимающих цели движения, вооруженных передовыми идеями, способными сплотить и вдохновить народ на большие дела. Западная Германия ни на шаг не продвинулась к социализму, хотя после войны имелись к тому возможности. Произошло это потому, что к руководству пришли такие сторонники капитализма как Аденауэр, Шумахер и другие противники социального прогресса.

Любая политическая партия создается с целью прихода к власти своих сторонников. В советской зоне оккупация такой партией была Социалистическая Единая партия Германии. Ее приход к власти происходил в специфических условиях: с классом капиталистов в основном было покончено, свергать некого, оставалось лишь научиться хозяйничать на социалистических основах и затем получить власть из рук Главноначальствующего Советской Военной Администрации в Германии. К октябрю 1949 года СЕПГ оказалась подготовленной к такому ходу событий.

10 января 1948 рода наша газета опубликовала целую страницу под шапкой "Подъем мирной немецкой экономики". Наши корреспонденты сообщали из различных районов зоны о первых трудовых победах. В Бранденбурге, например, из 31 предприятия 25 выполнили план 1947 года с превышением на четверть и больше. Ощутимо улучшалось материальное положение трудящихся.

1948-й год принес новые успехи. Выпуск валовой продукции за этот год увеличился на 26,9 процента по сравнению с 1947 годом. Выработка на одного работающего повысилась на 20 процентов, и это несмотря на трудности, связанные, в частности, с экономической блокадой советской зоны, которую проводили западные державы.

В дальнейшем подъем промышленности в зоне усилился. В 1950 году народные и приравненные к ним предприятия советских акционерных обществ давали 73,9 процента всей промышленной продукции зоны. Количество занятых рабочих по сравнению с 1948 годом к началу 1951 года удвоилось. Двухлетний план был выполнен.

В 1950 году III съезд СЕПГ рассмотрел пятилетний план на 1951-1955 годы.

Во весь рост вставала проблема подготовки и воспитания технической интеллигенция. В газете мы почему-то не освещали задачи улучшения технического руководства.

Еще в бывшем Прусском банке мне удалось увидеть немецких инженеров. Как соседа в здании на Жандармской площади меня пригласили на сдачу химического комбината. В зале красовался макет комбината, который должен строиться где-то в Сибири. Все проектанты явились в черных костюмах, как на дипломатический прием. Поражала строгость ритуала, рассчитанного по минутам, без длинных речей. Угощали скромными бутербродами. Процедура с защитой проекта поразила меня порядком и деловитостью. Чувствовалось, что в Берлине среди старых спецов войны началась творческая деятельность немецких инженеров. Без них невозможно иметь процветающую экономику.

К оглавлению

Приказ маршала Соколовского

В начале тридцатых годов мне довелось наблюдать монтаж станочного оборудования в главном механическом цехе Уралмаш-завода. Станки-гиганты имели марку немецкого машиностроительного завода в Хемнице (ныне Карлмарксштадт). Создавалось впечатление, что Германия представляет собой индустриальное государство, где могут делать любые машины. Такой Германия и была в те годы. Советские люди высоко ценили опыт и мастерство немецких рабочих и в период индустриализации, не считая зазорным поучиться у них.

И быть бы Германии впредь кузницей новейших машин и оборудования, и продавать бы ей машины во все страны планеты, но преступная гитлеровская банда заставила немецкий народ пережить позор военного поражения, и на какое-то время страна перестала существовать как индустриальная держава.

В середине 1945 года в советской зоне оккупации действовали только отдельные предприятия из десятков тысяч заводов, фабрик и

мастерских. Живой человеческий труд немцев тратился на расчистку развалин. Жители Хемница, о котором упоминалось выше, к началу 1943 года добыли 4 миллиона кирпичей при расчистке разрушенных зданий. Когда-то немцы делали первоклассные машины, а в первые послевоенные годы в Берлине, Дрездене, Хемнице и в других городах расчищали развалины - какая ирония судьбы целого народа!

Советская Военная Администрация в Германии действовала по-революционному. Капиталистические монополии были ликвидированы, а их предприятия переданы в руки народа. Активные нацисты и военные преступники были лишены права собственности. В руки трудящихся перешли предприятия капиталистов, сбежавших из советской зоны на запад.

Великое достижение антифашистско-демократических преобразований на востоке Германии состояло в ликвидации монополистического капитала. Народными предприятиями стали 17 заводов, принадлежавших концерну Геринга. 17 металлургических и машиностроительных заводов Стиннеса, Крупповские заводы в Магдебурге, предприятия монополистических объединений Финка, Сименса, Хенкеля, Маннесмана и других монополистов стали народной собственностью. В общей сложности в руки народа перешло в первое время после войны 3200 крупных предприятий.

В то же время в частных руках оставалось много мелких и средних предприятий. В 1947 году в советской зоне имелось 112 тысяч ремесленных мастерских, в которых было занято полмиллиона рабочих. В городе Шведт мне как-то пришлось пользоваться услугами фирмы, имеющей хозяина, двух рабочих, примитивное оборудование, позволявшее производить мелкий ремонт автомашины. Подобные фирмы в Германии имелись на каждом шагу. Были частники и покрупнее. В районе Лейпцига одна из фирм насчитывала около полутора тысяч рабочих. Оставалась в частных руках судостроительная верфь Макса Роде в городе Ростоке. В городе Гера частное предприятие продолжало выпуск водонагревательных колонок для жилищ.

Частный сектор в промышленности удовлетворял потребительские нужды населения. Ни органы СВАГ, ни немецкие местные власти не могли взять на себя управление кустарным

производством и даже многими средними предприятиями. Основное внимание сосредотачивалось на крупных предприятиях, например, на знаменитых цейсовских заводах оптики. В середине 1947 года на них работало лишь около четверти прежнего состава рабочих. В апреле 1948 года СВАГ официально объявила о прекращении отчуждения и конфискации частных предприятий. С разъяснением этого важного шага СВАГ в "Советском слове" выступил профессор Славянов, он же Г.П.Аркадьев, большой друг нашей газеты.

Первые годы после войны в советской зоне складывалась народная собственность, которая затем стала материальным фундаментом Германской Демократической Республики. В 1948 роду народные предприятия зоны давали 40 процентов промышленной продукции, а в горной промышленности и в производстве электроэнергии - почти 100 процентов. В то же время, скажем, в оптике и речной механике народный сектор давал лишь 16 процентов продукции. В 1950 году народные предприятия в металлургии уже давали 97 процентов, в химическом производстве - 84, в машиностроении - 78 процентов продукции каждой из указанных отраслей.

Враги социализма ждали краха промышленного производства в зоне. Один анонимщик написал в советскую газету "Теглихе Рундшау" такое пророчество: "Кого вы посадили в министерское кресло? Вчерашних каменщиков и батраков... К бесконечному хаосу - вот куда они приведут Германию..." На самом же деле хозяйство зоны без монополистов и помещиков быстрыми темпами продвигалось вперед. Медленнее других росли отрасли, где недоставало сырья.

В начале 1948 года в советской зоне работали почти 40 тысяч предприятий, тогда как два года назад, в начале 1946 года, действовали 24871 предприятие. К 1948 году промышленная продукция зоны составляла 59 процентов от довоенного 1936 года, а в 1950-м году она уже на 12 процентов превышала уровень 1936 года.

Важнейшую роль в укрепления народного хозяйства зоны сыграл приказ № 234 Главноначальствующего СВАГ Маршала Советского Союза Соколовского "О мерах по повышению производительности труда и дальнейшему улучшению материального положения рабочих и

служащих промышленности и транспорта". Приказ датирован 9 октября 1947 года и на следующий день публиковался в нашей газете.

Главноначальствующий СВАГ приказывал правительствам земель, немецким органам управления, директорам заводов и других предприятий промышленности и транспорта, именно приказывал, принять меры по повышению производительности труда и борьбе с прогулами, а также по улучшению быта рабочих и служащих. В приказе содержался призыв к антифашистским партиям и другим общественным организациям оказать помощь в выполнении намеченных мероприятий. Приказом № 234 вводились новые правила внутреннего распорядка на предприятиях, определялась система оплаты труда, продолжительность рабочего дня, намечались меры по подготовке кадров, жилищному строительству, медицинскому обслуживанию и снабжению промышленными товарами. Согласно приказу, питание в горячем виде стали получать около миллиона индустриальных рабочих.

Приказ № 234 всколыхнул рабочий класс зоны. Цифра 234 не сходила со страниц печати и с уст пропагандистов. Требовалось преодолеть большие экономические трудности, чтобы поднять производительность труда и в корне изменить отношение к быту рабочих. Хозяевами предприятий стали трудящиеся, и они должны изыскивать пути к улучшению условий труда и быта.

Антисоветчики и другие враждебные силы Германии пытались дискредитировать приказ № 234. Они звали немцев к получению подачек по плану Маршалла, и не хотели, чтобы рабочий класс советской зоны своими руками строил собственное благополучие.

Документ, о котором идет речь, длительное время оказывал воздействие на дела в зоне, а его пропаганда становилась святой обязанностью нашей газеты. В связи с приказом № 234 в Саксонии родился лозунг: "Больше производить, справедливо распределять, чтобы лучше жить". Эти слова, отражающие суть приказа № 234, вскоре стали общим лозунгом Свободных немецких профсоюзов, объединявших к концу 1947 года около 4 миллионов рабочих и служащих. Основной лозунг немецких рабочих был известен и нашим читателям. Поворот в сознании рабочих газета показала на примере машиностроительного завода "Универсал". Дирекция завода совместно

с профсоюзной организацией в течение короткого времени добилась полной ликвидации прогулов на предприятии. На других заводах налаживался производственный ритм, усиливалась роль плана, передавая часть рабочих и служащих начинала трудиться с подъемом, создавались возможности для трудовой инициативы. Приказ №234 и первый хозяйственный план на 1949 год стали программой действий для всех трудящихся зоны.

В январе 1949 рода "Советское слово" опубликовало очень важную статью под названием "Восстанавливать и развивать мирную экономику советской зоны оккупации". Автор статьи Политсоветник СВАГ В.С.Семенов дал глубокое обоснование приказа № 234 и определил, что советская зона вступает в новый период развития, который характеризуется всесторонними мероприятиями по ускорению роста экономики.

Коллектив "Советского слова" обязан был повернуться лицом к производственным темам. Статьи о делах на обобществленном предприятии, написанные сотрудником "Советского слова" Лохманом, читались с интересом, но они не могли претендовать на глубокое проникновение в вопросы экономики. Если политическую сторону жизни зоны мы сравнительно быстро научились освещать, то для журналистов четыре года войны писавших о том, как убивать фашистов, конкретная экономика была чем-то далеким, к ней надо еще приблизиться, "понюхать", а потом писать. А между тем, большинство наших читателей имело прямое или косвенное отношение к экономическим проблемам в зоне. Экономикой советские люди в Германии занимались не в порядке благотворительности или сострадания к побежденным. Планы восстановления промышленности Советского Союза разрабатывались с учетом получения машин, оборудования и другой продукции, поставляемой в счет репараций, а также поставок в порядке товарообмена.

В общем, редакционному коллективу, так или иначе, но пришлось заниматься экономическими темами, хотя большинство журналистов никогда не работали в этой области, а некоторые путали киловатты с киловатт-часами. Сам я в тридцатых годах порядочно писал по вопросам экономики Урала, даже выпустил брошюру на производственно-техническую тему. Но это было давно, армия и война

заставили заниматься в печати совсем другими делами. На одном из редакционных совещаний в 1947 году выяснилось, что наши собкоры плохо знают состояние производства в землях, где они представительствуют от редакции. Мои посещения заводов "Буна", "Лейна" и других предприятий оставляли поверхностное впечатление, хотя и приносили некоторую пользу для газеты.

Важным направлением "Советского слова" по экономический вопросам стал показ хозяйственных достижений зоны. Очень важно в убедительной форме осведомить читателей, что работа советских людей приносят пользу, что трудности в немецкой промышленности преодолены, что рано или поздно появится трудовой подъем в немецком рабочем классе и будет создана процветающая бескризисная экономика зоны.

Работники газеты слабо представляли трудности экономического строительства. Стоит ли поэтому удивляться, что в 1947 году в одной из статей мы писали: "Немецкие рабочие трудятся добросовестно, стараясь всеми силами поднять производительность труда". Подобная лакировка действительности могла дезориентировать читателя. Приказ № 234 объективно оценивал обстановку в зоне, а нас направлял на более глубокое и убедительное освещение жизни в зоне оккупация.

"Советское слово" оставалось пропагандистским органом СВАГ при любых поворотах в жизни зоны. По давней традиции советской печати мы были обязаны доказывать успехи по строительству новой Германии, в том числе и в экономической области. Советские люди, работавшие в Германии, должны были знать, какие плоды приносит их труд.

Следует признать, что газета слабо освещала роль и практическую работу комендатур по восстановлению экономики отдельных городов и районов зоны. Мы слишком увлекались освещением внутренней жизни комендатур. Следует, пожалуй, выделить корреспонденцию о деятельности комендатуры района Мейссен, знаменитого своим производством фарфора. В районе действовало 43 крупных фабрик и заводов, три четверти рабочих трудились на народных предприятиях. Помощник военного коменданта по экономическим вопросам подполковник Адамия рассказал нашему корреспонденту об огромных трудностях, связанных

с недостатком сырья и с тяжелым продовольственным положением рабочих. Основное время экономических работников комендатуры уходило на рассмотрение заявок на сырье и топливо - главные условия деятельности промышленности. В общем, комендатурам хватало работы на круглые сутки, и в первые два-три года после войны они с честью выполняли необычные для военных людей задачи по восстановлению экономики.

Перемены в экономике зоны во многом завели от советских специалистов, работавших на предприятиях, в органах СВАГ и комендатурах. От них требовалось понимание особенностей немецкой экономики, умение разъяснить значение планирования в производстве, правильно поставить дело выдвижения и обучения немецких кадров. Перечитывая в "Советском слове" статьи руководителей СВАГ, приказы и директивы Главноначальствующего СВАГ, наши передовые статьи и корреспонденции, наконец, публикуемые статьи немецких деятелей, приходишь к твердому выводу о том, что из этих материалов советский человек, работавший в Германии, мог понять не только направление и характер экономического развития в зоне, но и сделать для себя практические выводы.

Главное внимание, понятно, мы уделяли народным предприятиям. В ноябре 1947 года газета опубликовала шесть статей под рубрикой "Письма с обобществленного предприятия". Речь шла о крупнейшем в Германия предприятии по выработке точильных и шлифовальных камней – "Шляйфшайбенфабрик Дрезден-Райк". Абразивные изделия предприятия были известны во многих странах мира. В 1943 году оборот "Шляйфшайбенфабрик" составил 17 миллионов марок, а хозяин предприятия нацистский зондер-фюрер Прим положил в свой карман около трех с половиной миллионов марок чистой прибыли. Около тысячи иностранных рабочих эксплуатировал герр Прим, сбежавший на запад накануне прихода советских войск в Дрезден.

Американская бомбежка Дрездена разрушила "Шляйфшайбенфабрик", а часть сохранявшегося оборудования в 1945 году была демонтирована. И все же рабочие решили восстановить предприятие, а недостающее оборудование произвели собственными силами. В октябре 1945 года фабрика дала 10 тонн точильных я

шлифовальных камней, в декабре того же года 25 тонн, а с января 1946 года производство уже шло по плану. На фабрике открыли столовую, заводской дом отдыха, создали подсобное хозяйство. Начали складываться социалистические отношения на производстве.

Крупным шагом вперед был переход к плановому развитию экономики. "Советское слово" в июле 1949 года вышло на 6 страницах, где полностью публиковался план на 1948 год и план на 1949-1950 годы. Добавим, что планы были одобрены пленумом ЦК СЕПГ с участием хозяйственного актива.

Одной из особенностей экономического строительства в зоне была деятельность производственных советов на предприятиях. По закону № 22 Контрольного Совета от 10 апреля 1946 года "О производственных советах" в их обязанности входили многие вопросы: переговоры о применении коллективных договоров и внутренних правил на предприятии, забота об охране труда и технике безопасности, контроль за наймом и увольнением, участие в решении конфликтных дел, создание и руководство социально-бытовыми учреждениями и многое другое. Бытовые вопросы, отдых, спорт, медицинское обслуживание, вопросы зарплаты, воспитание молодежи, женщин и всех рабочих входили в обязанности профсоюзной организации.

Производственные советы и профсоюзы имелись и в условиях фашистского режима. Создание в зоне народной собственности в корне и принципиально изменяло направленность этих организаций. Между тем, весьма организованный немецкий рабочий класс был консервативен, когда речь шла о чем-то новом по сравнению с установившимися порядками. Требовалось время, чтобы рабочий класс осознал свои исторические цепи и освободился от пут социал-демократической и нацистской идеологии.

Экономическая жизнь в зоне проходила в острой борьбе. В аппарате немецких органов местной власти и в экономике осталось немало саботажников, спекулянтов и агентов монополистической буржуазии. В таких условиях весьма трудно было осуществить, например, пересмотр норм выработки или переход к сдельщине.

Усилия СВАГ направлялись на укрепление народной собственности в зоне. Обеспечивались восьмичасовой рабочий день,

равная оплата за равный труд, оплачиваемые отпуска, активное участие рабочих в решении производственных вопросов. Главным звеном управления народной собственностью стало выдвижение и воспитание новых кадров. О некоторых выдвиженцах мы писали, давая понять советским специалистам и администраторам задачи поддержки новых кадров.

Ростки нового в рабочем классе зоны были замечены в связи с появлением рекорда шахтера Геннеке, о чем уже говорилось. Мы писали о его ударном труде, о поездках в Советский Союз, о его знакомстве со стахановцами, о впечатлениях от поездки, о его выступлениях перед немецкими рабочими. Для "Советского слова" в 1948 году родилась, таким образом, "сквозная" тема дружбы советских и немецких рабочих.

В этом отношении примечательно следующее. В феврале 1949 года "Советское слово" опубликовало письмо рабочих-стахановцев Московского металлургического завода "Серп и Молот" коллективу немецкого сталелитейного завода в городе Риза. Московские металлурги радовались восстановлению завода в Ризе, обстоятельно рассказали об истории развития своего завода. Немецкие сталелитейщики ответили москвичам телеграммой, а затем и письмом. Наш корреспондент присутствовал на цеховых и молодежных собраниях в Ризе, где обсуждалось письмо рабочих "Серпа и Молота". Удалось записать наиболее интересные выступления. Старый литейщик Герман Николаус заявил: - Мы очень радуемся установлению связи с русскими рабочими. - На молодежном собрания завода был провозглашен лозунг: "Да здравствует дружба немецкой молодежи с молодежью СССР".

Связь советских и немецких рабочих развивалась. Она свидетельствовала о важных изменениях в немецком рабочем классе. Созревали условия, при которых они могут взять в руки всю полноту власти, а задачи оккупации исчерпают себя. Наша корреспонденция из Ризы под заголовком "Гордость Республики", опубликованная после образования ГДР, полностью подтверждала вывод о способности немецких рабочих самостоятельно управлять производством.

Приведенный факт о переписке завода "Серп и Молот" с заводом в Ризе свидетельствовал о том, что в сознании немцев изменялось

отношение к Советскому Союзу, к нашему народу. Немецкий народ, за годы гитлеризма отравленный антисоветизмом, постепенно исцелялся от чувства враждебности, недоверия и недружелюбия к советскому народу. Этому способствовало уважительное отношение к немцам, которым были проникнуты советские специалисты и воины, осуществлявшие задачи оккупации. Наша газета также сделала вклад в восстановление дружбы между победителями и побежденными.

В марте 1949 года мы опубликовали письмо московским автозаводцам от молодежи саксонского зарода "Кунстзайденверк". Немногим позднее мы сообщили о том, как текстильщики города Котубуса овладевают опытом знатного советского мастера Александра Чутких. К этим же дням относится создание у текстильщиков общества германо-советской дружбы.

В недрах заводских коллективов все чаще начали зарождаться новые трудовые начинания, о которых сообщала наша газета. На некоторых лейпцигских предприятиях появились группы рационализаторов, стала развиваться художественная самодеятельность. Одно из обобществленных предприятий города Бранденбурга обеспечило рентабельность, руководители завода умело распорядились полученной прибылью. На ряде предприятий появился опыт борьбы за снижение себестоимости продукции. В апреле 1950 года читателям удалось сообщить убедительные сведения о начавшемся трудовом соревновании рабочих.

В общем, на одной трети территории Германии, в советской зоне оккупации, немецкий рабочий класс делал первые шаги на пути к социализму при поддержке и неоценимой помощи Советского Союза. Остался позади довоенный уровень промышленности, и ГДР по индустриальному развитию стоит на одном из первых мест в Европе. Без миллиардных подачек из-за океана, своим собственным трудом преодолевая многочисленные трудности, трудящиеся ГДР вышли на простор социалистического строительства.

Мне вспоминается трогательный момент. В октябре 1949 года, первый президент ГДР Вильгельм Пик, обращаясь к депутатам обоих палат, попросил их встать в честь активистов труда, как тогда назывались немецкие стахановцы. И депутаты встали, отдавая дань уважения рабочему классу - ведущей силе Республики.

Мне запомнилось выступление Отто Гротеволя в Доме германо-советской дружбы в июне 1950 года. Один из видных руководителей новой Германии открыто, публично благодарил советских людей за помощь при восстановлении хозяйства на территории Германской Демократической Республики. Благодарность адресовалась всем советским людям, отдававшим свой труд на строительство новой Германии, и тем, кто охранял ее от наскоков империализма.

К оглавлению

Аграрная реформа

Советская зона оккупация являлась индустриальным районом Германии, и промышленность составляла основу основ народного хозяйства. Лишь в северной части зоны имелись значительные массивы посевных площадей. Тем не менее, в сельском хозяйстве зоны происходили важные изменения, связанные с земельной реформой и наделением землей переселенцев из Польши и Чехословакии.

В 1944 роду на территории Германии, вошедшие в советскую зону оккупации, помещики составляли 1,1 процента населения, а владели они почти третьей частью земельной площади. Им принадлежало 31,8 процента лесных угодий. Так, в саксонском районе Гримм имелось 72 хозяйства размером более 100 гектаров каждое. Эта кучка крупных землевладельцев захватила 30 процентов земель, а 11543 малоземельных хозяйств владели только восемью с половиной процентами земельных угодий, на остальной площади трудились середняки, имелись и гроосбауэры (кулаки). Таково было расслоение немецкой деревни.

Земельная реформа нанесла сокрушающий удар по сложившейся веками несправедливости. В советской зоне было конфисковано более трех миллионов гектар земли, принадлежавшей юнкерам-помещикам, нацистским и военным преступникам. Безвозмездно отобраны земли у 6980 помещиков, конфискованы 3280 имений, принадлежащих фашистским преступникам. Земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает.

Газета "Советское слово" стала издаваться уже после земельной реформы, проведенной быстро и решительно. Но все же мы сообщили читателям о результатах реформы. Наш корреспондент 1947 году ознакомился с судьбой юнкерского имения в районе Пренцлау. Поместье принадлежало знатному роду фон Винтерфельдов, веками населявшему рыцарский замок и жившему с роскошью аристократов - конечно же за счет эксплуатации батраков. В апреле 1945 года война разрушила замок, а его владелец подался на запад. После капитуляции Германии имение "фона" передали под опеку крестьян, а затем по закону о земельной реформе они поделили имение между собой. Бывший батрак Отто Бергер, например, получил 7,5 га земли, лошадь, корову, инвентарь. А до этого Бергер 28 лет гнул спину на господина фон Винтерфельда.

Бесславную судьбу разделили и юнкеры из рода Бетман-Гольвегов. С той лишь разницей, что их земли перешли переселенцам из Польши. Крестьянин Вильгельм Щульц, переселявшийся из польской деревни, получил 6 га пахотной земли, а в Польше он имел пять гектаров. Нашему корреспонденту Щульц заявил: - Если мне завтра скажут, что могу вернуться в Польшу, я не поеду. Мы не хотим быть причиной ссоры между народами. Здесь мы сидим крепко.

Очень интересные события происходили в деревне Цина, близ средневекового города Ютеборга. В феврале 1946 года сюда переселялись 80 немецких семей из Чехословакии, решивших создать производственный кооператив. В октябре 1947 года кооператив получил приличный доход и приступил к строительству производственных и бытовых помещений. В разговоре с нашим корреспондентом бургомистр Эрвин Линдер заявил:

- Когда мы приехали сюда и рассказали о своих планах, над нами смеялись. Теперь люди приезжают и пожимают плечами: как вы сумели это сделать?! Секрет простой: мы верим в силу коллектива. 94 процента жителей нашей деревни отдали голоса Социалистической Единой партии Германии. Мы хорошо уяснили, кто повинен в нашем несчастье и не желаем возврата к старому. Вот почему мы сумели здесь кое-что сделать. Но сделанное - только начало.

В годы земельной реформы органы СВАГ заботились о восстановлении посевных площадей, об устройстве переселенцев, о

налаживании производства зерна, овощей, продуктов животноводства. СВАГ официально заявила, что крестьянская земельная собственность является неприкосновенной. Такое заявление имело большое значение, поскольку в немецкой деревне главное место занял крестьянин-середняк.

Результаты земельной политики не заставили себя ждать. В 1950 году посевная площадь в зоне достигла уровня довоенного, 1939 года. А, скажем, в земле Бранденбург за два года реформы у крестьян удвоилось количество лошадей, поголовье рогатого скота выросло на 70 процентов, а свиней и птицы в несколько раз.

Демократизация деревни привела к росту политической активности крестьян. В мае 1950 года наш корреспондент В.Рудим добывал в общине Вельдберг, насчитывавшей 1200 жителей. Общину беспокоила, казалось, неразрешимая проблема: как осушить участок земли и построить насыпь, если это запрещалось по закону 1785 года. В конце концов, крестьяне решили нарушить древний закон и насыпь построить. Рождались новые земельные законы.

В то же время приходилось считаться с традициями и особенностями немецкой деревни. Например, более ста лет существовала сельскохозяйственная кооперация. СВАГ официально разрешила ее, а также проведение перерегистрации ее членов и выборы правлений. К маю 1949 рода в зоне насчитывалось 6198 кооперативов, а в них 872 тысячи хозяйств. В 1949 году 85 процентов заготовок молока в зоне давала кооперация, по зерновым и бобовым ее доля в заготовках составляла более 62 процентов.

В марте 1949 года состоялся Зональный съезд сельскохозяйственной кооперации. Съезд уточнял структуру кооперации и сформулировал ее функции: кредитование и снабжение крестьянских хозяйств, заготовка и переработка сельскохозяйственной продукции и другие обязанности. Образован Центральный союз сельскохозяйственной кооперация.

В газете мы мало уделяли внимания кооперации. Может быть потому, что для немцев это дело знакомое, и они справлялись с ним без особой заботы и помощи со стороны органов СВАГ. Все же в одной из статей газета отмечала, что комендатуры и их экономические отделы мало уделяли внимания кооперации, в результате чего в ее

руководящие органы пролезали частники и спекулянты, сохранялись бюрократические методы руководства.

В советской зоне действовала и такая крестьянская организация как Объединение крестьянской взаимопомощи (СКВ), имевшее в Берлине центральное правление. В отличие от сельскохозяйственной коопераций деятельность СКВ касалась непосредственно производственных вопросов, в частности, использования имевшихся сельхозмашин и инвентаря.

Новым явлением в немецкой деревне были народные имения - фольксгуты. Они создавались на базе крупных помещичьих имений, обеспечивались техникой, агрономическим обслуживанием, культурными очагами и т.д. Таких предприятий социалистического типа имелось немного, и они не определяли лицо немецкой деревни. В "Советском слове" наши корреспонденты рассказали о народном имении "Активист" и о фольксгуте в Карслебене. Приводились убедительные цифры. В карслебенском имении урожай зерновых в 1949 году получен на 40 процентов выше, нежели в крестьянских хозяйствах. Народные имения сыграли важную роль в социалистической переделке немецкой деревни.

Исключительно важную роль играли машинно-прокатные станций (МПС). Привычное для советских людей коллективное использование техники для немцев было необычным явлением, противоречащим частнособственническим привычкам. Коллективно работать в народном имении, на бывшей помещичьей земле - понятно, а вот МПС - это новизна, завезенная из Советского Союза. Вскоре опасения немецких крестьян исчезли, и МПС стали неотъемлемой частью структуры сельского хозяйства зоны.

Машинно-прокатные станции создавались не на пустом месте. Взять, к примеру, МПС в районе Темплин. Она обосновалась в графском имении фон Арнима, замок которого отделялся от деревень большим каналом. Граф владел 70-ю процентами земель и лесов в районе. За пять довоенных лет здесь разорилось 2000 крестьянских хозяйств. В общем МПС имела подходящую материальную и социальную базу.

Количество МПС быстро росло. В 1951 году в ГДР насчитывалось 540 МПС, а в них - 16 тысяч тракторов. При МПС

имелись ремонтные мастерские, школы по подготовке кадров, дома культуры. В начале 1950 года при МПС насчитывалось 527 групп Общества германо-советской дружбы.

Мы много писали об МПС. Дело для нас понятное и близкое, все журналисты редакции до войны знали о работе наших знаменитых МТС, а некоторые из нас и писали о них. Вот, к примеру, о чем рассказывали на страницах газеты наши корреспонденты.

В районе Дебельн машинно-прокатная станция обслуживала в первую очередь 59 хозяйств, не имевших тягловой силы. С другими же крестьянскими хозяйствами заключались договоры на обработку земли. Кроме конфискованных машин, в МПС имелось десять советских тракторов, хорошие мастерские. Директор МПС - бывший слесарь, в ее совете - два представителя Объединения крестьянской взаимопомощи. МПС в районе Остервик обслуживала 14 общин и аккуратно выполняла договора с крестьянами. Наш корреспондент побывал в МПС имени Тельмана и беседовал с рабочими. Бригадир тракторной бригады Ортман сказал: - Путь советских людей - пример для нас. Мы должны и будем учиться у них.

Для укрепления МПС особое значение имело решение Советского правительства о единовременной помощи сельскому хозяйству зоны. Решением выделялось 1000 тракторов, 540 автомашин и значительное количество проката для производства запчастей и налаживания в зоне тракторостроения. Газета "Советское слово" опубликовала много откликов на великодушное решение нашего правительства. Характерный отклик дала газета "Бауэри эхо", орган Демократической крестьянской партии Германии. "Каждый советский трактор, - писала газета, - который будет работать на наших полях, покажет нашим крестьянам, где находятся подлинные друзья немецкого народа". В марте-апреле 1949 года советские тракторы прибыли в зону и сразу же начали пахоту.

Центральное правление Объединения крестьянской взаимопомощи послало благодарственное письмо Главноначальствующему СВАГ по поводу решения Советского правительства. В МПС, куда начали поступать советские машины, проходили митинги и собрания. Крестьяне района Лебус после получения тракторов послали благодарственное письмо в адрес СВАГ.

Правда, враги новой Германии тоже не спали, всячески пытаясь извратить смысл и цепи советской помощи немецкой деревне. Марка "СТЗ" их раздражала, напоминая о бесславном конце фашистских войск в битве вод Сталинградом. Но слишком слабы были доводы реакции перед лицом могучей колонны советских тракторов.

При освоении тракторов тоже пришлось помочь немцам. Летом 1949 года "Советское слово" опубликовало интересный газетный репортаж. Солдат Петр Вавилов прибыл из комендатуры в район Грейфсвальде, чтобы показать, как надо работать на советском тракторе. Вавилов вел трактор с мастерством, поразившим немецких крестьян. Рассказ Петра Вавилова великолепно записал наш корреспондент Кизилов. Мы дали фото советского тракториста и не скупились на теплые слова в его адрес. Его имя в те дни олицетворяло крепнущую дружбу между советским народом и немецкими крестьянами.

Советская помощь позволяла наладить производство тракторов в Цвиккау, Бранденбурге и Нордхаузене. За 1949 род немецкая промышленность произвела для МПС 754 трактора. Самостоятельное производство машинной техники диктовалось особенностями почвы, при распашке которой для лемехов требовался другой металл, нежели на "СТЗ". Опыт использования техники на полях немцы подвели на конференции работников МПС, состоявшейся в марте 1950 рода с участием около тысячи делегатов.

Остановлюсь на том, как решались вопросы сельского хозяйства в Карлсхорсте. За дела в немецкой деревне несло ответственность Управление сельского хозяйства и лесоводства СВАГ. В составе Немецкой экономической комиссия имелось Главное управление сельского хозяйства и лесоводства. Редакция имела связи только с советскими руководителями и специалистами, связи деловые и дружественные. Например, на редакционном совещании в марте 1948 года журналисты ознакомились с состоянием подготовки к весенней посевной кампании. Приглашенный из Управления сельского хозяйства СВАГ Корольков А.И. ознакомил редакционных работников с положением в деревне. Приведу часть выступления А.И.Королькова.

- Главная проблема подготовки к посевной - семена, особенно картошка. Ресурсы в зоне есть, но их надо мобилизовать. Некоторые

военные коменданты изгоняют из своего района приехавших закупать картошку немецких крестьян. Часть семенного картофеля уходит на черный рынок, продается американцам. Кулак затягивает сев, чтобы не передавать тягло новым крестьянам. Нужно организовать взаимопомощь. На местах в руководстве сельским хозяйством имеются крайности: комендатуры либо совсем отстраняются от руководства, либо требуют ежедневных сводок, не доверяя немецким органам самоуправления. Следует проводить классовую линию при списании ссуд крестьянам, на этот счет имеется приказ по линии СВАГ. Необходимо учитывать, что на местах в деятельности немецких органов много декларативности и мало деловитости.

В редакции имелись сигналы о перегибах отдельных работников комендатур в контроле за сельским хозяйством. Была подготовлена статья против перегибов, но ее пришлось "засолить", поскольку она уводила газету за пределы задач, решаемых органами СВАГ.

Накануне посевной кампании 1949 года "Советское слово" выступило с передовой "Обеспечить успешное проведение сева в советской зоне". Советская газета дает установки на проведение посевной камлании. Удивительно, но факт: в неповторимые послевоенные годы советские люди несли ответственность за сельское хозяйство в зоне. Раньше помещики не нуждались в чьих-либо установках. В процессе же земельной реформы, пока немцы лишь создавали свой новый государственный аппарат, успехи сева зависели от Карлсхорста, управлений СВАГ в землях и от комендатур. Особенно многое могли сделать комендатуры, владевшие силой приказа.

Если говорить о посевной кампании 1949 года, о третьей послевоенной весне, то к ней немецкая деревня пришла более подготовленной, чем в прошлом. Газета в качестве примера показала сельскохозяйственный район Гарделеген. Мы похвалили коменданта района подполковника Комякова за то что он сумел поставить в районе контроль так, что к началу сева крестьяне имели удобрения, семена и необходимый инвентарь.

Газета высоко оценила усилия и других комендатур. В передовой статье мы назвали имена тт. Сакуненко, Гегина и Бородича, хорошо организовавших контроль за ходом полевых работ в районе Людвигслуст. Успехи этих комендантов мы противопоставили, хотя и

не называя фамилий, тем комендантам, которые слабо вникали в дела сельского хозяйства, а в ряде случаев подменяли местные крестьянские организации.

Наш корреспондент посетил отдаленную деревушку в районе Бельциг. Там мало что изменилось после войны. Полновластным хозяином деревни оставался прежний бургомистр. Неслучайно в районе имели место попытки сорвать весеннюю посевную кампанию 1948 года. Довольно резко мы критиковали комендатуру Бельцига и ее агронома. Критике подвергли и комендатуру района Фюрстенберг, где бездеятельный бургомистр не занимался севом.

Труд советских офицеров в первые годы после войны в дни сева имел исключительное значение. Коменданты могли требовать ль немецких руководителей деревни выполнения поставленных ими задач. Большинство комендатур действовало активно. Комендатуры, лишь созерцавшие события приходилось критиковать.

Трудно сказать, какой эффект давали наши выступления, но всякий прочитавший их мог понять точку зрения руководства СВАГ. Иначе и быть не могло. Многие статьи, в том числе и передовые, писали руководители управления сельского хозяйства, отдельные статьи согласовывались в самых высоких инстанциях. Можно сказать, что по вопросам сельского хозяйства трибуна "Советского слова" была использована в полной мере.

Весной 1949 года подготовку к посевной кампании мы начали с опубликования беседы с руководителем Управления сельского хозяйства и лесоводства СВАГ Л.Корбут. Особенностью четвертой посевной весны, как он говорил, являлось завершение организационного периода в машинно-прокатных станциях и расширение помощи города деревне. Например, в районе Лебус к тому времени работало 9 МПС, располагавших 192 тракторами, в том числе 58 новыми советскими машинами. Машинное хозяйство требовало налаженного управления, и эта задача выполнялась. Посевная кампания 1949 года проходила успешнее, чем в 1948 роду. Можно было говорить уже о начале трудового подъема в немецкой деревне.

Мы не могли пройти мимо уборочных работ. Для советских комендатур уборка урожая стала экзаменом. Большой материал, ориентирующий советских людей, мы дали в июле 1949 года, показав

состояние подготовки к уборке хорошего урожая. Наиболее интересной была корреспонденция из района Ангермюнде. В ней ничего не говорилось о роли советской комендатуры, ибо подготовку к уборке хорошо вели немецкие организации, в том числе местное самоуправление и Объединение крестьянской взаимопомощи. В Ангермюнде провели смотр готовности к уборке крестьянских хозяйств, МПС и народных имений.

Пример района Ангермюнде указывал на неизбежный процесс отмирания оккупационного режима в деревне, переход управления сельским хозяйством в руки самих немцев. Необходимость советского контроля в сельском хозяйстве отпадала быстрее, чем в промышленности. Социалистическая переделка сельского хозяйства длилась долго и осуществлялась полностью усилиями немцев.

Советским органам удалось многое сделать в немецкой деревне, и главное - устранить возможности возрождения юнкерского хозяйства. Но дел в деревне оставалось очень много, и не только в области производства. Тяжелая задача - подъем культурного уровня населения. В начале 1949 года, например, на 225 населенных пунктов района Темплин имелось всего две кинопередвижки. Наш корреспондент С.Улановский удивился, узнав, что многие крестьяне не имели понятия о звуковом кино. Его поразило большое влияние церкви, когда даже художественная самодеятельность находились в руках священника.

Путь для культурного роста деревни открыла земельная реформа, ликвидировавшая монополию богатых. Когда-то, в 1945 году хозяин имения, насчитывавшего полтысячи гектаров, господин фон Фирегге рассердился на земельную реформу и принял яд. Его супруга, сбежавшая на Запад, все же не верила в долговечность перемен и писала крестьянам, прочно осевшим на землях фон Фирегге, чтобы они ждали ее, хранили добро, а при возвращении в свое имение она все простит заблуждавшимся крестьянам. Бауэры ответили на письмо коллективно и твердо заявили, что к старому возврата не будет, а мадам Фирегге советовали заняться полезном трудом. Нет и не могло быть возврата к старым порядкам на немецкой земле. К сожалению, не на всей немецкой земле, а лишь на территории ГДР. В Западной

Германии помещики остались в неприкосновенности, как и все порядки капиталистического общества.

Аграрная реформа в первые послевоенные годы создавала предпосылки для развития немецкого сельского хозяйства по социалистическому пути. Ныне кооперированное сельскохозяйственное производство ГДР достигло высокой ступени развития. Применяются самые современные методы организации и руководства сельским хозяйством. Советские люди, помогавшие осуществлять аграрную реформу в 1945-1948 годах, могут гордиться своим трудовым вкладом.

К оглавлению

Возрождение культуры

Демократические преобразования в советской зоне проводились не только в сфере материального производства. Они распространялись на область духовной культуры, где решающая роль принадлежит интеллигенции, составлявшей в Германии достаточно мощный слой населения.

В одном из документов Немецкой Экономической Комиссии указывалось, что фашизм поставил немецкую культуру на край гибели. Деятели культуры и науки, верой и правдой служившие гитлеровскому рейху, находились в смятении, в их умах царил разброд и шатание. Некоторые из прислужников фашистского режима быстро перестроилась и стали прислужниками властей Западной Германии.

Многие интеллигенты, говоря по-русски, смылись из советской зоны оккупации. Особенно быстро сбежали те, кто подлежал денацификации и юридическому преследованию. Враги новой Германии ловко расставляли сети для обиженных, недовольных и колеблющихся деятелей культуры. В советской зоне все же осталась некоторая часть старой интеллигенции. В ее среде господствовали застарелые консервативные взгляды, идеи "надпартийности" и "свободы творчества" в науке, литературе и искусстве.

В то же время без духовной культуры нельзя было представить развитие послевоенной Германии. Быстро восстанавливалась

экономика зоны, и в этом отношении советские люди многое сделали. А как восстанавливать духовную культуру, чьими руками и под руководством каких идей? К счастью немецкого народа, в эмиграции сохранилось значительное число представителей творческой интеллигенции, вынужденных в свое время бежать от расправы с ними в нацистском государстве. Деятели культуры возвращались из изгнания и брали на себя тяжесть возрождения немецкой культуры.

В июле 1945 года в Берлине состоялась первая конференция деятелей культуры. Она призвала интеллигенцию возродить немецкую культуру. Для этой цели создавался "Союз культурного демократического возрождения Германии" (Купьтурбунд). Союз в 1947 году объединял 120 тысяч интеллигентов. Первым президентом Культурбунда избрали Иоганнеса Бехера. Революционный поэт, коммунист, проживший в Советском Союзе десять лет, автор стихотворения "У гроба Ленина", заслуживший дружеское отношение со стороны Горького, Бехер стал в советской зоне авторитетной фигурой. Именно он стал автором гимна Германской Демократической Республики. Он же, Иоганнес Бехер в 1947 году возглавил Общество по изучению культуры СССР. Ему принадлежат мужественные слова: "Мы будем бороться против всякой антисоветской пропаганды".

В западных секторах Берлина запретили деятельность Культурбуида. По этому поводу "Советское слово" опубликовало протест советской делегации в Союзной комендатуре Берлина. Иоганнес Бехер подвергся грубым нападкам буржуазной пропаганды. На выпады Бехер ответил коротко: "Известные силы внутри и вне Германии не желают действительно демократического обновления страны".

Несмотря на вой и свист врагов новой Германии, в советской зоне происходил крутой перелом в культурной жизни. В 1947 году прошли съезды писателей, педагогический конгресс, съезд инженеров и техников, конференция библиотечных работников, съезд театральных деятелей, образовался союз журналистов. Органы СВАГ, само собой разумеется, и газета "Советское слово", поддерживали каждый шаг по возрождению прогрессивной немецкой культуры.

Всякая культура имеет прошлое. О каком культурном наследстве можно было говорить в первые годы после войны?! Ни одного имени

деятеля культуры периода фашистской диктатуры мы не знали, да и знать не хотели. Если они и жили, то ничего значительного не создали. В советской зоне пришлось очищать библиотеки от книг, пропитанных ядом фашизма и человеконенавистничества. Одним словом, почва для возрождения литературы в советской зоне выглядела целиной, исковерканной фашистской идеологией.

Нелегким было восстановление в правах имен немецких классиков и, прежде всего, вечного изгнанника Генриха Гейне. При фашизме его имя было забыто, а книги сожжены сразу же после прихода гитлеровцев к власти. В Советском Союзе имя Гейне - автора знаменитой "Книги песен" - почиталось. Стихи Гейне переводили Лермонтов, Некрасов, Блок и другие русские поэты. По воспоминаниям Н.К.Крупской мы знали, что В.И.Ленин в числе других книг, взятых при ссылке в Сибирь, имел томик стихов Гейне. Мы слушали произведения Шумана, Шуберта, Листа, написанные на слова Гейне. Вот почему советские люди, направлявшие возрождение немецкой культуры, помогли восстановить имя великого немецкого поэта, смелого борца с феодализмом и пруссачеством.

В "Советском слове" была опубликована содержательная статья о Генрихе Гейне, в защиту его имени и творчества. Автор статьи М.Кунин вел разговоры со многими немцами и убедился, что они ничего не знают о Гейне. Правда, демократическое издательство "Ауфбау" в 1947 году выпустило небольшую книжечку Гейне, состоящую из его писем к родным и знакомым, но этого было слишком мало для восстановления доброго имени поэта. Статьей о Гейне мы взяли под защиту немецкое культурное наследство.

Поистине трогательно относились советские люди к таким именам немецких классиков литературы, как Гёте и Шиллер. На веймарском кладбище их прах покоится в склепе под зданием кирхи. В 1947 году склеп отпирал сторож, и он же давал пояснения. В склепе много массивных цинковых и каменных гробов, в коих покоятся герцоги и герцогини такие-то и такие-то. Стоят гроб с прахом племянницы "самого" Фридриха II. У входа в склеп стоят две скромные гробницы с надписью "Гёте", "Шиллер". Уже в 1947 году реставрировали дом, где жил Гёте, а местные органы власти готовились к открытию музея двух великих немецких поэтов.

В первые годы после войны и сейчас, посещая ГДР, советские люди стремятся увидеть Веймар и сохранявшийся там склеп с останками двух гигантов немецкой литературы. И я поклонился их праху. Когда вы туда войдете, читатель, попросите книгу с записями наших товарищей, посетивших могилу в первые годы после войны. Не забудьте, что авторами записей были еще не остывшие от войны люди. Имейте в виду также, что недалеко от Веймара находится страшное место - Бухенвальд.

Несмотря ни на что, уважение к немецким классикам сохранялось.

Нелегко было отыскать домик-музей Фридриха Шиллера в Лейпциге. Но советские люди в первые же годы после войны проторили дорожку к дому, где жил человек, написавший "Дона Карлоса", "Вильгельма Телля", "Разбойников". В те годы домик Шиллера посещали почти исключительно советские люди, в том числе писатели. Наше отношение к культурному наследию было примером для немцев, в своем большинстве забывшим в годы гитлеризма о своих великих сынах и зазубривших фамилии фюреров.

Воспитание уважения к гигантам старой немецкой культуры не являлось нашей главной задачей. Мы обязаны были показывать строителей новой культуры. Рядом с именем Бехера стояло по имя Анны Зегерс. Простое и умное лицо, доброта в глазах - такой она выглядела на фото, опубликованном в "Советском слове". В 1949 году был опубликован роман "Мертвые остаются молодыми", в котором история Германии после первой мировой войны показана самым убедительным образом.

Анна Зегерс сыграла выдающуюся роль в деятельности Культурбунда и в сплочении прогрессивных писателей ГДР. Ее линия выражалась в следующих словах: прогрессивными идеями должна овладеть не узкая группа людей, а массы интеллигенции. К прогрессивным идеям Зегерс относила и дружбу с советским народом, страстным поборником которой она являлась.

Наши читатели ознакомились с биографией боевого антифашиста-писателя Вилли Бределя, коммуниста с 1918 года, прошедшего через фашистские застенки, автора "Испытания" - произведения, в котором показаны ужасы нацистских концлагерей. Мы

знали, что в годы Великой Отечественной войны Вилли Бредель активно помогал Красной Армии.

Большую статью "Советское слово" посвятило Эриху Вайнерту, очень тепло написав об авторе "Песни о красном Веддинге", широко известной немецким коммунистам догитлеровского периода. Из молодых поэтов мы симпатизировали Курту Бартелю (Куба) - бывшему немецкому комсомольцу, выходцу из рабочей семьи. Его "Поэма о человеке" и многие другие стихи написаны под влиянием поэзии В.Маяковского. Познакомили читателей с Фридрихом Вольфом, автором пьесы "Матросы из Катарро". Одна из газетных статей посвящалась Эдуарду Клаудиусу, тоже закаленному антифашисту. Писали мы о сатирике Хорсте Ломмере, о писателях Арнольде Цвейге, Стефане Хермлине, Маргарите Келлер, Армине Мюллере и других деятелях литературы.

Не запятнал свое имя в период гитлеризм и Бернгард Келлерман. Его произведение "Туннель" в двадцатых годах читалась даже в глухих углах нашей страны. В моей памяти "Туннель" сохранилась рядом с "Мартином Иденом" Д.Лондона. Келлерман, как и многие писатели, тяжело переживал трагедию своей страны. Поэтому его политическая позиция не была враждебной по отношению к новым явлениям в Восточной Германии. Но, видимо, предельный возраст не давал ему возможности принять участие в общественной жизни. В марте 1949 рода наша газета опубликовала материал, посвященный 70-летию со дня рождения Келлермана. Несколько позднее Келлерман дал нам для публикации свой отклик на 150-летие со дня рождения А.С.Пушкина. В нем содержались замечательные слова: Пушкин "вечен, как жизнь".

В середине 1950 года мы отметили 75-летне Томаса Манна - одного из патриархов немецкой литературы, не склонившего головы перед фашизмом. Советская печать отмечала и 150-летие со дня рождения Генриха Гейне.

До сих пор нами назывались лишь имена писателей. Это не случайно. Именно они составляли политически наиболее зрелую и активную часть немецкой интеллигенции. Немалое значение имел и тот факт, что в СВАГ трудился такой знаток немецкой литературы, как Александр Дымшиц. Через "Советское слово" он знакомил читателей с представителями старого поколения писателей и с именами молодых

литераторов. Автор призывал бережно относиться к писателям, делать все необходимое, чтобы демократическое и антифашистское направление в литературе восторжествовало. Литератор А.Дымшиц считался в редакции непререкаемым авторитетом по вопросам немецкой литературы. Депо даже дошло до обвинения некоторых журналистов в преклонении перед ним. На одном из редакционных партсобраний раздался критический голос, отмечавший, что-де уважаемый знаток немецкой литературы преувеличивает ее достижения. Но никто не поддержал оратора.

Мне удалось присутствовать на собрании интеллигенции, где выступал В.С.Семенов. Говорил он на немецком языке, по-дружески, без президиума и кафедры, без шпаргалки. Между немцами и советским представителем создалась обстановка доверительности.

Забота СВАГ о прогрессивной интеллигенции не сводилась к поддержке их творческой деятельности. Были необходимы соответствующие материальные условия, а создать их в послевоенные годы было непросто. Понадобилось почти четыре года для создания такой материальной базы, при которой для писателей, как и представителей других отрядов интеллигенции, стало возможным поощрение в форме национальных премий, различных льгот, и многим удалось гарантировать спокойную старость.

Значительный отряд интеллигенции трудился в области театрального искусства. Здесь положение после войны оказалось тяжелее, нежели чем в литературе. Театральные помещения почти все были разрушены. Требовался новый репертуар.

Здания театров в Берлине, Дрездене и других городах органы СВАГ начали восстанавливать в одно время с восстановлением производства. Немцы нуждались в свежей духовной пище, без которой нельзя строить новую жизнь. Заслуги органов СВАГ и особенно комендатур трудно переоценить: они на полную мощь использовали свои права для быстрого восстановления очагов культуры и особенно театральных зданий.

Театральное искусство находилось под тлетворным влиянием американщины. В марте 1950 года редакция до телетайпу получила перевод статьи из западноберлинской газеты "Дер Таг". Автор статьи рассказывал некоторые подробности постановки шекспировское пьесы

"Укрощение строптивой" в любекском театре "Каммершпиле". Пьеса, как известно, написана в 1594 году, и тогда люди понятия не имели об американском образе жизни. К удивлению зрителей в первой же сцене пьесы, когда некий лорд ругает охотников за то, что они плохо разбираются в собаках, разъясняет им курс марки в долларах и центах и стоимость собак в немецкой валюте. Сеньор Петруччио тоже говорит о марках, а не о кронах 16-го века, а по словам слуги Грумьо, Петруччио за марки и доллары готов жениться на старой кляче, если у нее нет и одного зуба во рту. Действующие лица в пьесе говорят об акциях, лицензиях, векселях, процентах и прочих маклерских делах. Любекский Петруччио приезжает в церковь на современном велосипеде и в костюме баварца. А когда в четвертом акте двое персонажей вели разговор, то из уст шекспировских героев вдруг посыпались слова о Европейском Совете, об оккупационном статуте и прочих международных событиях нашей современности.

Глумление над классикой Шекспира происходило под воздействием американцев. Ничем другим не объяснишь постановку шекспировского "Юлия Цезаря" молодежным театром. Все артисты играли в современном платье. Роль Марка Антония, например, исполнял артист в современной американизированной офицерской форме, а другие были одеты кто в свитеры, а кто в обыкновенные рубашки. Толпа молодежи в сцене римского празднества вовсю танцевала твист. Сам Цезарь - в красной униформе, а его сенаторы - в белых смокингах. Сцена линчевания происходила под звуки джазовой музыки. Песню, которую исполняет шекспировский Люций, режиссер заменил ковбойской мелодией. Остальные сцены были поданы тоже соответственным образом.

Американский журнал "Тайм" рассказывал о постановке "Гамлета" в Римском театре. Там Гамлет выступал в модном свитере, а в шекспировский текст были включены такие слова, как "волокита", "бюрократизм" и т.д. Знаменитая фраза Гамлета на сцене римского театра звучала так: - Быть или не быть - вот в чем закавыка, черт возьми!

Как же отнеслись зрители к извращению Шекспира на сцене? В Любеке, на постановке "Укрощение строптивой" раздались слабые голоса протеста, но по окончании спектакля артистов аплодисментами

вызывали на сцену несколько раз. Зрители с удивлением, но без протестов наблюдали за пародией на "Юлия Цезаря". Что касается постановки "Гамлета", то в Риме билеты на спектакль были распроданы на месяц вперед.

Ничего подобного не могло произойти в Советском Союзе. Для социализма характерно бережное отношение к наследию прошлого, хотя в режиссерских приемах не существует стандартов. Пьесы Шекспира для советского зрителя остаются источником мудрости и воспитания высоких человеческих чувств. Издевательство над Шекспиром в советской зоне исключалось. Правда, "Советское слово" занималось, главным образом, политическими вопросами, и до борьбы в области искусства, честно говоря, мы по-настоящему не дошли.

В 1947 году в Берлине работала Комишеопер. В постановке музыкальной комедии Оффенбаха "Орфей в аду" было много веселья и режиссерской выдумки. Но советских зрителей приводили в смущение некоторые детали постановки. На сцене стояла большая кровать, прикрытая занавесом, из-за которого высовывались две дары ног - мужская и женская. Непристойной, чуждой нашим вкусам была и другая сцена постановки. Никакими особенностями немецких нравов невозможно объяснить вульгарность на сцене, и она, видимо, являлась данью прошлому и американским вкусам.

Для критики театральных постановок, да еще таких как "Орфей в аду", у нас не хватало пороху. Редакционные работники в подавляющем большинстве только до войны были в театрах и многое забыли. В наших рукописях встречались такие, например, выражения: "вокальные номера на рояли", "ария Князя Игоря из оперы Бородино", "Князь Игорь на слова Пушкина".

Не под силу нам было вмешательство в оперные спектакли. В 1947 году я слушал "Садко" в Берлинском оперном театре. Здание театра еще не было полностью восстановлено, а на сцене шла сложная постановка Римского-Корсакова. Из первых рядов партера подводное царство смотрелось на сцене как натура, столь совершенно постановщики владели техническими средствами освещения.

В области драматического искусства на сцене широким потоком пошли пьесы советских авторов. В берлинском театре имени Макса Рейнгарта ставилась пьеса К.Симонова "Русский вопрос". В Доме

советской культуры шли "Разлом" Лавренева, "Оптимистическая трагедия" Вишневского, "Любовь Яровая" Тренева, "Московский характер" А.Софронова. В Лейпциге шла "Мать" Горького, в Шверине "Бронепоезд 14-69" Вс.Иванова, в Дессау "Два капитана" Каверина, в Хемнице "Макар Дубрава" Корнейчука. Обилие советских пьес на немецкой сцене не должно вызывать удивления. Фашистская драматургия была изгнана со сцены, а новая драматургия только-только зарождалась. Ставились "Матросы из Катарро" и "Профессор Мамлок" Фридриха Вольфа, но не было репертуара на актуальные темы.

Когда декабре 1946 года театр им. Макса Рейнгардта принял к постановке пьесу "Русский вопрос" К.Симонова, западноберлинская печать обрушилась на пьесу и на художественного руководителя театра Вольфганга Лангхофа. Ему угрожали расправой. Артистов театра, проживающих в западных секторах Берлина, собирались выселить из квартир, занести в черный список. В общем хоре противников советской пьесы самый визгливый и злобный тон взяли социал-демократические газеты. Буржуазные органы печати в советском секторе Берлина занимали выжидательную позицию.

Повод для нашего выступления в защиту советской пьесы был налицо. Мы дали большую статью о Вольфганге Лангхофе как о старом коммунисте, прошедшем через гитлеровские концлагеря. Его "Болотные солдаты" были известны в 30-х годах и сыграли свою роль в воспитании ненависти к нацистским извергам. "Советское слово" поддержало Лангхофа как крупного театрального деятеля.

Газета присоединялась к мнению Лангхофа о том, что "Русский вопрос" не является антиамериканской пьесой и ратует за дружбу американского и советского народов, призывает к борьбе против реакционеров. Мы дали понять, что кампанию против советской пьесы ведут живые двойники отрицательных типов, созданных драматургом. Премьера "Русского вопроса" состоялась 3 мая 1947 года. Зал был переполнен. Быстро разошелся 30-тысячный тираж пьесы. Через все препятствия пробилась на немецкую сцену политически острая пьеса того времени.

Новым, необычным для Германии стало появление театров на крупных предприятиях. На металлургическом заводе "Максимиллиан-

Хютте" в Тюрингии в конце 1948 года на одной из постановок присутствовал наш спецкор Г.Березкин. В заводском театре собралось более 900 зрителей. Шла пьеса Мольера "Мнимый больной", а затем актеры показали программу, похожую на нашу "Синюю блузу", текстом которой послужили стихи поэта Кубы, горячего поклонника поэзии Маяковского. Театральная жизнь на "Максимиллиан-Хютте" явились свидетельством роста духовное культуры.

Немцам представлялась возможность ознакомиться с советским театральным искусством. С большим успехом прошли гастроли советского театра под руководством Г.Н.Полежаева - на сцене Дома советской культуры в Берлине театр показал "Егора Булычева" М.Горького. В рецензии немецкий театральный критик писал о пьесе: это большое искусство, Горький - великий драматург и великий воинствующий материалист.

Все чаще гостями немцев стали советские артисты, литераторы и представители других видов искусства. На ненецком экране появились советские фильмы. В немецкую аудиторию проникала советская песня. Расширялись спортивные встречи. С триумфом прошли выступления Краснознаменного ансамбля Советской Армян осенью 1948 года. Обычно сдержанные в эмоциях берлинцы с восторгом принимали прославленный коллектив.

В дни, когда выступал Краснознаменный ансамбль, корреспондент "Советского слова" побывал на выступлениях английского театра, где вдоволь послушал скучное церковное пение, сопровождавшее театральную постановку. Англичане показали пьесу "Убийство в кафедрале", написанную в 1596 году, и пьесу "Белый черт", написанную на восемь лет позднее. Средневековье на сцене в английском секторе Берлина и современное, живое и бодрое искусство советских артистов - немцам было над чем задуматься и сделать некоторые выводы.

С удовлетворением я прочитал информацию в газете "Нойес Дойчланд" за 29 августа 1968 года. В ней сообщалось о торжественном заседании в городе Веймар по случаю 20-летня возобновления работы Веймарского театра, основанного в 1779 году. В выступлении министра культуры ГДР были сказаны теплые слова в адрес Советского Союза, оказавшего помощь в восстановлении театра. В

качестве гостя на заседании присутствовал генерал-майор Колесниченко, бывший начальник Советской Военной Администрации в Тюрингии. С удовольствием вспомнил я фамилию генерала Колесниченко, активного автора газеты "Советское слово".

В советской зоне складывался мощный отряд прогрессивных немецких деятелей культуры. Они ставили литературу и искусство на службу своему народу, придерживались реалистического направления в изображении действительности, бережно относились к классическому наследству. Прогрессу в области духовной жизни служило сближение с советской культурой. Передовая немецкая интеллигенция являлась наиболее активной частью Общества германо-советской дружбы, созданного на базе Общества по изучению культуры СССР.

С большим трудом складывались коллективы научной интеллигенции. В первые послевоенные годы проводилась реорганизация Академии наук, создавались новые институты, задачи науки приближались к нуждам общественного производства. В запустении находились многие высшие учебные заведения. В них еще читались лекции, например, на тему "История мистики средних веков", "Психология смерти и увядания" и на другие обветшалые темы. Многие профессоры и преподаватели подались на Запад, где можно преподавать любую мистику. Расстроилась система общего образования в школах. В условиях оккупационного режима решающее значение имело восстановление народного хозяйства, а коренные задачи подготовки и воспитания научной интеллигенции с успехом решались правительством ГДР уже после 1949 года.

Подход органов СВАГ к подготовке кадров интеллигенции можно видеть на примере Ценского университета, созданного в 16-м веке. Все преподаватели явно фашистского толка были изгнаны. В 1949 году открылся рабфак, где учились 500 представителей трудящихся. Изучение марксизма вводилось на всех факультетах. В 1946 году в Цене открылся научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма. Возник Славянский факультет с курсом лекций по русской литературе.

В 1947 году студенты в снабжении продовольствием приравнивались к индустриальным рабочим. В 1948 году студентам

выплачено 226 тысяч марок стипендий, а в 1947 роду уже в восемь раз больше. Резко поднялся жизненный уровень профессорско-преподавательского состава.

Жизнь и деятельность студентов и преподавателей Ценского университета отражала расстановку политических сил в зоне. В 1948 году в этом учебном заведении имелось 1100 членов СЕПГ, 469 членов либерально-демократической партии и 242 члена христианско-демократического союза. На выборах в студенческие советы развернулась острая политическая борьба между сторонниками трех партий.

На одном из совещаний у Политсоветника СВАГ в 1949 году мы получили указание об освещении жизни университетов, рабфаков и учителей. СВАГ через немецкие инстанции проявила заботу о политическом воспитании преподавателей вузов. Мы с большим удовлетворением опубликовали заметку о том, как профессор Лейпцигского университета Беренс изучает философские работы В.И.Ленина.

Факт относится к началу 1950 года, когда СЕПГ уже взяла в свои руки дело политического воспитания интеллигенции. Начался же поворот в этом вопросе в 1948 году, когда состоялась конференция СЕПГ по вопросам культуры, где заслушивались доклады о жизни и учении Маркса, о политике партии в области культуры. На конференции выступали Пик, Гротеволь и другие видные деятели партии. Знамя Маркса было высоко поднято на конференции и увлекало за собой интеллигенцию.

Хочется сказать еще об одном из впечатлений от посещения Ценского университета. Когда ходишь по его многочисленным приземистым зданиям, не покидает ощущение, что ты попал в средние века: на тебя все давит, и ты стараешься либо молчать, либо говорить шепотом. Подобное ощущение я испытывал и позднее, при посещении Ягеллонского университета в Кракове, тоже насчитывающего несколько столетий своего существования.

В Ценский университет нас привлекала не старина зданий, а его связь с именем Карпа Маркса. В нем молодой Маркс в 1841 году защитил докторскую диссертацию. Советских посетителей радовало, когда хранитель архива вынимал из сейфа аккуратно оформленную

папку с документами Маркса. Правда, это были фотокопии, подлинники находились в Москве, но все же удивляла и радовала забота о сохранении исторических документов. Удивляла, потому что раньше имя Маркса было под запретом, и ни один профессор не смел даже упоминать о "Капитале" - великом творении человеческой мысли.

Коллектив газеты, увлекшись политическими проблемами строительства Германии, мало уделял внимания народному образованию. Для советских читателей публиковались материалы о школьной работе на Родине. Между тем, значительное число работников СВАГ, особенно из комендатур, имели прямое отношение к делам немецких школ. Многие из учителей были уволены в порядке денацификации, требовалось быстро готовить новые учительские кадры.

Проблема подготовки учителей, в конце концов, решалась успешно. Сложнее обстояло дело с воспитанием и перевоспитанием учителей. Одной из форм решения проблемы стали учительские конференции, считавшиеся в нашей стране обычным явлением с первых лет после революции. Наша газета довольно подробно осветила работу конференции в Тюрингии, дав понять о поддержке органами СВАГ такой формы работы с учительством.

В середине 1950 года появился повод для некоторых обобщений в области народного образования – отмечалось пятилетие с начала школьной реформы в зоне. К этому времени в школах уже имелись пионерские и юношеские организации, и школы далеко продвинулись вперед в своем демократическом развитии. Прогрессивная часть учительства расширилась и окрепла. Появились залуженные и народные учителя республики. Из школьных программ ушло в прошлое все то, что воспитывало у школьника национализм и человеконенавистничество. В обучении все сильнее давали о себе знать черты социалистической школы.

Наиболее удачным выступлением "Свободного слова" по вопросам народного образования следует считать статью о Марии Торгорст, старейшем педагоге, ставшей после войны министром просвещения Тюрингии. С большим удовлетворением я узнал, что в 1968 году правительство ГДР наградило Марию Торгорст орденом.

По вопросам культуры в свое время немецкие руководящие органы обнародовали два важных документа. "Советское слово" ознакомило читателей с постановлением Немецкой Экономической Комиссии от 31 марта 1949 года "О сохранении и развитии немецкой науки и культуры, дальнейшем улучшении положения интеллигенции и повышения ее роли в производственной и общественной жизни". Решение НЭК разрабатывалось и публиковалось при участии органов СВАГ. В нем характеризовалось состояние культуры в зоне, излагались конкретные мероприятия: введение дополнительных пайков и поощрительных вознаграждений, новые установки по налогам, пенсиям и стипендиям, вводилась система национальных премий, улучшались жилищные условия интеллигенции. Мы не только полностью опубликовали постановление НЭКа, но и комментировали его, в частности, в статье Политсоветника В.Семенова. А в апреле 1949 года газета опубликовала отклики интеллигенции на решение НЭК.

В 1950 году, уже после образования ГДР, ее правительство приняло новое решение о развитии культуры и улучшении условий труда интеллигенции. Если в постановлении НЭК от 31 марта 1949 года излагались главным образом мероприятия по улучшению материального положения интеллигенции, то в решении правительства ГДР шла речь о мероприятиях по развитию науки, образования, искусства, музейного дела и других разделов культурного строительства. Правительственное постановление означало также, что дело науки и культуры немцы взяли в свои руки, и роль органов Советской Военной Администрации в основном была исчерпана. Возврат к прошлому в области культуры исключался. Немецкая культура возрождалась на базе новых моральных и политических принципов, и ее будущее находилось в надежных руках.

К оглавлению

Суд над палачами Заксенхаузена

В советской зоне оккупации преобразования во всех сферах жизни происходили в условиях самой решительной борьбы с

наследием нацизма. В этой области органам СВАГ принадлежала решающая роль.

По решению Потсдамской конференции 1945 года на территории Германии надлежало уничтожить национал-социалистическую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, предотвратить всякую националистическую деятельность и пропаганду. Требовалось наказать военных преступников. Все запятнавшие себя преступлениями в период фашистского режима наказывались в судебном порядке или же специальными комиссиями по денацификации.

В советской зоне оккупации комиссиями по денацификации до июля 1947 года уволено и не допущено к ответственной работе 450 тысяч бывших нацистов. Большое количество из них относилось к категории номинальных, неактивных нацистов, не запятнавших себя военными преступлениями. Согласно приказам № 2201 и № 35 Главноначальствующего СВАГ, "номинальным" давались все гражданские права, в том числе право избирать и быть избранными. Бывшим неактивным нацистам предоставлялась возможность возвратиться на работу, от которой они были отстранены комиссиями по денацификации. Исключение делалось лишь для органов правосудия и полиции, куда бывшим гитлеровским судебным работникам и полицейским возвращение запрещалось.

Такое решение СВАГ принималось в период, когда исчезла база для возрождения фашизма в советской зоне. В сознании бывших рядовых нацистов произошли положительные сдвиги в сторону участия в строительстве новой Германии. Рост доверия к бывшим нацистам, вовлечение их в политическую жизнь нашли выражение в создании в 1948 году Национально-демократической партии Германии (НДПГ), двери в которую открывались и для бывших членов нацистской партии.

Иной подход осуществлялся в отношении тех нацистов, кто совершал преступления против человечности - например, военнослужащих 9-го резервного немецкого батальона. Об их преступлениях на пресс-конференции в берлинском клубе журналистов рассказал представитель прокуратуры тов. Котляр. К суду привлекались 240 обвиняемых, уничтоживших 97 тысяч советских

граждан. Батальон выполнял карательные функции и не принимал участия в боевых действиях. Следствие неопровержимо, документально установило, какая рота, взвод и отдельный каратель, когда и сколько уничтожил невинных людей. После пресс-конференции журналисты выехали в Ораниенбург - в тюрьму, где содержались военные преступники, с которыми советские органы разрешили беседовать. Никто из преступников не отрицал своей вины, но, ссылаясь на силу приказа, они обвиняли "систему", жертвой которой якобы стали военнослужащие 9-го батальона. Каратели просили журналистов не напоминать им о прошлом, а будущее их определял суд, воздав должное за преступления.

В октябре 1947 года в Берлине проходил судебный процесс над руководителями бывшего концлагеря Заксенхаузен. Для журналистов дни процесса были загружены до предела. Страницы газеты заполнялись материалами с заседаний Военного Трибунала. Обвинительное заключение заняло почти весь номер "Советского слова". Печатались информационные отчеты нашего корреспондента. Не менее десяти сотрудников редакции выступали в газете с зарисовками, написанными под впечатлениями из судебного зала.

Мне удалось присутствовать на двух заседаниях Трибунала, и в памяти сохранились некоторые детали суда над 16 представителями старой Германии.

В дни процесса удалось побывать и в самом Заксенхаузене, расположенном в 30 километрах от Берлина. После разгрома фашистской Германии прошло два с половиной года, и концлагерь утратил свои страшные черты. Бараки выглядели мирными. Построенные строго симметрично, они производили впечатление организованности и порядка. Впрочем, все немецкие концлагеря выглядели именно так. В 1944 году в районе Резекне мне пришлось участвовать в комиссии по расследованию преступлений гитлеровских войск. Я видел стандартную фашистскую архитектуру концлагерей, разработанную, очевидно, в ведомстве оберпалача Гиммлера.

Внешний вид концлагеря Заксенхаузен - это бараки, проволочные заграждения, пулеметные вышки и прочие тюремные признаки. А за стенами Заксенхаузена в свое время действовали: стационарная и передвижная виселицы, тир для расстрелов, газовая камера для

отравления людей ядовитыми газами и парами, передвижной и стационарный крематорий, а также другие сооружения для расправы с заключенными. Крематорий имел комнаты осмотра людей перед смертной казнью, комнаты для расстрелов, морг и кремационные печи.

Дьявольское заведение гитлеровцев действовало по строгим инструкциям. Концлагеря, в том числе и Заксенхаузен, приспосабливались к массовым и одиночным расстрелам, к казни на виселицах, отравлению и удушению людей, и, наконец, проведению над заключенными преступных испытаний медицинских препаратов, химических и иных средств ведения войны.

Некоторое время после войны в Заксенхаузене еще сохранялись следы расправы над заключенными. Один из сотрудников редакции видел груды человеческого пепла, бочки с прессованными волосами убитых, много поношенной обуви. О своем впечатлении наш офицер вспомнил во время судебного процесса и с чувством ненависти к гитлеровцам писал в газете о Заксенхаузене как о филиале ада на земле, какого не может породить человеческое воображение.

Прошло много времени после войны, но и теперь спрашиваешь себя: могло ли вообще на немецкой земле происходить такое или нечто подобное? Да, действительно происходило. Если в Резекне приходилось составлять картину фашистских зверств по вскрытым могилам и грудам тел расстрелянных и замученных, по надписям на стенах бараков и по отрывочным свидетельским показаниям, то о творившихся преступлениях в Заксенхаузене удалось услышать из уст самих фашистских палачей.

На скамье подсудимых в октябре 1947 года сидели 16 руководителей Заксенхаузена. Мне запомнился бывший комендант лагеря эсэсовский полковник Кайндль. Его биография ничем особенным не отличалась от биографий тех, кто выслужился до высоких чинов в ведомстве гестапо, кто без колебаний мог выполнять любое преступное задание по уничтожению людей. На вид Кайндль казался старомодным почтовым чиновником, правда, не чахоточным, а сохранившим румянец в обе щеки. Его сухой, скрипучий голос было противно слушать.

Военный прокурор спросил Кайндля, сколько заключенных было уничтожено в самом лагере Заксенхаузен, не считая многочисленных

филиалов. Кайндль быстро отвечает: "Непосредственно в лагере было уничтожено 29 тысяч". Но затем цифра уточнялась, и упавшим голосом Кайндль признал, что он несет ответственность за гибель 42 тысяч заключенных. До прихода Кайндля на должность коменданта Заксенхаузена в этом лагере фашисты уже уничтожили десятки тысяч военнопленных и антифашистов, несколько десятков тысяч заключенных отправили для уничтожения в другие лагеря смерти. В Заксенхаузене с 1939 года до апреля 1945 года уничтожено не менее 100 тысяч человек. Каждый второй, попавший в лагерь в качестве заключенного, безжалостно уничтожался.

Освещая ход судебного процесса, мы не забывали, что газета выходила в Германии. Развитие событий в зоне требовало воспитания дружеских отношений к немецкому народу. В то же время нашим читателям надлежало напомнить о преступном характере фашистского режима, за преступления которого немцам приходилось расплачиваться. Нельзя забывать, что у советских людей длительное время воспитывалось чувство ненависти к фашистским захватчикам. Без ненависти к врагу нельзя его победить - один из основных принципов газет военного времени. Не приходилось удивляться желанию каждого сотрудника "Советского слова" попасть на судебный процесс руководителей Заксенхаузена и "разрядиться" на страницах газеты страстным словом ненависти к гитлеровским преступникам. Процесс воскрешал у журналистов это законное чувство, и его приходилось укрощать путем редакторской правки корреспонденций из зала суда.

Приведу некоторые подробности судебного процесса. Подсудимые рассказывали о деталях оборудования, предназначенного для наказания заключенных. Преступник Эккариус, допрос которого мне пришлось слушать, говорил о подробностях "системы" издевательств, в результате которых, по свидетельству Эккариуса, около 600 заключенных покончили жизнь самоубийством. Бывший главный врач лагеря Баумкеттер засвидетельствовал, что 8 тысяч заключенных погибли в результате истощения.

Некоторые подробности лагерной жизни привел обвиняемый Цандер. В 1942 году, показывал он, на вечерней поверке в строю не оказалось одного заключенного. В связи с этим 28 тысяч заключенных

были оставлены без ужина, а утром без завтрака отправлены на тяжелые работы. Рассказывалось и о том, как провинившихся подвешивали на столбах или же расстреливали под звуки радиолы.

Присутствующие в судебном зале выражали возмущение при допросе организатора расстрелов в Заксенхаузене подсудимого Шуберта. Отвечая на вопросы прокурора, он рассказывал о порядке расстрела заключенных.

- А сами вы стреляли в затылок? - спрашивает прокурор.

- Я лично расстрелял 630 русских военнопленных, - спокойно ответил гитлеровский изверг Шуберт. Позднее он нагло заявил, что не давал приказов об убийстве, а убивал сам.

Стоит ли удивляться, что в зале суда раздавались негодующие возгласы в адрес фашистского преступника и его соучастников.

Было почти нестерпимо слушать показания Заковского - лагерного палача по должности. Он признался, что у одного из казненных русских военнопленных была отрублена голова и после соответствующей обработки в патологическом отделении отправлена коменданту в качестве украшения на письменном столе. Один из свидетелей показывал, как тот же палач Заковский при казни семи советских военнопленных ногой выбивал стул из-под ног, чтобы ускорить казнь через повешение. А когда председательствующий на суде спросил Заковского, так ли это было, палач ответил: да, это было так. Присутствующие в зале, при всем уважении к Трибуналу, не смогли воздержаться от возгласов, выражавших презрение к выродку рода человеческого - гитлеровскому преступнику Заковскому.

"Советское слово" полностью напечатало речь государственного обвинителя Ф.А.Беляева по делу руководителей Заксенхаузена. Его речь, обвинительное заключение и материалы наших корреспондентов дают представление о страданиях, выпавших на долю 200 тысяч заключенных в Заксенхаузене, половина из которых погибла, не увидев светлого дня Победы над гитлеровской Германией.

Справедливую кару понесли обвиняемые: 14 из 16 военных преступников советский Военный Трибунал приговорил к пожизненному заключению и каторжным работам, а двоих - к 15 годам заключения.

Злодеи из Заксенхаузена заслуживали смертной казни. Закон №10 Контрольного Совета для Германии допускал применение смертной казни за подобные преступления. Однако Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 рода смертная казнь в нашей стране отменялась, и преступники из Заксенхаузена, которых следовало бы испепелить, остались в живых, им предоставлялась возможность замаливать свой грехи на каторге.

В июле 1948 года мы сообщали о суде над восемнадцатью надзирательницами лагеря Равенсбрюк. Большинство обвиняемых Военный Трибунал берлинского гарнизона приговорил к пожизненному заключению. Об этом процессе мы писали немного.

Коротко сообщали о судебном процессе в городе Горлиц. Там открыто судили бывшего руководителя нацистской партии в Горлице и бывшего обер-бургомистра того же города, но судили их уже немецкие судебные инстанции. К середине 1948 года основная масса военных преступников была наказана, и завершать эту часть денацификации поручалась немецким судам.

В декабре 1948 года 22 гитлеровских преступника из лагеря Каменна предстали перед лейпцигским немецким судом, о чем мы сообщили в газете. И это была наша последняя информация о судебных процессах над нацистскими преступниками, последнее напоминание об ответственности немецкого народа за терпимость к фашистскому режиму.

В дни процесса над палачами Заксенхаузена буржуазная пропаганда бросала тень на советскую политику в отношении Германии. Она обвиняла советский народ в чувстве мести, в жестокости и т.п. Социал-демократическая печать замалчивала процесс. Позицию СВАГ по этому вопросу "Советское слово" выразило такими словами: "Всякий, кто посмеет воскресить в какой-либо форме фашистские порядки и фашистские нравы, будет сметен с пути, по которому идет немецкая демократия. Борьба с остатками фашизма заключается не только в изоляции фашистских последышей, но и в тяжелой и длительной борьбе по воспитанию немецкого народа в духе уважения к другим народам".

На страницах газеты мы разоблачали политику тех, кто готовил новых канделей, шубертов, заковских и других извергов. В то же время

мы показывали добрые намерения советского народа, желание видеть миролюбивую и дружественную Германию. Символично звучали лозунги дружбы между немецкими и советскими школьниками на их встрече в августе 1968 года в городе Ораниенбург, на месте бывшего лагеря Заксенхаузен.

Наказание военных и нацистских преступников не являлось самоцелью. Советские органы не устраивали Варфоломеевской ночи, а преследовали настоящих преступников при тщательном соблюдении юридических норм. Советская Военная Администрация решала задачу денацификации и наказания военных преступников с цепью выкорчевать из сознания немцев расистские идеи гитлеровцев, питавшие милитаризм и зверские расправы над людьми.

Политика денацификации, проведенная в 1945-1948 годах в советской зоне оккупации, направляла немецкую историю на мирный путь. И наоборот, потворство нацистам и военным преступникам в запанных зонах оккупации стало почвой для возрождения милитаризма и реваншизма.

Когда писались эти строки, то голову сверлила мысль: будут ли американцы своим трудом покрывать ущерб, нанесенный вьетнамскому народу варварской агрессией США против Вьетнама? Пока у власти в США находятся богатые, такое не случится. После 1945 года США и их западные союзники сквозь пальцы смотрели на привлечение тысяч нацистских преступников к судебной ответственности. В Баварии из 163 тысяч бывших нацистов только 49 были признаны активными и подлежащими суду. Работники СВАГ, посетившие в 1947 году лагерь интернированных нацистов в Баварии, поразились курортными условиями жизни заключенных. В баварских судах было полно бывших нацистов.

Аморальность буржуазного строя проявилась в грубейших нарушениях союзнического договора о наказании фашистских военных преступников. В июне 1949 года из Гамбурга сообщалось об аресте бывшего "рейхскомиссара Украины" Эриха Коха. Широко известный военный преступник и кандидат на виселицу, Кох по поддельным документам спокойно проживал около Гамбурга. При аресте он просил не передавать его русским властям. Нельзя было не возмущаться, когда английские оккупационные власти сообщили, что

палач Кох привлекается не за преступления на Украине, а за "подделку документов".

Западные державы оберегали от правосудия бывших фюреров фашистской экономики и генералов гитлеровского вермахта. Ближайший помощник Гитлера военный преступник Гальдер в марте 1949 рода обязан был явиться в судебную палату. Однако американские военные власти сообщили, что Гальдер в суд явиться не может, так как занят на работе в историческом отделе американской армии. Известный нацистский генерал Гудериан тоже трудился в качестве историка и консультанта в англо-американском штабе.

В прогрессивной немецкой печати политику потворства военным преступникам окрестили словом "ренацификация", означавшим возвращение прав активным нацистам. О "ренацификации" свидетельствуют интересные цифры, взятые из немецких источников и приведенные в "Правде" за 5 января 1982 года. Оказывается, в ФРГ с 1945 со 1980 год судебное разбирательство велось по делам 86498 лиц, обвиняемых в совершении нацистских преступлений. Из этого количества 76602 человека оправданы. В ФРГ умышленно затягивали расследование до того момента, когда в живых не останется ни одного нацистского преступника,

Все сказанное о советской политике в зоне оккупации можно глубже понять и более конкретно представить лишь с учетом острейшей борьбы вокруг германской проблемы, главной проблемы международных отношений в первые годы после войны.

К оглавлению

Кризис Контрольного Совета

Объяснение многих необычных явлений в послевоенной Германии следует искать в том, что древняя немецкая нация на какое-то время оказалась без государства. Крах гитлеровского рейха привел к невиданному в новой истории человечества положению: семидесятимиллионным народом некому управлять. Фашистская государственная машина разлетелась вдребезги - не осталось ни маховиков, ни подшипников, ни шестеренок. Всю полноту власти в побежденной Германии взяли на себя государства-победители. Немцам пришлось испытать период оккупационного режима.

Оккупация Германии в 1945 роду, то есть занятие ее территории вооруженными силами СССР, США, Великобритании и Франции могло быть только временным. Ни победителей, ни побежденных оккупационный порядок не мог устраивать длительное время. Нация без государственной власти - явление противоестественное. Тем более ненормально такое положение для немецкой нации, обладавшей всеми возможностями для самостоятельного государственного существования. Но факт остается фактом - великая европейская нация оказалась в трагическом положении или, как говорили немецкие деятели, в положении национального бедствия.

Высшей законодательной властью в Германии после ее поражения обладал Контрольный Совет, учрежденный в 1945 году в соответствии с Потсдамскими решениями. Совет был образован из четырех главнокомандующих оккупационными войсками в Германии. Каждому члену Контрольного Совета помогали советники. При Контрольном Совете постоянно действовал Координационный Комитет, предварительно рассматривавший проекты законов и постановлений, выносимых на Контрольный Совет. По некоторым вопросам Координационный Комитет принимал собственные решения.

В составе контролирующего аппарата были созданы отделы: военный, военно-морской, военно-воздушный, транспортный, политический, экономический, финансовый, по репарациям, по поставкам и реституции, внутренних дел и связи, правовой, по делам военнопленных и перемещенных лиц, отдел рабочей силы.

Разветвленный аппарат Контрольного Совета активно действовал. Достаточно сказать, что с 1 августа 1945 года по февраль 1948 года только в Координационном Комитете рассмотрено 833 вопроса. Многочисленные подкомитеты и эксперты готовили проекты решений, часть из которых Координационный Комитет утверждал или принимал к сведению, а наиболее важные проекты законов и директив выносил на Контрольный Совет.

Осуществление союзниками верховной власти в капитулировавшей Германии имело свои особенности. Как в самом Контрольном Совете, так в Координационном Комитете и в многочисленных отделах, было по четыре "хозяина". Решение считалось принятым, если ни один из четырех представителей не возражал против проекта решения. Единогласие при решении вопросов - такова особенность деятельности всех контрольных органов в Германии. На этом же принципе осуществлялось управление Берлином через Союзную комендатуру.

На первой стадии своего существования Контрольный Совет принимал важные решения. В октябре 1945 года состоялось решение об упразднении гитлеровской партии и всех примыкающих к ней организаций и органов, находившихся под ее наблюдением. Тогда же был принят закон о наказании лиц, виновных в военных преступлениях против мира и человечности. В 1946 году законом №22 Контрольный Совет возобновил деятельность производственных советов на промышленных предприятиях Германии. В феврале 1947 года законом Контрольного Совета ликвидировалось Прусское государство.

Принимались законы и по менее важным вопросам: например, об изъятии нацистской литературы из общественных библиотек, о налогах и т.д. Всего с 1 августа 1945 года по февраль 1948 года Контрольный Совет рассмотрел 193 вопроса и издал соответствующие Законы.

В Контрольном Совете решалась судьба Германии, ее будущее, и понятен поэтому большой интерес к его работе со стороны журналистов: даже такие детали, как очередность приезда делегаций к зданию Контрольного Совета, марки машин, кто и как встречает глав делегаций. Перед заседаниями в фойе здания Контрольного Совета

было всегда людно. У больших окон его сада толпились вездесущие газетчики, фоторепортеры, кинооператоры и чиновники аппарата органов верховной власти в Германии. Все хотят видеть, как к главному подъезду огромного здания на берлинской Потсдам-аллее подъезжают делегации СССР, США, Великобритании и Франции.

Делегации подъезжали вереницей машин, многие из них, очевидно, являлись охраной, ведь путь по разрушенному Берлину мог принести неожиданные неприятности. По гранитной лестнице, мимо военного караула, с портфелями и папками в руках, входили делегации - каждая в свое помещение. Обычная картина. И если люди настойчиво проталкивались к окнам, то, пожалуй, ради того, чтобы посмотреть приезд французской делегации. Из резиденции французского военного губернатора на заседание Контрольного Совета вереница машин ехала по улицам Берлина на довольно большой скорости. Машина главы французских оккупационных властей двигалась в сопровождения мотоциклистов. На передней части мотоциклов при их движении развевались шкуры, кажется, леопардов. Все выглядело красиво, торжественно, для нашего брата непривычно, а поэтому интересно.

Трудно понять политическое значение порядка приезда делегаций на Контрольный Совет или же театрализованное прибытие французской делегации. Внешне это выглядело организованно и целесообразно. Может быть, берлинцам такая картина давала понять, кто в их городе хозяин, и что судьба Германии решалась за столом заседаний Контрольного Совета.

Зал заседаний производил внушительное впечатление. Приглушенный говор обычно шумливых журналистов, ожидавших начала заседания, создавал впечатление, что ты попал в очень высокое учреждение международного масштаба, и тебе сделали одолжение, пустив посмотреть и послушать, как союзники управляют Германией.

В зале размещались четыре одинаковых по длине стола, сомкнутые друг с другом. Они составляли квадрат, в середине которого на низких столиках трудились стенографистки. Представители СССР, США, Великобритании и Франции входили в зал одновременно, подчеркивая тем самым равноправие и достоинство.

На заседаниях Контрольного Совета я наблюдал, с каким почтением относились к маршалу Соколовскому руководители

делегаций США, Великобритании и Франции. Генералы Клей, Робертсон и Кёниг первыми подходили к советскому маршалу и дружески его приветствовали. В данном случае действовал не только военный этикет. За маршалом Соколовским стояла могучая страна Советов, прославленная победами Красная Армия. Члены делегаций западных стран, безусловно, знали о военных заслугах, боевом опыте и личных качествах Соколовского

В моей памяти сохранились впечатления о руководителях других делегаций в Контрольном Совете. Старательно всматриваясь в их лица, я пытался установить связь между внешним обликом человека и его политической линией. Это, конечно, наивно, но все же про себя считал такую связь существующей. Мне, например, очень хотелось во внешних чертах американского военного губернатора генерала Клея рассмотреть его реакционные убеждения. Между тем Клей выглядел обыкновенным человеком. Первый раз мне довелось его видеть на открытии американского пресс-клуба в октябре 1947 года. С журналистами Клей обращался как равный с равными, подчеркивая свой демократизм и оставляя, в общем, приятное впечатление. На заседании Контрольного Совета Клей вел себя иначе.

Вот что записано в моем дневнике: "Я не знаю биографии Клея. Слышал, что во время войны он руководил поставками в СССР по Ленд-лизу. Не сомневаюсь, что он это делал как умелый интендант. Судя по количеству орденских ленточек, Клей - старый военный служака и заслуженный генерал. А может, я ошибаюсь, ведь рядом с Клеем сидит какой-то юный сопляк, имеющий три ряда орденских ленточек. Клей невысокого роста, тщательно выбрит, гладко прилизаны волосы, лысеющие виски. Умное и энергичное лицо. Внешне Клей спокоен, сидит, наклонившись над документами. Ничего особенного - обычный человек в мундире".

Отношение к Клею определялось еще тем, что мы кое-что знали о его отношении к Советскому Союзу. В свое время он посетил Москву, восхищался метрополитеном, с симпатией отзывался о Сталине, с которым беседовал. Клей даже выражал сочувствие советскому народу, пострадавшему от фашистского нашествия. Как увидим дальше, благожелательные отзывы о нашей стране были данью времени, проявлением элементарной вежливости. Нельзя говорить

плохо о гостеприимной стране, к тому же вынесшей основную тяжесть вооруженной борьбы с врагом.

Не вызывал антипатии другой представитель капиталистического Запада - английский военный губернатор в Германии генерал Робертсон. Строгий, сосредоточенный, почти неподвижный, с озабоченным лицом, он, низко наклонившись, читал какие-то бумаги. Когда сидишь в притихшем зале такого высокого учреждения как Контрольный Совет, то в голову приходят всякие сравнения. Внешний вид Робертсона напоминал мне маршала Говорова. Маршал Говоров в конце войны награждал меня орденом Красного Знамени. Да простят мне сравнение нашего замечательного полководца с представителем генералитета Великобритании.

Впрочем, сравнение чисто внешнее. По своим политическим взглядам Робертсон слыл типичным представителем британского империализма, генералом, выросшим на колониальных войнах. Но Англия после окончания Второй мировой войны так глубоко запуталась в американских сетях, что трудно говорить о ее самостоятельной линии в германском вопросе. Она была вольным и главным союзником США, пожертвовавшим своей политической самостоятельностью.

Казалось, что во внешнем виде и поведении генерала Робертсона отражалась тревога за судьбы Великобритании, переживавшей тяжелые послевоенные трудности.

Иначе выглядел представитель Франции генерал Кёниг. На одном из заседаний Контрольного Совета Кёниг председательствовал. Обязанность эта для боевого французского генерала являлась явно непосильной. При первых же осложнениях дискуссии, когда роль председателя становилась наиболее ответственной, французский генерал приходил в смущение, и его бледное лицо покрывалось розовыми пятнами. Скорее всего, это происходило от трудностей, связанных с обязанностью руководить столь ответственным заседанием. Вероятно, это объяснялось также особым положением Франции как оккупирующей державы.

Французская армия не воевала на территории фашистской Германии. Как великая нация, сделавшая значительный вклад в победу нам фашистской Германией, Франция стала оккупирующей державой в

результате Потсдамских соглашений. Американские и английские власти пустили французские войска на территорию Германии после того как немецкая территория была занята союзными войсками. Ослабленная войной Франция для оккупации получила зону на юго-западе Германии, имеющую незначительную промышленность. В Берлине французская власть распространялась лишь на два района - Веддинг и Рейниккацдорф.

При внешнем равноправии в оккупационных органах Франция, по сравнению с США и Великобританией, играла подчиненную роль, и в первые годы после войны шла в обозе американской политики. Это противоречивое положение страны в какой-то мере отражалось и в поведении генерала Кёнига.

Расскажу о впечатлениях от заседания Контрольного Совета 11 февраля 1948 года.

Оно началось обычным порядком, не предвещая чего-либо неожиданного. Настораживало присутствие большого числа фото- и кино-корреспондентов. Свет прожекторов, щелканье затворов фотоаппаратов и вспышки лампочек, жужжание кинокамер - все говорило скорее о похоронах, нежели о торжестве. Как позднее выяснилось, чутье не подвело репортеров: они действительно присутствовали на последнем заседании, где можно наблюдать процедуру четырехстороннего управления Германией, ее трудности и противоречия.

Заседание открыл очередной председательствующий - глава французской делегации генерал Кёниг. В большом заявлении маршал Соколовский привел неотразимые доказательства ремилитаризации Западной Германии и раскольнической политики наших союзников. В этой словесной битве казалось, будто Клей как бы ушел в глубокую оборону. Он бесстрастно выслушивал резкие слова советского представителя. Создавалось впечатление, что Клей все предрешил и советские обвинения заранее предвидел. Заявлений он никаких не делал, ограничивался короткими репликами или же выражал согласие с мнением Робертсона.

Не придя к единогласию, Контрольный Совет снял с повестки дня обсуждение советского меморандума по вопросу о выполнении решений союзников по демилитаризации Германии. Дипломатический

бой обострился при обсуждении вопроса о составлении списков запрещенных немецких заводов 2-й категории. Чтобы сорвать это мероприятие по демилитаризации Германии, Клей на том же заседании 11 февраля 1948 года выкинул трюк. Он предложил записать во вводной части списка запрещенных предприятий, что его составление должно исходить из потребностей всей Европы, а не только Германии. Это означало попытку сохранить в Германии многие военные заводы, ненужные самой Германии, но которые легко использовать для усиления военного потенциала США и их европейских союзников. Кроме того, предложение Клея вело к срыву репарационных поставок Советскому Союзу с заводов, подлежащих демонтажу. Советский представитель резонно заметил, что интересы европейских стран удовлетворяются так, что союзники, согласно Потсдамским решениям, уничтожат военно-промышленный потенциал Германии. Так и не были приняты согласованные решения по вопросу о списке немецких военных предприятий, подлежащих демонтажу.

На том же заседаний председательствующий генерал Кёниг предложил передать один из обсуждаемых документов для согласования в Координационный Комитет. Глава американской делегации генерал Клей бросил реплику:

- Зачем нам искать для проектов решений кладбище, если таковым может быть сам Контрольный Совет.

В грубой откровенности генерала Клея отражался кризис Контрольного Совета.

Признаки кризиса проявлялись и раньше. В марте 1946 года Контрольный Совет утвердил план, определявший экономический уровень Германии и размер репараций. Через месяц Клей отменил это решение, и в американской зоне принятый план открыто нарушался. Из 2000 объектов демонтированными оказались только 36, а из демонтированного оборудования Советскому Союзу и Польше, ничего не поступило. Изъятие в счет репараций, согласно Закону Контрольного Совета, должно было быть закончено к февралю 1948 года, на самом же деле в западных зонах к этому сроку изъятие даже не начиналось.

В сентябре 1947 года советский представитель в Контрольном Совете заявлял протест против действий союзников, без ведома

Контрольного Совета установивших промышленный уровень для западных зон оккупаций. Неоднократно советская сторона указывала на срыв западными державами согласованных решений по демилитаризации и демократизации, изобличала своих союзников в сепаратных действиях, направленных на расчленение Германии.

Разногласия в Контрольном Совете уже через два года после окончания войны переросли в кризис. Об этом свидетельствуют цифры. Если за первое полугодие 1947 года Контрольный Совет одобрил или принял к сведению 32 документа, то за второе полугодие только семь. Росло количество проектов, из-за разногласий снятых с обсуждения или отклоненных. С каждым днем ухудшалось положение в Координационном Комитете. За первое полугодие 1947 г. комитет положительно решил 103 вопроса, а во второй половине того же года только 47 вопросов. По большинству проектов союзники не могли прийти к единогласному решению. В конце концов, западные державы сорвали очередное заседание Контрольного Совета, намеченное на 20 марта 1948 года. Последняя попытка созвать заседание Контрольного Совета 10 июня 1948 года также закончилась провалом. Представители США и Англии заявили, что они не имеют вопросов для рассмотрения на заседании Контрольного Совета. Это означало конец совместного управления союзниками побежденной Германией.

К началу 1948 года создалось кризисное состояние и в Координационном Комитете. На 137-м заседании комитета 12 сентября 1947 года советский представитель сделал заявление о недопустимости действий британских властей, забирающих с заводов своей зоны оккупации самое ценное оборудование, которое должно поступить в счет репараций для Советского Союза и Польши.

Мне довелось присутствовать на заседании Координационного Комитета. Обсуждался законопроект о налоге на вино. Английские и американские представители вносили по проекту различные предложения, хотя вопрос ставился на повестку дня шестой раз. По каким-то соображениям западные державы не были заинтересованы в принятии закона, и рассмотрение его зашло в тупик.

Помнится, как французский представитель генерал Нуарэ привел остроумный довод для передачи проекта закона в архив.

- Проект можно отложить в шестой раз, тем более что во Франции еще не созрел виноград.

Подав реплику, Нуарэ беспечно рассмеялся. Видимо, любил шутить Нуарэ, этот небольшого роста красивый француз. Он то и дело откидывал голову вместе с креслом немного назад и посмеивался, внося оживление в зал заседаний.

Однажды он в адрес Клея отпустил комплимент в такой форме:

- В немецких делах вы крепки, как французский коньяк!

С полным основанием можно было утверждать, что Нуарэ - типичней француз, и генеральский мундир не удерживал его от шуток и смеха,

В большой политике шутки не мешают, но они уместны в том случае, если серьезные вопросы успешно решаются, в том числе и вопрос о налоге на вино, по поводу которого отшутился генерал. Фактически же француз шутил на похоронах союзного контроля над Германией.

Кризис Контрольного Совета отнюдь не является делом рук только Клея, Робертсона, Нуарэ или других представителей государств-победителей. Их действия направляли правительства. Судя по состоянию дел в Контрольном Совете, линия западных держав заключалась в том, чтобы послевоенную Германию объединить на капиталистической основе, сохранив позиции немецкого монополистического капитала под контролем США, в первую очередь. Советский Союз выступал за единую Германию на демократической основе, при полной демократизации и свободе от всех наследий фашизма.

Столкнулись две линии в германском вопросе. За новую Германию развернулась по своему характеру классовая борьба. Без выстрелов и бомбежек, без пролития крови и разрушений, но борьба острая. Перед советскими людьми, работавшими в Германии, совсем рядом действовал противник непримиримый, изворотливый и дерзкий. Следовало устоять на определенных позициях, обеспечить интересы Родины, оказать содействие прогрессивным немецким силам.

В 1945 году на Эльбе встретились союзники, у которых в войне была общая задача разгрома противника. На Эльбе встретились, вместе с тем, представители государств с противоположными

принципами внешней политики. Борьба на европейской арене становилась неизбежной, а ее главным объектом стала побежденная Германия. На наших глазах неохраняемая граница между зонами оккупации превращалась в государственную границу.

К оглавлению

Маршаллизация Западной Германии

Кризис Контрольного Совета для Германии назревал в течение трех лет. Западные оккупационные державы в своих зонах усиленно насаждали капиталистические порядки. За это же время они основательно ограбили немцев, прикрывая грабеж массированной пропагандой и долларовыми подачками. Стало известно, что США и Англия захватили много золота и драгоценностей нацистского государства. Они полностью присвоили немецкие капиталовложения за границей. Длительное время США и Англия почти даром вывозили рурский уголь. По подсчетам советских экономистов, уже к середине 1947 года западные державы получили с Германии ценностей на сумму более десяти миллиардов долларов, то есть больше, нежели им положено по соглашению союзников. Искусно умеют грабить господа капиталисты!

Западные оккупационные власти изымали репарации воровским способом. Не поддается учету стоимость чертежей, патентов, ценной аппаратуры, изъятой американцами еще в ходе боевых действий, когда впереди войск действовали специальные команды "Т-Форс". Они рыскали по заводам и лабораториям, забирая чертежи и машины. Американские и английские команды продолжали деятельность и на оккупированной территории. Наш корреспондент И.Романцов, возвратившись из западных зон, в двух номерах газеты рассказывал, как это делается.

Например, "Т-Форс" нашла оригинальную машину и платит за нее 3 тысячи марок, хотя машина стоит 20 тысяч марок. За фотоаппарат "Лейка" американцы платили 160 долларов, а продавали по 400 долларов. Печать называла подобные махинация "частными репарациями". Получалось так: оккупирующие государства - США и Англия - вроде бы не берут репарации из текущей продукции, а в то же

время наживают сотни миллионов на спекуляциях с импортом и экспортом.

Те же цели обогащения преследовала линия на срыв репарационных поставок Советскому Союзу из западных зон оккупации. Замысел США и Англии сводился к следующему: заставить Советский Союз получить репарации, определенные в Потсдаме, исключительно за счет восточной Германии, тем самым затормозить темпы возрождения промышленности в советской зоне оккупации. Боннское государство уклонилось от уплаты репараций, и их тяжесть легла на плечи трудящихся восточной Германии. В печати публиковалась цифра 88 миллиардов западных марок - это сумма, которую задолжала Федеративная Республика Германии трудящимся ГДР, которые своим трудом расплачивались за всю Германию. В какой-то мере западным державам удалось затормозить прогрессивные преобразования в советской зоне и нанести ущерб восстановлению экономики Советского Союза.

Срыв репарационных поставок из западных зон способствовал восстановлению немецких монополий. СССР и Польша не получали и малой доли положенного по закону Контрольного Совета, утвердившего список предприятий в Западной Германии, подлежащих демонтажу. Уже на первом году после разгрома фашистской Германии начались поблажки немецким монополиям. Бывшие фюреры экономики рейха, сняв золотые значки гитлеровской партии, быстро пошли в гору.

В 1946 году на скамье подсудимых в Нюрнберге рядом с Герингом и другими главными военными преступниками сидел бывший "виртшафтсфюрер" Шахт. Он обеспечивал финансовую и экономическую сторону фашистской агрессии. О масштабе преступлений Шахта можно судить хотя бы по тому, что судебные папки по его делу весили две с половиной тонны. Шахт отделался испугом, а советский прокурор ничего не мог сделать, кроме заявления о несогласии с мягким приговором. Летом 1949 года Шахт уже выступал на предвыборных собраниях и открыто делал выпады против социализма во всех его видах. Бывшего почетного члена фашистской партии англо-американские власти выпустили на политическую арену.

Пушечный король Крупп все же угодил в тюрьму. Некоторая часть его богатств попала в руки других хозяев, в том числе и английских. 4 января 1951 года американский верховный комиссар в Германии Макклой издал указ о помиловании осужденных военных преступников. Первым в списке значился А.Крупп. После выхода из тюрьмы Круппу возвратили шахты, рудники и предприятия стоимостью в полмиллиарда долларов.

Поразительный пример - судьба монополиста Фридриха Флика. Он был осужден в 1945 году как виновник подготовки Второй мировой войны, но уже в 1950 году оказался на свободе и немедленно начал восстанавливать свои владения. Через несколько лет концерн, возглавляемый Фридрихом Фликом, производил в год 1500 танков типа "Леопард". Частное состояние Флика в 60-е годы оценивалось в три миллиарда марок. Бывший гитлеровский "виртшафрсфюрер" стал в боннском государстве богаче, нежели при фашистском режиме.

В Западной Германии неприкосновенными остались не только монополии и монополисты в промышленности. В трех западных оккупационных зонах в 1947 году сохранили свои владения 1244 помещика, владевших шестью миллионами гектаров земли - в среднем по 600 на хозяйство. Монополисты и помещики остались хозяевами материальных богатств, и не замедлили создать для охраны своих интересов сепаратное государство в Западной Германии.

Возрождение монополистического капитала сопровождалось шумной пропагандистской кампанией. Раз главных военных преступников казнили или же посадили в тюрьму, то рядовые немцы не должны нести на себе тяжесть репараций - внушала западная пропаганда. Видите, - доказывала она, - западные оккупирующие державы не берут с нас репараций, а Советский Союз берет.

Наш корреспондент М.Кунин в августе 1947 года присутствовал на массовом митинге, где выступал лидер социал-демократов К.Шумахер, поставивший под сомнение право Советского Союза на репарации, драматизировал положение в советской зоне оккупации. На демагогические антисоветские выпады Шумахера возбужденная толпа на огромном стадионе отвечала возгласами "хох", "хайль". Не без влияния шумахеровцев в советской зоне имели место отдельные забастовки.

Скрытый грабеж Западной Германии оккупантами-бизнесменами, срыв поставок по репарациям Советскому Союзу, восстановление позиций немецких монополий, проникновение американского капитала в западногерманскую экономику явились лишь прелюдией к мощному наступлению США на Западную Германию и капиталистическую Европу вообще. Советская пропаганда изобличала политику западных держав, но объективные условия все же позволяли Соединенным Штатам стать хозяином в Западной Европе 40-х годов.

Соединенные Штаты Америки невероятно сильно разбогатели на военных поставках, раздули свою индустрию и тяжело дышали не от истощения, а от накопленного жира. Им хотелось похудеть, но как и ради чего? Франция оказалась обессиленной в результате фашистской оккупации. В состоянии кризиса пребывала Италия. Послевоенные трудности беспокоили Великобританию и другие европейские державы. Обстановка позволяла монополистическому капиталу США привязать Западную Европу к своей экономической колеснице.

В июне 1947 года появились первые сообщения о так называемом плане Маршалла. Руководитель внешней политики США Дж. Маршалл в одном из выступлений изложил американскую точку зрения на преодоление экономических трудностей в европейских государствах. Для этой цели предлагалась материальная помощь в форме товарных и долларовых кредитов.

После заявления Маршалла началась невиданная по масштабам пропагандистская кампания вокруг американского плана "спасения" Европы. Старательно разжигались аппетиты на безвозвратные ссуды и кредиты, обещанные американским правительством. Возносилось до небес мнимое бескорыстие США, их дутая благотворительность и миролюбие.

Буржуазная пропаганда на все лады кричала о том, что Соединенные Штаты, будто бы, протягивают руку бедной Европе, в том числе и немцам, и неразумно, мол, отказываться от кредитов и субсидий. В адрес Вашингтона клали поклоны не только алчные капиталисты западноевропейских стран, не только обедневшие пушечные короли Германии, но и всякого рода буржуазная челядь. Старый социал-демократический бонза Лёбе в газете "Телеграф"

опубликовал статью, в которой доказывал, что с помощью плана Маршалла можно исправить и улучшить капитализм. В газете "Советское слово" мы крепко отстегали этого сторожевого пса капитализма. Позиция Лёбе отражала состояние политического угара среди немцев, в какой-то мере распространявшегося и на советскую зону оккупации. На получение даровых долларов среди немцев нашлось порядочно охотников.

Советский Союз и страны народной демократии решительно отказались от американской помощи и в ряде документов разоблачили подлинные цели плана Маршалла. В июле 1947 года руководство Социалистической Единой партии Германии, действовавшей в советской зоне оккупации, отвергло план Маршалла и призвало немецкий народ самостоятельно найти путь к лучшему будущему.

Тогда еще далеко не все предвидели пагубные последствия плана Маршалла. Гораздо позже стало очевидным, что американская помощь предполагала проникновение США в экономику других государств, восстановление военного потенциала Германии, создание военно-политического блока в Европе и превращение Западной Германии в аванпост для борьбы против социалистических государств.

В "Советском слове" нам не сразу удалось найти убедительный тон для разоблачения коварного плана маршаллизации Европы. В начале августа 1947 года на одном из редакционных совещаний мы долго дискуссировали о том, какие материалы давать о плане Маршалла, и вообще об американской политике в Германии. Через несколько дней после редакционной дискуссии я присутствовал на беседе у советского коменданта Берлина генерала Котикова. Он заявил, что многие берлинцы рассуждают так: хотя план Маршалла нас может закабалить, но он даст нам продовольствие. Весьма неприятные настроения, и от них нельзя было просто отмахнуться. Советские оккупационные органы несли ответственность за жизнь 18-миллионного населения зоны. Требовалось действовать так, чтобы немцы поверили в собственные силы, не надеялись на заокеанских покровителей, а сами преодолевали трудности развития экономики. В этом отношении большую роль играла советская газета "Теглихе Рундшау" и другие средства пропаганды на немецком языке. Но и нашей газете отводилась важная роль.

Смысл задач, вставших перед газетой, сводился к следующему: надо жить по плану Маршалла, или, как кто-то выразился, долбить его, ни в коем случае не допуская примиренческой позиции к американскому плану закабаления Европы. В конце 1947 рода на одном ответственном совещании работников советских органов пропаганды нам сказали ясно и определенно: мирного договора с Германией не будет, если немцы примут план Маршалла. Последующие события привели к тому, что Западная Германия приняла этот план, а Восточная Германия его отвергла, что явилось одной из первопричин раскола Германии на два государства.

Официальное соглашение Западной Германии и Соединенных Штатов об американской помощи было заключено в январе 1950 года. Но проникновение американцев в немецкую экономику началось вскоре после окончания войны. С полными карманами долларов и оккупационных марок десанты американских дельцов взяли в плен ослабленную войной немецкую буржуазию. Зато в Рейнских банках появились пачки долларов в качестве твердой валюты.

Нам, не искушенным в бизнесе, трудно давалась валютная механика. Помогла одна немецкая газета, пытавшаяся объяснить, почему в голодное время в Западной Германии появились бананы, ставшие объектом пропаганды в пользу буржуазных порядков. Оказывается, Куба продавала Западной Германии бананы за доллары, накопившиеся там от американских подачек. На вырученные доллары Куба покупала в Соединенных Штатах курортные шляпы и прочие залежалые товары. В результате круговорота доллары возвращались обратно в США. Долги Западной Германии росли, Куба торговала и ничего не строила, а США обогащались, и их золотые запасы росли.

Механизм закабаления Западной Германии выглядел весьма сложным, и разоблачать его политическую суть было непросто. В этом отношении убедительной получилась статья в "Советском слове" об американских махинациях в текстильной промышленности, опубликованная в январе 1948 года. Статья получила одобрение руководства СВАГ. В ней приводился интересный и убедительный пример. Американский хлопковый король Вильям Клейтон, будучи помощником государственного секретаря США по экономическим вопросам, являлся одним из авторов плана Маршалла. Фирма

Клейтона поставляла в Западную Германию десятки тысяч тонн хлопка. Выработанные на немецких предприятиях ткани американцы реализовали на внешних рынках. Клейтон зарабатывал на этой махинации совершенно баснословные прибыли, исчисляемые сотнями миллионов долларов.

"Клейтонов" оказалось много. Подобные ему творцы плана Маршалла имели своих представителей в органах американской администрации. Например, в экономическом отделе подвизался Питер Хеглунд, перед войной руководивший немецкими заводами "Опель", принадлежавшими концерну "Дженерал моторс". Он-то уж хорошо знал, как заработать на эксплуатации немецких рабочих.

Да что там Клейтон и Хеглунд! Сам руководитель американских оккупационных властей генерал Клей слыл крупным американским монополистом и, естественно, не признавал другого пути развития, кроме капиталистического. Именно поэтому он так благосклонно относился к представителям немецкого капитала, всячески проявляя заботу о политической реабилитации бывших фюреров гитлеровской экономики. Именно Клей официально поручил юристам доказать, что на Нюрнбергском процессе пушечного короля Круппа неправильно осудили из-за "юридической ошибки".

Весьма примечательны подробности оправдания на Нюрнбергском процессе бывшего гитлеровского министра хозяйства Шахта,

В 1946 году в тюремную камеру Шахта пришел некий американец и сообщил ему, что немецкие промышленники предстанут перед судом по обвинению в вооружении Германии. "Если вы хотите, - сказал Шахт, - привлечь к ответственности промышленников, которые помогали вооружать Германию, то вы должны предать суду и своих собственных промышленников - хозяев заводов "Опель", принадлежавших "Дженерал моторс", которые работали только на войну".

Произнеся ядовитую фразу, Шахт рассмеялся. Смех за тюремной решеткой свидетельствовал о его уверенности в том, что монополистов и банкиров не тронут. Так и получилось. Бывших нацистских руководителей экономики немного припугнули, а затем дали волю и пустили опять в сферу бизнеса. Воскресли имена Шахта, Круппа,

Тиссена, Динкельбаха, Пфердменгеса и прочих немецких королей угля, стали и химии. Пошли в гору банкиры, оставшиеся от гитлеровского режима. Рождались новые капиталисты. И все это делалось с помощью американских монополий и их ставленников в оккупационных органах.

Правда, немецкие монополисты в те годы находились в путах законов и инструкций, изданных оккупационными властями. Но круппы и тиссены были уверены в том, что они рано или поздно прорвут ограничения и выйдут на просторы свободного предпринимательства. И прорвались они с помощью плана Маршалла, закрепились под покровительством созданного боннского государства.

Американский военный губернатор Макклой в 1949 году вслед за созданием Федеративной Республики Германии, выступил в немецкой печати со статьей доказывающей, что частные вложения американцев в немецкую промышленность есть лучший вид помощи. Что касается денежных субсидий, то, по мнению Макклоя, это лишь потерянные доллары. Канцлер Аденауэр откликнулся на выступление Макклоя и заявил, что лучший способ привести в порядок немецкую экономику - привлечение иностранного капитала. В общем, два ставленника монополий нашли общий язык, и вскоре американское проникновение в западногерманскую экономику узаконили юридически.

В январе 1950 года боннский бундестаг утвердил соглашение о помощи Западной Германии в рамках плана Маршалла. Только коммунисты голосовали против кабального договора. Социал-демократы голосовали "за". Один из шумахеровских депутатов, некий Боде, расшаркиваясь перед американцами, заявил: "В благодарность за американскую помощь мы должны согласиться с тем, что американцы требуют от нас европейской ориентации и европейского оптимизма". Подобных торговцев национальными интересами на боннской арене появилось много. Их голоса отражали интересы рурских промышленников, баварских реакционеров, тайных и явных реваншистов - всех тех, кто намеревался использовать психологию немецкого бюргера в целях сохранения системы эксплуатации.

Унизительное пресмыкательство перед долларом продемонстрировали боннские оптимисты. А между тем, основная суть соглашения США и ФРГ заключалась в статье шестой, согласно

которой боннские власти должны оказывать "соответствующую поддержку американским акционерным обществам в Западной Германии". На практике такой пункт привел к тому, что в Западную Германию хлынули тысячи представителей американских монополий; банкиры, биржевики, большие и средние бизнесмены, спекулянты - все они еще за океаном почувствовали запах прибылей, которые можно нажить в боннском государстве и около него.

Внешне американские подачки по плану Маршалла выглядели как помощь. Западногерманские политики, словно голодные волки, бросались на заокеанские кредиты. А ведь доллары давались с холодным расчетом бизнесменов и банкиров. В печати появилось выражение "долларовый драйв". Содержание этих слов раскрывают цифры. В 1949 году из США в Западную Германию было ввезено товаров на 825 миллионов долларов, а вывезено на 47,7 миллиона долларов. Подобные размеры субсидий в товарной форме создавали растущую задолженность Западной Германии Соединенным Штатам. Превышение ввоза товаров над вывозом и назвали "драйв", что в русском переводе означает "прореха". В 1949 году "прореха" для Западной Германии составила около миллиарда долларов. "Долларовый драйв" стал своего рода открытыми воротами. Через них не стоило особого труда проникнуть в западногерманскую экономику. Как всё это похоже на наши дни!

Маршаллизация Западной Германии давала реальное подспорье немецким монополиям и служила делу укрепления капиталистических порядков. В июне 1950 года Верховная Комиссия США, Англии и Франции издала директиву. В ней отмечалось, что на местах власти стесняют "свободу отдельных лиц" в промышленной и торговой деятельности, что есть "тенденция ограничить индивидуальную свободу предпринимателей". Далее в директиве идет установка: "Не должно быть ограничения ни законодательством, ни правительственными распоряжениями права каждого заниматься деятельностью в торговле и промышленности". По распоряжению американской военной администрации всем сотрудникам оккупационных органов разрешалось заниматься любым промыслом и торговать без ограничения любыми товарами, за исключением торговли недвижимым имуществом. А оккупационные органы США

были битком набиты промышленниками, торговцами, маклерами, спекулянтами и прочими представителями бизнеса.

Маршаллизация Западной Германии означала насаждение капиталистических порядков. Это устраивало и немецких капиталистов, сосредоточившихся за Эльбой. Еле-еле слышались голоса, указывающие на то, что план Маршалла вроде бы отрезает немецким товарам путь на восточные и азиатские рынки. Да и зачем об этом кричать в те годы, если и без того имелся хороший бизнес. Если в 1937 году 450 немецких акционерных обществ по биржевому курсу имели капитал в 1,8 миллиарда марок, то в ноябре 1949 г. стоимость акций тех же акционерных обществ составляла уже 4,1 миллиарда марок. Разве плохо немецким монополистам быть в союзе с американскими коллегами? План Маршалла стал планом восстановления немецких монополий, средством увеличения прибылей монополий США.

Большими цифрами, даже миллиардами, в послевоенную пору никого нельзя удивить. Приведенные цифры о росте богатства немецких монополий стали более красноречивыми уже через двадцать лет после начала маршаллизации Западной Германии. По официальным данным, в начале 1965 года в ФРГ имелось 1166 миллионера, а концентрация производства в руках монополий достигла небывалой степени. Экономическая основа империализма в Западной Германии была не только восстановлена, но и выросла настолько, что стала теснить своих бывших покровителей, как на мировых рынках, так и по линии валютной. По замыслу империалистов, Западная Германия создавалась как государство для борьбы с Советским Союзом. Ныне плоды замысла реакционеров возвращаются бумерангом, который бьет по Франции, Англии, и даже долетает до США.

Западногерманские пропагандисты много кричали о каких-то чудесах, давших возможность быстро подняться их экономике. Но никаких чудес не происходило. Факт, что к февралю 1950 года в боннской республике имелось два миллиона безработных и только в январе того года лишилось работы 339 тысяч человек. Длительное время высокий уровень безработицы мучил трудящихся Западной Германии. Аденауэр заявлял, что цифры безработных преувеличены, а

профсоюзная статистика фальшива. Шумахеровцы, наоборот, доказывали, что цифра количества безработных преуменьшена. Бундестаг многие часы обсуждал положение с занятостью в промышленности. Один из депутатов от правящей партии ХДС некий Люнендонк, обращаясь к Аденауэру, призывал не относиться "легкомысленно к серьезному вопросу о безработице".

Марксисты знают, почему и для чего буржуазия держит армию безработных. Безработица, поддержание ее на определенном уровне - старый и наиболее проверенный способ эксплуатации и накопления капитала. Боннские капиталисты не являлись исключением, но, кроме всего прочего, они использовали наличие безработицы для оправдания своей политики. Тот же Аденауэр в феврале 1950 года определенно заявил, что приостановить рост безработицы можно только путем усиленного притока иностранного капитала, и, конечно, путем вооружения Западной Германии.

Такая постановка вопроса удовлетворяла американские монополии. И как только воскресли немецкие концерны, так прекратилось действие плана Маршалла. Американский экономический механизм хорошо сработал, и в отличие от гитлеровских времен, немецкие монополисты, казалось, были накрепко заперты в американской клетке. На самом же деле процветали как западногерманские, так и американские монополии. Политика США в Западной Германии не сводилась лишь к обеспечению прибылей американским бизнесменам. Генерал Клей и его команда действовали также и в интересах германского монополистического капитала. Клей покинул Германию в середине 1949 года накануне провозглашения боннского государства. Благодарные немецкие буржуа с помпой проводили Клея. Берлинскую улицу "Кронпринц-аллее" переименовали в "Клей-аллее". На страницах буржуазных газет запечатлели прощальную улыбку Клея. Немецкая реакция отдавала должное ее ревностному, но небескорыстному покровителю.

После того как бывший глава оккупационной власти США покинул Германию и возвратился к делам своей табачной монополии, он удивил немцев своей откровенностью. Выступая в феврале 1950 года в городе Атланта, Клей заявил: "Мы должны держать свои войска

в Средней Германии может быть 50 лет, ибо речь идет о нашей границе, которую надо защищать". Слова о "нашей границе" - отнюдь не митинговая оговорка. Еще в октябре 1947 года он заявил, что американские войска не уйдут из Германии до тех пор, пока не будет достигнут "мир во всем мире".

Вот почему усердствовал генерал Клей и почему он не думал о единстве немецкого народа и государства. Оказывается, через Германию проходит граница США!

Клей и его единомышленники меньше всего говорили о корыстных целях американского бизнеса. Из сообщений прессы середины 1950 года приведем типичный факт. Пентагон через соответствующие законодательные органы США добился ассигнования 150 миллионов долларов на производство бронебойных пушек. Необычным было лишь то, что заказ перепал западногерманской монополии "Рейнметалл". И самое интересное состоит в том, что протолкнул этот заказ старый знакомый и покровитель немецких монополий Люциус Клей вкупе с сенатором Доддом. Трудно сказать, сколько Клей нажил на этой операции, во всяком случае, действовал он не без выгоды. Вот для чего была нужна маршаллизация Западной Германии.

У подлинных хозяев США имелись широкие планы в отношении Германии и вообще по европейским делам. Об этих планах американцы много писали и говорили. Сошлемся на книгу того же генерала Клея. В мемуарах, вышедших под названием "Решение в Германии", Клей излагал взгляды на перспективы мирового развития. Наиболее определенно его позиция отразилась в телеграмме, посланной правительству США 19 июня 1948 года, то есть вскоре после развала Контрольного Совета. "В создавшейся сейчас обстановке, - доносил Клей, - только мы можем взять на себя мировое руководство". Вот оказывается, для чего понадобился развал союзнического управления Германией. Через Контрольный Совет невозможно, конечно, установить мировое господство США, как нельзя это сделать, скажем, через Организацию Объединенных Наций. Мысль о мировом господстве не являлась изобретением Клея, она давно занимала умы правящих кругов США.

Приведенные выше цифры и факты о маршаллизации Западной Германии публиковались на страницах "Советского слова".

К оглавлению

Янки в Берлине

Существенные особенности борьба за будущее Германии имела при решении берлинской проблемы.

До некоторого периода советские люди свободно передвигались по всем секторам Берлина, так же как и представители западных держав. Берлин управлялся Союзной комендатурой, а в секторах города действовали комендатуры СССР, США, Англии и Франции. Напряженность обстановки стала ощущаться во второй половине 1947 года.

В октябре 1947 года нас, группу советских журналистов, пригласили на открытие американского пресс-клуба в зеленом берлинском районе Грюнвальд. Мы поехали без каких-либо опасений, попали в непринужденную атмосферу и вскоре затерялись в общей толкучке пресс-клуба. В небольшом зале клуба было полно народу. Все двигались, стоя закусывали, стоя пили вино и коктейли из маленьких рюмочек, стоя разговаривали. В общем, не было ничего похожего на привычные заседания. Только престарелому английскому маршалу авиации Дугласу нашелся стул и была дана возможность сесть. Даже на концерте самодеятельности присутствующие либо стояли, либо сидели на полу.

В шумной толпе журналистов мы и не заметили, как около нас оказался мистер Скотт, представитель какого-то американского агентства печати. Он представил нам свою жену Машу, в прошлом работавшую на Магнитострое, где ее и подхватил мистер Скотт, будучи одним из американских специалистов на стройке. Пышная, высокая, краснощекая Маша без особого хвастовства заявила, что она родом из "тверских россиян".

На хорошем русском языке мистер Скотт повел с нами разговор. Он спокойно и вроде бы безразлично спрашивал, как живут наши семьи, не собираются ли они уезжать из "проклятой Германии".

Разговор об отъезде из Берлина или приезде не был пустым. Если семьи уезжают на Родину, значит жди обострения обстановки, а то и войны, если семьи едут в Германию, значит, порохом пока не пахнет. Мы подготовились к подобному разговору, и вместе с корреспондентом "Правды" Юрием Корольковым отбивались от назойливого разведчика.

По поводу посещения американского пресс-клуба в моем дневнике сделана запись: "На открытии американского клуба печати мистер Скотт осторожно прощупывал нас, советских журналистов, спрашивая, не надоело ли нам пребывать в Германии, ведь в самой России сейчас так много дел. Мы дали понять мистеру Скотту, что о политике много пишем, но не имеем желания говорить о ней за коктейлем".

Осенью 1947 года советские люди не собирались уезжать из Берлина и чувствовали себя хозяевами положения, хотя соседство с бывшими союзниками по войне ничего приятного не представляло. Для газетчиков в Берлине открывалось интереснейшее поле деятельности: пиши статьи, заметки, фельетоны, памфлеты - на все имелось предостаточное количество фактов, свежих и интересных. Развертывались политические бои в Контрольном Совете, в Союзной комендатуре Берлина, на страницах газет, в партиях и общественных организациях, в органах городского самоуправления.

В осенние дни 1947 гола политическая жизнь Берлина еще не перешла на улицы и площади - они выглядели пустынными и безмолвными, а руины напоминали как бы о великом землетрясении. Но и тогда уже имелись основания для беспокойства за судьбу германской столицы. Это почувствовалось в беседе с советским военным комендантом Берлина генералом Котиковым А.Г. Он говорил мне, что отношения между союзниками обостряются, западные власти наступают на нас политически и идеологически, стараются отдалить советский сектор Берлина от ученых и инженеров, переманивая их в свои зоны. Западная печать всячески дискредитирует Советскую политику. Немецкая демократическая печать обороняется, и притом не всегда удачно. В ряды политических партий, действующих в советской зоне, просочились настроения, одобряющие план Маршалла. Такие мысли высказал советский комендант Берлина.

На редакционной летучке один из сотрудников "Советского слова" задал вопрос: нельзя ли для пользы дела выгнать союзников из Берлина? Вопрос вызвал напряженную тишину. Нечто подобное пришлось услышать и на совещании у Политсоветника в декабре 1947 года.

Вопрос отражал наши скрытые желания. В таких случаях среди присутствующих раздаются возгласы одобрения и даже аплодисменты. Почему же мы, газетчики, притихли? Вероятно потому, что вопрос о Берлине относился к проблемам большой политики и решался в самых высших инстанциях. Если рассматривать берлинский вопрос изолированно, то все казалось просто. Берлин находился на территории советской зоны оккупации. Наши войска надежным кольцом опоясали город, тогда как в самом Берлине союзных войск иметь не полагалось, кроме подразделений охраны. С точки зрения военной, Берлин можно было, как говорится, брать голыми руками. Западные союзники, видимо, не очень уютно чувствовали себя на берлинском острове и до поры, до времени не шли на обострение отношений с Советским Союзом

Крупнейшей политической битвой по берлинскому вопросу следует считать Лондонское совещание министров иностранных дел в конце 1947 года. С этого совещания интересные корреспонденции присылал "Наш корр." М.Собинов, он же М.Грибанов.

Корреспонденции из Лондона носили спокойный характер и убедительно показывали советским читателям, чего хотят союзники добиться в германском вопросе. Они хотели видеть Германию устроенной по образу и подобию Соединенных Штатов Америки, хотели свести на нет решения, принятые в Ялте и Потсдаме. Союзников устраивал Берлин как столица общегерманского государства, но чтобы в нем обязательно сохранялись капиталистические порядки.

Советские представители на Лондонском совещании и советский народ хотели видеть Германию новой, демократической, а не какой-то отретушированной копией гитлеровского рейха. В берлинском вопросе выявились две линии, трудно примиримые. Лондонское совещание обнажило разногласия, и в начале 1949 года в Берлине резко обострилась обстановка. Еще в августе 1947 года Союзная

комендатура рассматривала решение берлинского городского Собрания представителей, которое после острых споров все же решило провести отчуждение капиталистических концернов. Американский представитель в Союзной комендатуре, а также союзники США, отказались утвердить решение берлинского выборного органа. Поскольку в Союзной комендатуре действовал порядок единогласия, то из-за возражения США, Англии и Франции западноберлинские монополии оказались нетронутыми. По этому вопросу мы в газете напечатали специальное заявление генерала Котикова.

Вопрос о концернах стал пробным камнем для оценки политики в берлинском вопросе. Западные державы намеревались присоединить Западный Берлин к экономической системе Западной Германии. Советская сторона разоблачила попытки раскола Берлина и экономического закабаления его западных секторов.

В газете мы с возмущением писали о том, как в Западном Берлине не разрешили отметить день жертв фашизма. Нас возмутил случай, когда американский офицер появился в мундире эсэсовца на одном из танцевальных вечеров. Переодетый янки получил на маскараде первый приз за то что не постеснялся одеть мундир гитлеровской черной гвардии.

Вызывало удивление и возмущение советских людей поведение американцев в Берлине. Англичане и французы вели себя в рамках принятых правил, американцы же часто вели себя непристойно. Разве можно спокойно относиться к факту, когда американские военнослужащие в одно из воскресений пришли в Трептов-парк пьяными и там безобразничали? Мы много писали о чванстве и наглости, о мордобое и разврате, о спекуляции и наживе американцев в Берлине. Под воздействием носителей американской культуры развращалась берлинская молодежь. В 1947 году на Курфюрстендамм толпами разгуливали молодые бездельники, спекулянты и паразиты, готовые пойти за доллары на любое грязное дело. Они научились у заокеанских представителей класть ноги на стол и бросать пивные бутылки под сводами метро.

В советском секторе Берлина делалось все необходимое для налаживания обстановки труда и порядка, учебы и дружбы. На первомайской демонстрации 1947 года трудящиеся демократического

Берлина несли лозунг: "Только вперед, назад никогда!" Правда, будущее еще далеко не всем казалось ясным, но к прошлым порядкам берлинцы возвращаться не хотели. На стремление немцев идти вперед, к новой Германии и опирались советские оккупационные власти.

Западные газетные гангстеры плели всякие небылицы о положении в советском секторе Берлина и в нашей зоне оккупации. Для лживой пропаганды использовались немцы, возвратившиеся из советского плена, а также всякого рода деклассированные элементы. Нам, пропагандистам, было ясно, что янки развертывают большое политическое наступление, антисоветская направленность которого не вызывала сомнений.

Не вдаваясь в глубины берлинского вопроса, хочу показать его остроту на примере нашего отношения к американскому коменданту Берлина. В 1945-1949 годах им являлся полковник Хаули, позднее бригадный генерал.

Я присутствовал на беседе Франка Хаули с советским комендантом генералом Котиковым. Небольшого роста, в кавалерийской форме, с аксельбантами и при орденах, подвижный до развязности, с тяжелой нижней челюстью и низким лбом, спесивый и какой-то настырный - таково первое впечатление от главы американской администрации в Берлине. Хаули выглядел прямой противоположностью солидного, спокойного и обходительного советского коменданта. Кстати сказать, было известно, что Хаули не выносит присутствия советских журналистов. Во время беседы у генерала Котикова мне для пользы дела пришлось сидеть за ширмой.

О культурном уровне американского коменданта ходили анекдоты. Рассказывали, что когда берлинский маклер письменно предложил американской комендатуре купить копию картины Рембрандта, то Хаули наложил резолюцию: "Доложить, к какой партии принадлежит Рембрандт". Биография Хаули такова, что остается лишь пожимать плечами, чтобы ответить на вопрос, почему такой человек стал комендантом Берлина. А впрочем, может быть и закономерно явление, когда бывший агент рекламной компании, ни дня не пробывший в действующей армии, человек с задатками расторопного администратора занял столь высокое положение в центре европейских политических событий?

Вашингтонских политиков привлекали в Хаули не только черты безудержной наглости и хамства. Как комендант он их устраивал методами кавалерийских наскоков в серьезных вопросах жизни Берлина. Но если это удавалось в Шербуре, где Хаули в 1944 году стал важным администратором, то в Берлине перед ним возникло непреодолимое препятствие, которое он не мог взять ни пешим, ни верхом на "Бетси". Раздраженный кавалерист в должности берлинского коменданта срывал злобу на нас, советских людях. Он использовал любой довод для выступления против "русских". Одну из книг своих мемуаров Хаули назвал "Моя четырехлетняя война с красными". И он, действительно, воевал.

Вот один из трюков янки Фрэнка Хаули.

На заседании Союзных комендантов Берлина Хаули предложил в день Пасхи 28 марта 1948 года провести общегородское богослужение с участием подразделений американских войск. После небольшой дискуссии вопрос был передан в комитет религиозных дел и народного образования Союзной комендатуры Берлина. На следующий день не без ведома Хаули западноберлинская "Дер Тагесшпигель" в самой грубой форме извратила позицию Советского коменданта, сообщив, что генерал Котиков, мол, выступил против богослужения. Между тем, советский комендант заявлял, что пасхальное богослужение - дело самих верующих.

К самым грязным приемам прибегал Хаули и его компания для дискредитации политики Советского Союза. Высшим проявлением наглости и спеси американского коменданта была его выходка на заседании в Союзной комендатуре 16 июня 1948 года. Хаули в оскорбительной форме отказался рассмотреть советские предложения, вынесенные на обсуждение. После ряда неприличных выпадов по адресу советских представителей, он демонстративно ушел из зала заседаний, нарушив тем самым элементарные нормы поведения. Видимо, из всего кавалерийского дела Хаули знал только грубость.

Деятельность Хаули возмущала, и писать о нем спокойно не представлялось возможным. В одном из номеров "Советского слова" в большой статье "Хаули рвется в генералы" мы обрушились на него всей силой памфлета.

Фокусы Хаули шли не только от бескультурья. Они устраивали американские оккупационные власти, им потворствовал генерал Клей. Получив в поощрение звание бригадного генерала, отслужив по этому случаю молебен, Хаули в августе 1949 года получил отставку, уехал в Штаты и занялся мемуарами.

К родным местам Хаули поехал не пустым, а прихватив три вагона наворованного добра. За четыре года комендантской службы он нахапал немало уникальных картин из немецких музеев, дорогих посудных сервизов и прочего добра. Кое-что и потерял Хаули, уезжая яз Берлина. Нельзя было прихватить с собой тот больной замок, в котором он жил и в котором имел мраморную ванну. Нельзя было увезти в США и озеро с дикими утками, на которое Хаули смотрел из окон замка. Не захватил он и 136 коров, имевшихся в хозяйстве замка.

В своей книге "Моя четырехлетняя война с красными" Хаули ляпнет: "Я в течение четырех лет не спал ночи напролет, думая о том, как мне справиться с русскими". Явное преувеличение своих заслуг. Думать ночами у него не хватало времени. Берлин знал о буйных пьяных оргиях Хаули и его охоте за женщинами. Можно не сомневаться лишь в одном: в трезвом и пьяном состоянии Хаули оставался необузданным антикоммунистом, своеобразным варваром XX века.

Сейчас, через многие годы после описываемых событий, когда перечитываешь газетные статьи об американской политике в Берлине, о Хаули и действиях рядовых янки, кажется, что мы писали мягко и даже деликатно. Можно было писать резче, решительнее и даже грубее. Янки нанесли Берлину неизмеримый урон, последствия которого еще долго будут давать знать о себе.

Представители новых поколений вряд ли смогут понять, почему янки могли так развязно вести себя в Берлине. Ведь в городе не стояли войска западных держав, кроме охранных частей, насчитывающих около 10 тысяч человек, а вся их военная техника - бронетранспортеры и стрелковое оружие. В газете мы писали об "учениях" американских подразделений, но учения были забавой по сравнению с маневрами наших частей за пределами Берлина. В какой-то праздник я видел парад английских подразделений. Они не только свободно умещались

на поле стадиона, но под звуки оркестра шотландских волынок свободно совершали перестроения и красиво маршировали.

Так на чем же держалась власть западных держав в Берлине? При существующем тогда соотношении сил о новой войне мирового масштаба речь не могла идти. Слишком свежи оставались в памяти ужасы минувшей войны. Народы не хотели войны. Сказать, что политика союзников в берлинском вопросе опиралась на их могущество, нельзя. Мир находился тогда в послевоенном равновесии, и рассчитывать на успех политики "с позиции силы" было делом безнадежным.

Янки опирались в Берлине, кроме юридических оснований, прежде всего на реакционные силы разбитого фашистского государства. Эти силы - большие, а самое главное, что они - антикоммунистические и антисоветские. Речь идет не только о хозяевах "Сименс-Шуккерта" или других монополий, но и о многих рядовых немцах, отравленных нацистской идеологией. В Западном Берлине лидеры социал-демократии тоже выглядели озлобленными антикоммунистами.

Разительный пример. Бургомистр района Крейцберг в американском секторе Берлина, социал-демократ Крейсман повесил на дверях своей канцелярии плакат с призывом: "Жители Западного Берлина, не покупайте товары в восточном секторе".

Так что крейсманы, бывшие нацисты, промышленники и лавочники, спекулянты и валютчики, деклассированные элементы, люди, потерявшие в годы нацизма и войны политическую ориентацию, - вот социальная опора, давшая возможность американцам хозяйничать в Западном Берлине. Если к этому добавить продажную западную пропаганду, то силам реакции в двухмиллионном Западном Берлине жилось достаточно вольготно.

Ответственность за раскол Берлина несут и представители немецких буржуазных партий. Правда, во главе западноберлинских органов самоуправления стояли социал-демократы, а христианские демократы вроде бы составляли оппозицию. Но основные решения по берлинским делам без них не принимались.

Мы писали о съезде берлинской организации Христианско-демократического союза, проходившего в Западном Берлине в

наиболее трудное для города время. Докладчик Шрейбер долго распинался о "любви к ближнему", о "европейском содружестве" и даже о том, что "все определяет дух, а не материя". Но христианский несопротивленец не нашел слов, чтобы сказать о бедственном положении в Западном Берлине и о виновниках такого положения. Деятелей, подобных Шрейберу, мы относили к силам реакции, виновным в расколе Берлина.

Уже в начале 1948 года приходилось объезжать западные секторы города, если намерен попасть на кольцевую автостраду. Без всяких опасений могли проезжать разве лишь через Рейниккендорф, где обосновались французы. Обстановка становилась более напряженной после того как в ответ на действия западных держав с 1 марта 1948 года СВАГ ввела ограничения в передвижении между западными зонами Германии и советской зоной. Усложнилась система пропусков через зональную границу и спекулянты уже не могли торговать пропусками на черном рынке. Попасть в Западный Берлин по железной дороге и автостраде стало труднее, особенно для тех, кто пытался наживаться на расколе Берлина.

Наиболее серьезное событие, приведшее к обострению обстановки в Берлине, произошло в середине 1948 года, когда западные державы объявили сепаратную денежную реформу. Наши бывшие союзники проложили валютную границу между зонами и секторами Берлина.

Здесь уместно сделать некоторую скидку французам. Слабость позиций Франции перед лицом всесильных США заставляла эту страну идти на поводу у американских покровителей. Такое положение дало о себе знать, например, в ночь с 22 на 23 июня 1949 года. В ставке генерала Клея обсуждался вопрос о денежной реформе в Берлине. От Франции присутствовал генерал Нуарэ. В те дни об одном из эпизодов заседания можно написать так:

- Коллеги! А нельзя ли как-нибудь, по возможности и в соответствии со здравым смыслом, договориться с русскими по поводу денежной реформы? - заявил генерал Нуарэ.

- Господин генерал, - резко ответил Клей, - я не для таких разговоров созвал вас сюда. Мои марки для Берлина готовы. Лучше скажите, какая сумма марок необходима для французской зоны.

Вероятно, были произнесены другие слова, но суть разговора передал в печать известный французский журналист Пертинакс. В своем обозрении за 30 июня 1948 года он писал: "Клей отодвинул французов на второй план в вопросе о денежной реформе в Берлине, англичане и американцы даже не хотели нас слушать".

Наиболее дальновидные из французских буржуазных деятелей предвидели опасность валютного раскола для будущего своей страны. Их опасения подтвердились. В ноябре 1968 года западногерманская марка привела французскую валюту на грань острейшего кризиса. Валютное наступление на Францию со стороны Бонна стало возможным в результате покровительства западногерманским монополиям, открыто начатое в 1948 году.

Возвратимся опять к прошлому. Природа денежного обращения требует единства валюты в масштабе одной страны. Но что делать, если раскольники ввели в обращение свою валюту? Пришлось СВАГ запретить хождение западных марок в советской зоне и провести денежную реформу, о которой 23 июня 1948 года объявлялось приказом маршала Соколовского.

Неспециалистам в области финансов трудно представить последствия существования в Берлине двух валют. И, тем не менее, жизнь заставила газетчиков некоторое время выступать по валютным вопросам. Мы публиковали разоблачительные материалы, но как показали события, в редакции "Советского слова" мы односторонне поняли смысл введения валютной границы. Наши статьи истолковывали денежную реформу как раскол Германии - и только. Лишь позднее стало очевидным, что реформа явилась сильнейшим оружием западных держав в экономической войне, объявленной против советской золы. Обескровить экономику советской зоны оккупации и советского сектора Берлина - вот цель, которую преследовали Клей и его хозяева.

Не буду воскрешать в памяти сложную механику спекуляции валютой в Западном Берлине, а сошлюсь на слова такого авторитетного деятеля ГДР, как председатель Народной палаты И.Дикман. Выступая в июне 1966 года на очередном Конгрессе общества германо-советской дружбы, он заявил, что ущерб, нанесенный Германской Демократической Республике до сооружения

в 1961 году "защитного вала" в Берлине, составлял 85 миллиардов марок. Это колоссальная цифра, показывающая, для чего проводилась сепаратная денежная реформа в июне 1948 года.

Для защиты экономики советской зоны пришлось предпринять решительные меры. Приказом маршала Соколовского с 00 часов 19 июня 1948 года приостанавливалось движение пассажирских поездов из советской зоны в западные зоны и обратно. Был закрыт въезд в советскую зону всех видов гужевого и автомобильного транспорта. На контрольно-пропускных пунктах вводился жесткий порядок проверки документов на въезд отдельных лиц и на проезд товарных поездов.

Западная пропаганда начала вопить о "блокаде" Берлина. В ответ советские органы власти объявили о готовности обеспечить жителей Западного Берлина продовольствием, топливом и промышленным сырьем. Объявлялось, что имеющихся на складах и поступающих из Советского Союза продуктов питания достаточно для снабжения двухмиллионного населения Западного Берлина.

США и их союзники не пошли на нормальное урегулирование "берлинского кризиса" и начали снабжать Западный Берлин до воздуху. Сначала 10-20 самолетов в день, а затем сотни воздушных транспортных машин перебрасывали питание, уголь и другие продукты для поддержания жизни в Западном Берлине. Между Западной Германией и Берлином образовался "воздушный мост". Доставка тонны груза в Берлин стоила американцам около 100 долларов, а поскольку в сутки доставлялись тысячи тонн грузов, то американо-английская авантюра в экономической войне стоила им сотни миллионов долларов. Но бизнесмены не работали в убыток, и американцы со временем получили с немцев за расходы на "воздушном мосту".

Многое нужно написать, чтобы обстоятельно объяснять ситуацию в Берлине, сложившуюся во второй половине 1948 года. В течение десяти месяцев мы видели силуэты американских транспортных самолетов, слушали их непрерывный шум. Настроение советских людей, работавших в те годы в Берлине и в районах под "воздушным мостом", выражено в одном из редакционных документов, сохранившихся в моем архиве. Вот текст этого документа.

"Уважаемый товарищ редактор!

Я служу в Берлине. Наше солдатское дело здесь, как известно, простое, но в то же время и ответственное. Когда стоишь на КПП, проверяешь документы у проезжающих из Берлина и в Берлин, то чувствуешь себя как бы хозяином положения. Но иногда, особенно ночью, когда замирает движение на берлинских дорогах, мирную тишину нарушает гул самолетов. Они тарахтят почти всю ночь. Другой раз в туман, близко к утру, а они куда-то пробираются как бы крадучись. Известно, что самолеты эти американские и английские, обслуживающие "воздушный мост". И вот часто думаешь, почему такая необходимость гонять машины до воздуху и портить горючее?

На днях я прочитал в газете, что этот мост будет стоить 500 миллионов долларов. С долларами я не знаком, но думаю, что это большая цифра. Трумэн в послании о бюджете требует отпуска 2,4 миллиарда долларов на образование, здравоохранение, на все нужды американского народа в 1949 году. Это лишь в десть раз больше стоимости "воздушного моста". По-моему французы хитро делают, что ни одного франка не расходуют на такую затею.

Вот стоишь на посту и думаешь: самолеты в мирное время должны перевозить людей, почту, в срочных случаях - другие ценные предметы. Но почему американцы возят уголь на самолетах? Это же какое-то варварство. Так, смотришь, начнут и бревна возить по воздуху.

Товарищ редактор! Мне в общем-то ясно, для чего все это делается. Знаю, что доллары, израсходованные на "воздушный мост", будут сорваны с немцев, да еще с процентами. В этом вопросе я, пожалуй, даже посочувствую немцам. Меня интересует другое. Как долго смогут терпеть немцы этот "мост" на их шее? Как они относятся к назойливому реву самолетов дяди Сэма? Вам виднее, как это узнать, но хочу, чтобы об этом написали в газете.

Меня лично шум самолетов беспокоит меньше всего. Можно привыкнуть спать и под грохот пушек. Пусть летают

ночные ишаки, это дело Трумэна и Клея. Парочку слов насчет Клея. Не видел я этого деятеля и, наверное, не увижу. По-моему, от стыда ему давно уже нужно бежать за океан. Полгода руководит перевозкой угля по воздуху - какой срам для его генеральского превосходительства.

А мы, советские люди, в Берлине твердо стоим на собственных ногах, не тратим зря нервы и горючее, по силе возможности, помогаем немцам благоустроить свою землю, чтобы на ней произрастали злаки, полезные передовому человечеству.

10 января 1949 года, рядовой Иван Твердев".

Мы не стали публиковать это письмо, поскольку обстановка в Берлине была настолько серьезной, что вряд ли читателей газеты устраивал тон корреспонденции. Требовалось обстоятельное разъяснение событий.

В первой половине 1949 года создалась обстановка, при которой "воздушный мост" не давал политического выигрыша ни той, ни другой стороне. Приказом Главноначальствующего СВАГ генерала армии Чуйкова на основе указаний Советского правительства в 00 часов 01 минуту 12 мая 1949 года снимались ограничения по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными зонам, а также между западными и советской зонами.

В период существования "воздушного моста" за Берлином закрепилось название "фронтового города". Название пошло от западных пропагандистов и отражало остроту борьбы по германскому вопросу. Крамольного в такой кличке ничего не было. Но в "Советском слове" она не нравилась. Мы имели реальное представление о фронтовом городе периода войны, тогда как Берлин внешне выглядел мирным, а развалины лишь напоминали о его фронтовом прошлом. Острота и напряженность политической и экономической борьбы в городе достигала предела, в некоторые моменты могла перерасти в вооруженное столкновение бывших союзников, и Берлин мог бы стать "фронтовым городом".

Неслучайно любимым выражением американского коменданта Берлина были слова: "Берлин стоит войны!" На всех пресс-

конференциях Хаули повторял этот воинственный клич. Американский комендант однажды проговорился о своих тайных помыслах. Он заявил, что мирное урегулирование не принесет ему ничего хорошего. Сейчас, мол, его портреты то и дело мелькают в печати, а в условиях прочного мира он опять станет клерком рекламной фирмы.

Добавим, что в буржуазных газетах мелькали не только портреты Хаули, но и снимки его кобылы "Бетси", на которой американский комендант ежедневно разъезжал по аллеям Грюнвальде. Добавим также, что новая война для янки могла кончиться плачевно. Пока и без войны американские дельцы неплохо зарабатывали на обострении обстановки в Берлине. Да у янки и не хватало пороху, чтобы пойти на военное решение берлинского вопроса и в целом германской проблемы.

Советская мирная политика не ставила целью развязывание военного конфликта. Правда, отдельным товарищам казалось, что США, Англию и Францию все же можно выгнать из Берлина. Но такие рождались в результате неумения взвешивать реальное соотношение сил на мировой арене, непонимание последствий нового мирового военного конфликта. Берлинский вопрос, в конце концов, решился на компромиссной основе.

Раскольническая политика проводилась западными державами в целом по проблеме послевоенного устройства Германии и вылилась в создание сепаратного государства в Западной Германии.

К оглавлению

Бизония - Тризония - ФРГ

До каких-то пор межзональные границы в Германии не являлись препятствием для передвижения людей и товаров. В первых номерах газеты "Советского слова" печатались путевые заметки, написанные товарищами, побывавшими в Баварии, Гамбурге, Киле и даже на острове Гельголанд. В 1947 году еще сохранялась возможность образования общегерманского государства на основах, согласованных союзниками.

Ход событий показывал, что у западных держав имелись тайные планы. Они вынашивали проект создания в Западной Германии

сепаратного государства. Открытые действия по расколу Германии начались с момента, когда за спиной Контрольного Совета в декабре 1946 года американские и английские оккупационные власти заключили соглашение об экономическом объединении двух зон оккупации, а также о совместном контроле над шахтами Рурской области. В августе 1947 года США и Великобритания создали немецкое управление промышленностью двух зон, а также другие двухзональные органы. В печати этот зародыш сепаратного государства окрестили "Бизоний". После присоединения Франции к американо-английскому соглашению "Бизония" получила кличку "Тризония".

Среди немецких политических деятелей и крупных чиновников нашлось немало сторонников Бизонии и Тризонии. К ним относились те, кто во времена фашизма отсиживался на безопасных конторских и церковных должностях и молитвами оказывали сопротивление нацизму. К подобного рода людям относился Пюндер, возглавивший экономическое управление Бизоний. Святоши, вроде Пюндера и Аденауэра, заполнили бизональные учреждения бывшими гитлеровскими чиновниками.

На пути к созданию боннского государства важным этапом являлось так называемое Франкфуртское совещание, проведенное в начале января 1948 года. Кроме американского и английского губернаторов на совещании участвовали немецкие деятели реакционного направления. Был опубликован документ, положивший начало открытого создания в Западной Германии самостоятельного государства.

В статье "Франкфуртские предатели немецкого народа", опубликованной "Советским словом" 15 января 1948 года, давалась политическая характеристика 13 немецким деятелям, участвовавшим на Франкфуртском совещании. Резкий тон статьи отражал возмущение советских людей раскольническими действиями на западе Германии. Мы искренне верили в возможность создания единой Германии и негодовали по поводу поведения немецких деятелей, вставших на путь раскола страны.

В июне 1949 года "Советское слово" опубликовало важную статью В.Семенова "Расчленение Германии стало фактом". Автор

подводил итоги сепаратной деятельности англо-американских властей. В статье назывались фамилии некоторых немецких деятелей, потерявших национальное достоинство и пошедших на раскол своей страны.

Франкфуртское совещание явилось началом разработки конституции нового немецкого государства. Следующим актом стало совещание в Баварии летом 1948 года. Оно состоялось на острове Херрен, расположенном посредине озера Химзее. Неожиданно для местного населения спокойный остров ожил. Со всех концов Западной Германии на остров, в дремлющий старинный замок, принадлежавший баварскому вельможе, стали съезжаться люди. Приезжие островитяне оказались образованными юристами, среди них было 24 доктора наук, несколько баварских министров и различных экспертов.

В истории записано, как солидных немецких докторов и министров тайно перевозили на остров Херрен. И только после того как на острове собрались отборные юристы, и ни один немец не мог туда попасть, только после этого объявили о происходящих событиях посредине баварского озера.

Десятого августа 1948 года на озере открылась сессия "конституционного комитета", призванного разработать проект конституции западногерманского государства. Не на глазах у народа, а отгороженные от него глубокой водной преградой, юристы творили основной закон государства.

Проект "Конституции Химзее" готовился для рассмотрения "парламентским советом", хотя парламента еще никто не выбирал. В ноябре 1948 года, в печати появился названный документ, названный "Истолкование союзниками" проекта западногерманской конституции. "Истолкование" предусматривало федеральное устройство боннского государства.

В западногерманских буржуазных кругах долго дискуссировали по поводу "истолкований", затягивая разработку конституции. Неделями обсуждались параграфы об отмене телесных наказаний в школе, о положении внебрачных детей и другие второстепенные статьи. В конце концов, Клей не выдержал немецких темпов, и в марте 1949 года довольно грубо предложил побыстрее заканчивать работу, причем подтвердил, что не может быть и речи о каком-либо отходе от

истолкования главных статей конституции, данных западными оккупационными властями. Сначала христианские демократы, а затем и социал-демократы сочли директивы Клея безобидными и вынесли проект конституции на "парламентский совет".

Никем не избранный совет заседал взаперти, не допускались даже вездесущие корреспонденты. Американские часовые около "парламентского совета" были хозяевами положения, они пропускали в зал, где рассматривался основной закон западногерманского государства, только представителей оккупационных властей. Газеты сообщали, что творцы конституции заседали до полного физического изнеможения.

Восьмого мая 1949 года, "парламентский совет" принял конституцию, оформив, таким образом, раскол Германии юридически. В дальнейшем события развивались логически. В августе 1949 года состоялись выборы в бундестаг, в сентябре по законам буржуазного парламентаризма было создано правительство во главе с канцлером Аденауэром.

Меньше чем за два года Бизония переросла в Федеративную республику Германию, самостоятельное государство на Рейне. Характер задач, поставленных перед боннским государством у нас, советских людей, не вызывал двух мнений. Государство создавалось для восстановления и упрочения капиталистических порядков на западе Германии. Создавалось государство для богатых, для защиты интересов крупного капитала.

По газете "Советское слово" можно проследить шаг за шагом процесс создания западногерманского государства.

Интерес советских людей к событиям, связанным с расколом Германии, невозможно преувеличить. Мы не знали, какой будет Германия, но верили, что создание единого немецкого демократического государства обеспечит прочный мир в Европе. История пошла другой дорогой, и западным державам удалось создать на территории ФРГ плацдарм для новой войны.

Боннское государство по всем признакам выглядело обычным буржуазным государством. В первом году его существования половина крупных правительственных чиновников являлись бывшими нацистами. Три четверти судей и прокуроров еще недавно носили в

карманах билеты нацистской партии. В боннский парламент прошли многие замаскированные строители гитлеровского рейха. Следует ли удивляться, что в больших и малых делах правительство Аденауэра защищало интересы немецких капиталистов.

В марте 1950 года боннский парламент обсуждал закон об изменении налоговых ставок. По проекту закона, внесенному правительством, снижались ставки налогов с высоких доходов. Демократическая печать и некоторые депутаты бундестага критиковали проект. Было внесено предложение об освобождении от налога рождественских денежных подарков рабочим и служащим. Налоговые поступления по этой статье составляли ничтожную сумму по сравнению с миллиардной льготой для богачей. Предложение не приняли, а по требованию Аденауэра из зала удалили депутата, осмелившегося в адрес правительства бросить резкую реплику по поводу налоговой политики.

В боннском парламенте представительствовали реакционеры всевозможных оттенков. Политически они объединились как сторонники капитализма и ярые антикоммунисты и реваншисты. Уже на первом заседании бундестага, когда обсуждалась правительственная программа, царила странная атмосфера. В речи некого Лорица чешские земли Богемии и Моравии относились к немецким землям, так же как и Австрия. Большинство депутатов явно сочувствовали мюнхенскому фашисту Лорицу. Зато, когда началось выступление руководителя немецких коммунистов Макса Реймана, солидные депутаты взбесились и сорвали его речь. А говорил Рейман о необходимости установить дружеские отношения с Польшей и о границе мира на востоке. Боннские реакционеры знали, что английский военный трибунал привлекает Реймана к суду, и потому дали волю своему антикоммунизму.

Наша газета не оставила без внимания лживый характер боннской демократии. Мы сообщили, что в зале заседаний бундестага во время выступления Реймана орудовали два платных провокатора, получивших в канцелярии бундестага за свою "работу" по 50 марок. Антикоммунистическая провокация осуществлялась по-хамски и возмутила даже газету английской военной администрации "Вельт ам зоннтаг".

Советские журналисты в Берлине основательно разоблачали милитаристский и антисоветский характер боннской политики. Критика наша сосредоточилась, прежде всего, на Конраде Аденауэре, первом канцлере боннского правительства. Журналисты тщательно изучали его биографию и нашли, что его родословная тесно связана с монополистическим капиталом, а в годы гитлеризма он спасался саном священнослужителя и примерной набожностью. Аденауэр верой и правдой служил своему классу буржуазии, а также заокеанским покровителям. Канцлером миллионеров называла Аденауэра прогрессивная печать. Крупная буржуазия ФРГ имеет все основания причислять Аденауэра к лику святых.

Нет ничего удивительного, что Аденауэр и его окружение пользовались доверием и поддержкой Трумэна, Черчилля и других столпов капиталистического мира. В связи с этим стоит напомнить интересный эпизод. Глава евангелической церкви земли Гессен пастор Мартин Нимеллер дал интервью корреспонденту американской газеты "Нью-Йорк геральд трибюн". В интервью он высказал такую мысль о боннском государстве: "Это - ребенок, который был зачат в Ватикане, а родился в Вашингтоне". Такое заявление оказалось не по нутру буржуазным газетам, и они обрушились на Нимеллера с резкой критикой. Опровергая утверждение Нимеллера о происхождении ФРГ, газеты высказали опасение, что подобная точка зрения ведет к мысли, будто немцы являются безвольным объектом политики западных оккупационных держав. Но Нимеллер оказался прав, как правы и те, кто называл Аденауэра "дитя Вашингтона".

Уже в 1968 году мне удалось прочитать интересную характеристику Аденауэра, данную Жаком Дебю-Бриде, известным политическим соратником генерала де Голля и внешнеполитическим обозревателем французской буржуазной прессы. "Католик деспотического толка, - писал Дебю-Бриде об Аденауэре, - настроенный антирусски, он постоянно испытывал тоску по временам Карла Великого... Он стал солдатом американского империализма, который поощрял возрождение реваншистского пангерманизма". Сказано вполне определенно, и возражать против такой характеристики не приходится. Личность Аденауэра полностью

соответствовала требованиям, предъявляемым к канцлеру со стороны монополистического капитала.

Американский военный губернатор в Германии генерал Клей давал Аденауэру объективную характеристику. В упоминаемой книге "Решение в Германии" Клей приводит текст своей телеграммы в Вашингтон, в которой Аденауэр характеризуется как консерватор по своей идеологии, поддерживающий свободное предпринимательство. Выражаясь словами советской пропаганды, Аденауэр относился к крайне реакционным деятелям. Свое подлинное лицо он прикрывал маской ревностного христианина и парламентским словоблудием. Аденауэр олицетворял антисоветское начало в политике боннского правительства.

С особой враждебностью правящие круги Бонна относились к преобразованиям в советской зоне и к правительству ГДР. Приведем один пример.

В Южной Саксонии, входящей в английскую зону оккупации, в 1950 году на складах скопилось более чем на 40 миллионов марок овощных консервов. Министр сельского хозяйства Нижней Саксонии доктор Гереке, он же руководитель христианско-демократического союза в Нижней Саксонии, поехал в ГДР и продал там на 15 миллионов марок залежавшихся консервов. Какой шум подняли в Бонне вокруг этого случая! Гереке решили привлечь к партийному суду и исключить из партии. Разыскали инструкцию оккупационных властей Бизонии, изданную в 1947 году и запрещавшую вести торговые переговоры с представителями советской зоны оккупации. Некоторые газеты обвиняли Гереке чуть ли не в государственной измене.

Факт продажи консервов раскрыл реакционный и антинациональный характер правительства Аденауэра и его партии, по названию демократической и даже христианской.

Не исключено, что боннские дельцы торговали бы с ГДР, но постоянно сказывалось американское давление. Достаточно было одному из боннских министров Делеру выразить опасение относительно целесообразности англо-американского хозяйничанья в Рурской области, как последовал окрик из Вашингтона и угроза применить силу в случае неповиновения. Верховный комиссар США в

Германии Макклой на пресс-конференции в январе 1950 года заявил, что всякое сближение Западной Германии с ГДР будет "ужаснее" всяких иных последствий. Вашингтон следовал принципу голодной блокады в отношении неугодных США народов и правительств.

Буржуазная пропаганда, конечно, всячески показывала самостоятельный характер боннского государства, и многие немцы верили лживой версии. Фактически же Западную Германию облепили, как мухи, многие тысячи предприимчивых американских и английских бизнесменов. Им было чуждо понятие демократии, а излюбленный метод их хозяйничанья - обогащение. Американские делатели денег смотрели на немецких трудящихся как на туземцев. В Западной Германии одно время распространялась песенка "Мы - туземцы Тризонии". Английская газета "Ньюс кроникл" 15 марта 1949 года писала, что эта песня – "смесь остроумия с нахальством". Но из песни слова не выбросишь. Хотя и нахально, но немцы дали понять, кого они у себя считают подлинным хозяином.

В сороковых годах партнеры Тризонии действовали более или менее согласованно. Англия и Франция послушно двигались за вашингтонскими политиками. И все же недовольство заокеанским хозяином иногда прорывалось, особенно у Франции. Приведем один многозначительный эпизод.

Летом 1948 года французская военная администрация командировала группу интендантов из Германии во Францию. Благополучно проехав английский сектор Берлина, автобус с интендантами был задержан в американском секторе, будто бы по причине отсутствия должным образом оформленных документов. Вторую неприятность французы пережили на аэродроме Темпельгоф. Американская охрана долго не пускала французов в помещение, и они ожидали под дождем посадки в "Дакоту" - до тех пор, пока в самолет не погрузили какую-то мебель и картины, принадлежавшие американцам. Но и на этом не закончилось унижение для французских военных. Когда самолет сел на аэродроме в американской зоне оккупации, французов обыскали, а потом предоставили им возможность самим искать транспорт для переезда во французскую зону оккупации, а затем уже и во Францию.

В те годы Франция находилась в зависимом положении от США и вынуждена была терпеть обиды со стороны заокеанских толстосумов. Мы же, советские пропагандисты, понимали унизительное положение французов, и ни в одной газетной статье не ставили их на одну доску с другими противниками Советского Союза. Франция, безусловно, несла ответственность за раскол Германии, но хотя и пассивно, все же сопротивлялась возрождению милитаризованного соседа.

Итак, в сентябре 1949 года западные державы превратили Тризонию в самостоятельное государство - Федеративную Республику Германию. Раскол Германии был оформлен юридически. Но и эти действия США и их союзников оказались не последними мерами по расколу Европы на два лагеря. Последовали события, связанные с созданием НАТО.

Договор о Североатлантическом блоке (НАТО) был подписан 4 апреля 1949 года, а Федеративная Республика Германия включена в него в мае 1955 года.

В течение шести лет проводились обработка общественного мнения и различного рода политические манипуляции для оправдания вооружения Западной Германии и включения ее в НАТО. В "Советском слове" мы опубликовали большую статью В.Семенова "Откровения Александра Клиффорда". Автор в резкой форме разоблачал империалистические планы втягивания ФРГ в военный блок. Еще более резко газета выступила по поводу высказывания нацистского генерала Гудериана. Этот консультант англо-американских властей заявил претензии на равноправие Западной Германии в вопросах вооружения, иначе, якобы, немцы не смогут стать союзниками западных держав. Началась ремилитаризация Западной Германии, оснащение ее дивизий боевой техникой.

В боннских правящих кругах не нашлось деятелей, которые сопротивлялись бы политике ремилитаризации. Они все голосовали "за", но только добавляли, что будущей немецкой армии наравне с другими армиями НАТО должны гарантировать "равный риск, равные права и равные шансы".

Сошлемся на высказывание председателя Социал-демократической партий Германии Курта Шумахера. В одном из

заявлений он ратовал за то, "чтобы Германия в период проведения вооружения находилась под защитой союзников". Союзники немецких империалистов с готовностью выполняли такую просьбу.

В сентябре 1950 года на сессии Совета НАТО государственный секретарь США Ачесон предложил немедленно приступить к формированию 10 немецких дивизий и создать в Бонне министерство обороны. По тем временам такое требование казалось слишком наглым, и руководители НАТО в общих словах заявили о желательности германского "вклада в укрепление обороны Заводной Европы". Пришлось уступить Французскому правительству, заявившему об опасности перевооружения Западной Германии для Франции.

Чтобы надуть Францию, ее союзники затеяли длительный обходный маневр. Предлагалось создать "европейское оборонительное сообщество", в которое вошла бы Западная Германия, а в составе "сообщества" последняя должны была войти и в Североатлантический блок. Советская пропаганда настойчиво разоблачала коварные замыслы империализма, с помощью которых они тащили Западную Германию в НАТО, так сказать, с черного хода.

Империализм США и Англии сыграл злую шутку над Францией. Теперь у ее границ размещен бундесвер, по мощности превосходящий силы гитлеровского вермахта. А вооруженные силы США, Англии и других стран НАТО, размещенные на территории ФРГ, составляют реальную опасность для мира во всем мире.

Оглядываясь на события первых послевоенных лет, можно с глубоким убеждением утверждать, что советская политика в германском вопросе была единственно правильной. Ее проведение в 40-х годах избавило бы Европу от американского господства, а все человечество - от угрозы третьей мировой войны.

К оглавлению

Боннские раскольники

Естественно, что в расколе Германии и в пагубных его последствиях, виновны не только США, Англия и Франция. Следует

вспомнить имена немецких раскольников, чтобы по достоинству оценить деятельность современных руководителей ФРГ.

К середине 1949 года Германия фактически оказалась расколотой на две части, а через год раскол был оформлен юридически - появились два самостоятельных немецких государства. Советская пропаганда настойчиво показывала, что раскол страны - дело рук американских властей и реакционных кругов Западной Германии. 20-го сентября 1949 года "союзный канцлер" Аденауэр в программной речи расшаркивался перед США, исходивших в своей политике будто бы из чувства "любви к ближнему". "Особая ваша признательность", "немецкий народ не забудет", "в истории не было такого благородства со стороны победителя" и другими комплиментами в адрес заокеанских хозяев пересыпал свою речь Аденауэр. Ни одного доброго слова не было сказано в адрес французов и англичан, зато Аденауэр говорил об эффективности "божьей помощи" и о благородстве папы Римского.

Американская "любовь к ближнему" - это ложь в христианской упаковке. Подлинная суть политики США заключалась в отказе от Потсдамских соглашений, восстановлении владений немецкого монополистического капитала и создании сепаратного государства ФРГ. Бывшие союзники СССР категорически отклонили советские предложения о создании общегерманского правительства и заключении с ним мирного договора.

В Западной Германии после войны сосредоточились силы немецкой буржуазии, в том числе капиталисты, сбежавшие из советской зоны оккупации. К примеру, хозяин суконной фабрики "Фендрик" бросил производство и подался в рейнские края. В советской зоне "Фендрик" превратили в народную собственность, а в особняке фабриканта разместилось шесть рабочих семей и детский сад на 45 человек.

"Фендриков" и более крупных капиталистов было много, и, само собой разумеется, они стали надежной опорой правительства Аденауэра. Что касается капиталистов, коренных жителей ФРГ, то им нечего было бояться. В 1949 году один из работников СВАГ беседовал с немецкой работницей из английской зоны. Вот что она сказала:

- У нас ничего не изменилось. Мой бывший хозяин как имел фабрику, так и теперь имеет. Только раньше к нему ездили в гости генералы с нацистскими крестами, а теперь бывают английские офицеры. Дети хозяина могут носить американские красные ботиночки... Да чего тут объяснять - всюду есть богатые и бедные, сытые и голодные.

В Западной Германии класс буржуазии взял в свои руки судьбы боннского государства. Это удалось сделать при поддержке оккупационных держав. Одна из причин такого хода дел заключалась в том, что трудящиеся на западе Германии находились в состоянии политического разброда, деморализации, растерянности и аполитичности. В создавшейся обстановке на политической арене активно и свободно действовали разного рода раскольники, убежденные антикоммунисты и яростные антисоветчики. К власти пробирались те, кто в свое время потворствовал фашистским фюрерам, гауляйтерам и прочим активным нацистам.

Среди немецких сепаратистов и реакционеров яркой звездой считался Конрад Аденауэр. О его раскольнической политике выше уже говорилось. Во всяком случае, сторонники капитализма в форме "свободного рыночного хозяйства", как выражался Аденауэр, чтут его имя. Придет время, и немцы поймут, что первый канцлер ФРГ помогал американским властям расколоть Германию и на долгие годы закрепиться на ее территории, возглавляя союз империалистов – НАТО.

Из соратников Аденауэра советская пропаганда уделяла значительное внимание Якобу Кайзеру. Одно время Кайзер подвизался у руководства Христианско-демократическим союзом в советской зоне оккупации, затем перебежал на запад и в правительстве Аденауэра возглавил министерство, созданное для борьбы против Германской Демократической Республики. Для взглядов Кайзера характерно заявление, сделанное им в Гельмштадте, на границе ГДР и ФРГ. "О единстве Германии можно говорить лишь тогда, когда можно будет свободно проехать в Бреслау и Кенигсберг", - в этих словах Кайзера содержалась идея реванша - скрытая пружина боннской политики.

Под рубрикой "Прислужники империализма" "Советское слово" изобличало многих немецких раскольников. Одной из "жертв" стал

Шланге-Шонинген, директор продовольственного управления Бизонии. Он же монархист, антисемит и реваншист. Мы также наизнанку вывернули прошлое Динкельбаха, руководителя металлургической промышленности в английской зоне. Этот приятель Аденауэра являлся обычным монополистом, вырвавшимся на просторы предпринимательской деятельности.

В том, что немецкая буржуазия всячески поддерживала проимпериалистическую и раскольническую политику Аденауэра, нет ничего необычного. А как на нее реагировал рабочий класс? Ведь в Западной Германии он составлял большинство населения и имел влиятельные профсоюзы и две рабочие партии - социал-демократическую и коммунистическую.

И здесь мы подходим к характеристике третьего (после западных держав и немецких монополий) виновника раскола Германии. Им стала социал-демократическая партия Германия, точнее сказать - ее правое руководство. Линия социал-демократических лидеров – закономерный результат эволюции этой партии.

Когда-то немецкая социал-демократическая партия приняла наследство Союза коммунистов, созданного Марксом и Энгельсом. Партия стояла на платформе классовой борьбы, а в 1870-71 годах выступала в защиту Парижской коммуны. Еще в 1877 году при выборах в рейхстаг за социал-демократических кандидатов голосовало полмиллиона избирателей, а в 1912 году уже четыре с половиной миллиона. Постепенно партия сворачивала с революционного пути на позиции соглашательства с буржуазией.

Первым актом измены национальным интересам явилось голосование социал-демократической фракции рейхстага за кредиты на ведение империалистической войны, развязанной Германией в 1914 году. Только Карл Либкнехт поступил как революционер и отказался поддержать немецких шовинистов и зачинщиков мировой войны.

Вторую измену немецкие социал-демократы совершили после ноябрьской революции 1918 года. Лидер социал-демократов Шейдеман и его соратники силой оружия расправлялись с участниками революционных восстаний. "Социалисты" Шейдеман и Носке позволили реакционерам учинить расправу над Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. С ведома немецких социалистов 5

ноября 1918 года германское правительство порвало дипломатические отношения с Советской Россией.

Третья измена социал-демократов совершилась в 1932-33 годах. Тогда руководство партии отклонило предложения коммунистов о единстве действий и создании единого фронта борьбы против фашизма. По вине социал-демократов немецкий рабочий класс оказался расколотым и не смог противостоять натиску нацизма.

После поражения Германии во второй мировой войне немецкие социал-демократы совершили четвертую измену национальным интересам немецкого народа. По их вине рабочий класс Германии вновь оказался расколотым. Перед лицом величайших трудностей коммунистам и социал-демократам удалось объединиться в советской зоне оккупации. Соглашение было достигнуто в декабре 1945 года, а в начале 1946 года на объединительном съезде родилась Социалистическая Единая партия Германии. Тем самым, хотя бы частично, ликвидирован раскол немецкого рабочего класса.

Западные державы и лидеры социал-демократов не разрешили создавать организации СЕПГ в западных зонах оккупации. В мае 1946 года на съезде в Ганновере немецкую социал-демократическую партию воскресили на прежней раскольничьей идеологической основе.

Газета "Советское слово" много писала о политике немецких социал-демократов. В большой статье "Шейдеман - Носке – Шумахер" раскрывался процесс политического падения лидеров партии. Во всех выступлениях наша пресса не скрывала презрения к социал-предательству. И не только потому, что мы, коммунисты, воспитаны в духе принципиальной враждебности к реформистской идеологии. Возмущало лакейство и дикий антикоммунизм социал-демократических вожаков. Война их ничему не научила, особенно тех, кто в эмиграции был пригрет английским покровительством.

Мы, газетчики, широко использовали арсенал резких выражений в адрес социал-демократов: "Адвокаты капитализма", "Прислужники реакции и демагоги", "Агенты монополистического капитала", "Слуги англо-американских империалистов", "Немецкие квислинги", "Империалистические агенты в рабочем движении", "Ярые враги демократии", "Ганноверская банда шпионов и провокаторов", "Прислужники империалистической реакции" и т.п. Заголовки статей и

заметок отражали общий тон газеты и направление ее удара по немецким раскольникам. Мы не собирались воспитывать или пугать социал-демократов. Мы трудились для советских людей, убеждая их в том, что социал-демократы помогают возрождению германского милитаризма, ведут дело к расколу Германии. А из сказанного следовало, что в советской зоне необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы способствовать дружному сотрудничеству коммунистов и социал-демократов в рамках СЕПГ.

Спорить по теоретическим вопросам с социал-демократами послевоенного образца не имело смысла. Их беспомощность и путаница во взглядах общеизвестны. Теоретики реформистской идеологии после войны взялись за новый пересмотр учения Маркса, утверждая, будто после войны обстановка настолько изменилась, что понятие классовой борьбы устарело и всюду должна торжествовать "демократическая идея свободы".

Лидер послевоенной немецкой социал-демократии Курт Шумахер в вопросах теории слыл полным невеждой. Рост коммунизма он объяснял недостатком питания трудящихся. Изобретатель "желудочного социализма" в своих речах не употреблял слов "классовая борьба", "социализм" и даже слово "товарищ". К марксистам Шумахер себя не причислял. "Импульс самосохранения" - вот его находка по вопросу о движущих силах истории.

Идеализм и поповщина у Шумахера уживались с антикапиталистическими выкриками. 18 июля 1949 года в одном из официальных изданий правления СДПГ Шумахер писал: "СДПГ выступает за коммунальную школу с обязательным преподаванием закона божьего". Так мог выразиться только церковник.

Идеология шумахеровцев отразилась и в словах социал-демократа Фрица Тарнова, руководителя западноберлинских профсоюзов. Он откровенно заявил, что социал-демократы - "врачи капитализма". Вряд ли можно придумать более подходящие слова для характеристики политических взглядов социал-демократов. Они действительно врачевали капитализм, а не боролись с ним.

Взгляды шумахеровцев правильно характеризовал бывший социал-демократ Отто Гротеволь. "Теоретические вожди шумахеровской партии, - говорил он, - окончательно скатились с высот

научных знаний марксизма и все глубже погрязают в буржуазной вульгарной науке".

Недооценивать теоретические измышления послевоенных опровергателей марксизма было нельзя. Безграмотные выводы о прекращении в побежденной Германии классовой борьбы составляли основу раскольнической программы социал-демократов. Они резко отрицательно относились к преобразованиям в советской зоне оккупации, а план Маршалла расценивали как благо для немцев.

Некоторые товарищи считали, что Шумахер оказался на всю жизнь обиженным русской пулей, серьезно тронувшей его в конце Первой мировой войны. Но вряд ли антисоветизм Шумахера можно объяснять обычным явлением на войне. Его злобный антикоммунизм объяснялся идеологической позицией, отношением к революционному марксизму. Руководитель немецких социал-демократов являлся последовательным сторонником американской политики в Европе.

Свою линию шумахеровцы прикрывали демократическими вывертами. Нам, мол, нужно получать продовольствие по плану Маршалла, а идеи сами социал-демократы могут вывозить за границу. И, конечно же, полуголодный немец кричал "хох" после таких и подобных демагогических слов Шумахера. Получив продовольственные подачки из Соединенных Штатов Америки, социал-демократы вместе с коллегами из буржуазных партий попали в политическую кабалу к империализму и стали ярыми сторонниками раскола своей страны. Они явились соавторами конституции сепаратного боннского государства. Они отвергали все предложения коммунистов, направленные к единству страны. Ни кто иной как Шумахер заявил следующее: "Кто будет сотрудничать с Национальным фронтом, того тотчас же вышибем из партии".

Шумахер часто повторял, что не проводил и не будет проводить совместных действий с коммунистами. Широко известна его непримиримая борьба против объединения в советской зоне социал-демократов и коммунистов. Газета "Нойес Дойчланд" 29 июня 1946 года писала так: "95 процентов речей Шумахера направлены против СЕПГ, КПГ и Советской Военной Администрации, 4 - против остальных оккупационных властей, и один процент посвящен собственным задачам".

Шумахер имел значительную общественную опору и тем самым был опасен. Он вел за собой группу правых руководителей социал-демократии. Многие рядовые социал-демократы, так и не усвоившие уроков истории, поддерживали политику шумахеровской компании, в трудных послевоенных условиях не желая думать о коренной ломке социальных отношений.

19 октября 1947 года, выступая в Чикаго, он заверял, что использует все возможности в борьбе против проникновения коммунизма в западные зоны. Американские реакционеры аплодировали таким словам. При поездке в Англию Шумахер своими выступлениями устраивал и лейбористов, и английского короля, и Черчилля - все они приветствовали "первого посла новой Германии".

На позициях реформизма и прислужничества монополиям стоял Эрих Олленхауэн, ставший председателем правления СДПГ. В годы войны он возглавлял объединение немецких эмигрантов в Англии и честно отрабатывал данные ему фунты стерлингов.

В газете мы разделали под орех и Фрица Гейне, ближайшего соратника Шумахера. Обвинялся в связях с нацистами и руководящий работник СДПГ Копф. Досталось теоретику социал-демократии Карлу Шмидту и другим.

В конце 1946 года советские оккупационные власти арестовали Вильгельма Лоренца, члена правления СДПГ, в прошлом руководителя берлинской организации социал-демократов. Мы опубликовали показания Лоренца на суде и прокомментировали их в передовой статье. Лоренц изобличал антисоветскую деятельность шумахеровского руководства партии, связь его с англо-американскими разведывательными органами, рассказывал о темных источниках финансирования партии.

Чаще всего перо советских журналистов направлялось против западноберлинских шумахеровцев. Наши политические враги, окопавшись в Западном Берлине, вели открытое наступление на Советский Союз. В первом эшелоне реакционных сил дрались против нас вожаки берлинской социал-демократии. Они обладали материальными средствами для идеологической борьбы и пользовались вниманием западных оккупационных властей.

Одно время в качестве руководителя берлинских социал-демократов подвизался Франц Нейман. В статье "Вожак берлинских погромщиков" газета дала аттестацию Нейману. Погромщиком его назвали потому, что антисоветские выпады являлись основным содержанием всех речей этого "социалиста". В день 100-летия революции 1848 года по инициативе Неймана и при поддержке представителей буржуазных партий Кайзера и Швеннике состоялся митинг на площади у здания рейхстага. Нейману аплодировали, когда он говорил о восстановлении границ Германии, когда изрыгал потоки антисоветской брани. Аплодировала собравшаяся толпа торговцев и предпринимателей, спекулянтов и всякого рода провокаторов.

Какое нелепое повторение событий: в 1848 году прусский генерал Нейман расправлялся с восставшим народом, а 100 лет спустя социал-демократический лидер с той же фамилией воспевал силу американского и английского оружия. Два разных Неймана, в разное время, каждый по своему тянули Германию назад, а не вперед.

Митинг социал-демократов 9 сентября 1949 года явился не только антисоветской демонстрацией. Хулиганствующие элементы у Бранденбургских ворот пустили в ход кулаки. Советским властям пришлось арестовать несколько бесчинствующих молодчиков, а по приговору Военного трибунала СВАГ они получили по 8 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Около года длилось дело берлинского социал-демократа Сволинского, одного из соратников Шумахера. Прогрессивная печать обнародовала неопровержимые данные о том, что Сволинский нажил при гитлеризме изрядный капитал, нажил нечестным путем, используя фашистский закон о конфискации имущества евреев. Этот выкормыш фашизма выступал как ярый антисоветчик и открытый враг всего прогрессивного, что делилось в советской зоне. В конце концов, Сволинский скрылся в Западной Германии.

Особую неприязнь мы питали к Рейтеру. Западные власти усиленно проталкивали его на пост обер-бургомистра Берлина, но советская сторона категорически отвергала эту кандидатуру. В статье "Фашистский последыш Рейтер" рисовалось политическое лицо этого "турка", в годы войны находившегося под покровительством гитлеровского посольства в Турции. Впоследствии Рейтер стал обер-

бургомистром Западного Берлина и вместе с Нейманом командовал действиями раскольников. Мы назвали "берлинским шакалом" этого, по его собственному признанию, любителя речей Черчилля.

Ревностный прислужник реакции, Рейтер в марте 1949 года совершил поездку по Соединенным Штатам. На курорте Мариэтта он объяснил корреспондентам, что с радостью приехал в это местечко, чтобы ознакомиться с родиной генерала Клея. Газета "Нойес Дойчланд" по этому поводу выразила пожелание, чтобы генерал Клей, когда поедет из Германии на свою родину, захватил бы с собой и Рейтера. Наша газета сообщила читателям о пожелании немецкой газеты.

Припеваючи жил Отто Зур, один из берлинских руководителей социал-демократии. Его должность председателя берлинского городского собрания депутатов давала возможность часто взбираться на ораторскую трибуну и произносить речи. Антисоветчика Зура мы называли "фашистским пропагандистом". По словесному оформлению речей Зур являлся волком в овечьей шкуре.

В Берлине подвизались наиболее опытные и непримиримые антикоммунисты из шумахеровского окружения. Большинства из них уже нет на земле, но об их неприглядных делах записано в летописи германской истории.

Среди немецких раскольников стоит упомянуть редактора газеты "Дер социал-демократ" Франца Тауша. Этот деятель с темной биографией призывал читателей решить берлинский вопрос путем вторжения англо-американских войск в советскую зону оккупации. Любителя военных доходов немецкая прогрессивная общественность занесла в список поджигателей войны.

Тауш и редактируемая им газета чаще других оскорбляли Советскую Военную Администрацию. Рядом с Таушем в списке поджигателей войны разместились его друзья по партии, проводившие подрывную антисоветскую деятельность под вывеской "восточного бюро". Существовала такая организация в рамках социал-демократической партии, проводившая диверсии в советской зоне оккупации.

Может создаться впечатление, будто советская газета в Берлине ограничивалась только ругательствами в адрес раскольников: наймиты

и слуги империализма, лакеи буржуазия, реакционеры, демагоги и т.п. Нет, мы пытались раскрыть советским читателям содержание реформизма. Мировоззрение социал-демократов критиковалось в статье М.Розенталя "Философия современных социал-предателей". В статьях об уроках германской революций 1918 года обосновывался вывод о политическом падении немецкой социал-демократии после этой революции. Экономические взгляды социал-демократов раскрывались в убедительной и сравнительно спокойной статье, опубликованной 26 апреля 1948 года.

Газета обстоятельно разобрала взгляды сторонников так называемого "свободного социализма". Автор статьи писал о бессмысленности идеи "коллективизации" частных предпринимателей, выдвинутой социал-демократами. Подвергся резкой, но доказательной критике лозунг социал-демократа Вейсера: "Дайте нам власть, и мы парламентским путем введем социализм". Это был демагогический лозунг, рассчитанный на ловлю голосов избирателей. Вслед за английскими лейбористами, немецкие социал-демократы были не прочь завоевать парламент, но никакого социализма вводить не собирались - ни "свободного", ни "демократического".

Советские люди были последовательными сторонниками единства немецкого рабочего класса, а социал-демократы в 1947 году засыпали Берлин листовками с призывом бороться против такого единства. Было невозможно спокойно относиться к раскольнической политике лидеров социал-демократии.

Летом 1947 года СДПГ провела свой Нюрнбергский съезд. Речи Шумахера и его сподвижников по партии содержали резкие выпады против СЕПГ и Советского Союза. Как писала "Берлинер цайтунг", съезд в Нюрнберге "по остроте и уровню нападок на коммунизм и Советский Союз нисколько не уступает партсъезду нацистов в 1937 году".

Мы, советские журналисты, не сравнивали социал-демократов с фашистами, такое сравнение являлось бы передержкой. Но мы писали резко, потому что социал-демократические вожди вели Германию к расколу, а ее западные зоны - в лагерь империалистической реакции.

Социал-демократов критиковали, между прочим, и представители христианской партии. Никто иной, а Эрхард, будущий

канцлер ФРГ после Аденауэра, заявил: "Социал-демократическая партия является большим театром марионеток, в котором наверху дергают за веревку, а внизу танцуют куклы".

Критикуя лидеров СДПГ сороковых годов, мы уже видели, что у немецкой социал-демократии есть путь, ведущий к претворению в жизнь идеалов социализма. На этот путь встали такие бывшие лидеры социал-демократии, как Гротеволь, Эберт и другие. Вместе с Пиком, Ульбрихтом и другими коммунистами они возглавили Социалистическую Единую партию Германии и взяли курс на строительство в Германии общества без капиталистов и помещиков.

К оглавлению

Новая Германия

Против раскольнических действий западных держав и их пособников из партий Аденауэра и Шумахера поднимались общественные силы в советской зоне. По инициативе Социалистической Единой партии Германии в декабре 1947 года был созван Народный конгресс. На нем присутствовало 2000 делегатов, в том числе 664 делегата из Западной Германии.

Представительный Народный конгресс принял Обращение к проходившей в Лондоне сессии Совета министров иностранных дел четырех оккупирующих держав, обсуждавших германскую проблему. Но представители США, Великобритания и Франция отказались принять делегацию Народного конгресса и обсуждать его предложение о создании единого немецкого государства.

На страницах "Советского слова" публиковались заметки с заседаний Народного конгресса, а из Лондона наш собкор регулярно информировал читателей о дебатах по германскому вопросу. Во что выльются лондонские переговоры, как понимать новые явления в советской зоне, какую позицию занимать в отношении процессов в Западной Германии - все это имело жизненно важное значение для советских людей, посланных в Германию, а следовательно - для наших читателей.

Становилось очевидным большое значение такой формы борьбы за единство Германии, как Народный конгресс. Его вторая сессия открылась 18 марта 1948 года в берлинском оперном театре. Делегаты конгресса во главе 180-тысячной демонстрации, несмотря на дождливую погоду, пришли на Жандармен-маркт. Сто лет назад здесь, на площади, стояли гробы с телами убитых жандармами берлинцев, а сегодня люди требовали создания единого германского государства.

Среди демонстрантов юноша нес плакат со словами: "К черту американские подачки, построим жизнь собственными руками". Лозунг замечательно выражал стремление трудящихся создать новую Германию, независимую от США и демократическую в своей основе.

На первомайской демонстрации 1948 года с гостевых трибун нетрудно было заметить, что большинство лозунгов призывало немцев к единству страны. Западная реакция замалчивала требования

трудящихся советской зоны и продолжала курс на раскол страны. Народный Совет мог стать общегерманским парламентом, но боннские раскольники не допустили такого развития событий.

На второй сессии Народного конгресса делегаты приняли очень важное решение. Они избрали Народный Совет из 400 человек, среди которых сто представляли интересы трудящихся Западной Германии.

Наш корреспондент беседовал с делегатом конгресса, присланным рабочими Рура. Он прибыл в Берлин нелегально, поскольку противники объединения Германии запретили общение с демократическими силами советской зоны.

В июне 1948 года в Берлине Народный Совет высказался за проведение на всей территории Германии референдума по вопросу о единстве страны. Западные державы отвергли это предложение, они запретили даже опрос населения о референдуме. Более того, в дни опроса они объявили о сепаратной денежной реформе и отвлекли внимание немцев от борьбы за решение коренной проблемы политики - объединения Германии в единое государство. Раскол страны углублялся, а шансы на единство Германии уменьшались.

Все же шансы имелись. Третий Народный конгресс, состоявшийся в мае 1949 года, собрал 1400 делегатов из советской зоны и 616 делегатов из западных зон. В советской зоне списки делегатов на Конгресс утверждались тайным голосованием. За списки высказались 66,1 процента участвовавших в выборах, а в советском секторе Берлина 58,1 процента. Из приведенных цифр следует, что за единство страны в советской зоне выступало большинство населения, но и противников единства было немало. На западе Германии соотношение политических сил было еще менее благоприятным для сторонников единства.

В 1949 году, до октября, в советской зоне продолжались митинги и собрания, требовавшие создать в Берлине общегерманского правительства. В Лейпциге 2 октября 1949 года на митинге участвовало 40 тысяч человек. Они горячо поддерживали ораторов осуждавших сепаратные действия боннских раскольников и требовавших единства Германии. После митинга, у "костра мира", была принята резолюция с требованием создания общегерманского правительства.

В эти же дня в западных зонах оккупации немецкая буржуазия дорвалась до власти и при поддержке США и их союзников принялась хозяйничать. Такому ходу событий способствовала соглашательская политика социал-демократических лидеров. Многие деморализованные немцы сравнительно легко поддавались американизированной пропаганде.

Недовольство существующим положением и деморализация имели место и в советской зоне. Об этом свидетельствуют приведенные выше итоги выборов делегатов в Народный конгресс. В моем редакторском дневнике имеется запись, сделанная на совещании у Политсоветника СВАГ. Товарищ, ведущий устную пропаганду среди местного населения, о настроениях немцев выразился так: "у среднего немца нет никакой перспективы". Да, немцам жилось тяжело во всех отношениях. И хотя благоприятная перспектива вырисовывалась, все же значительная часть населения мрачно смотрела на свое будущее.

Что делать в такой ситуации? В большой редакционной статье, написанной в руководящих органах СВАГ, советские люди ориентировались на упрочение немецких органов самоуправления и органов контроля. Нельзя было безучастно смотреть на процесс создания буржуазного государства в Западной Германии. На каждый тайный и явный ход боннских раскольников следовали ответные меры в советской зоне оккупации. Процесс борьбы за новую Германию превратился в острую политическую схватку, вызвал открытое размежевание борющихся сил и в своей высшей фазе привел к образованию двух немецких государств. Советские люди, работавшие в Германии, не оставались в качестве немых свидетелей происходящих событий, а принимали активное участие в этой борьбе.

Через два года после Дня Победы в советской зоне оккупации действовали местные выборные органы власти: общинные представительства, крейстаги в районе и ландтаги - в землях. Взять, к примеру, состав ландтага земли Бранденбург. Из 99 его депутатов 44 являлись членами Социалистической Единой партии Германии, 31 - членами Христианско-демократического союза, 20 – членами. Либерально-демократической партии и 4 депутата от комитетов крестьянской взаимопомощи. Структура местных выборных органов осталась традиционной и столь устойчивой, что в 1947 году Дрезден

отмечал 110-летие саксонского парламента. Что касается состава выборных представителей, то среди них, если говорить о советской зоне, не нашлось места нацистским последышам, и ведущее положение заняли представители партии рабочего класса. Выборные органы на местах формировали исполнительные органы. В землях они назывались правительствами - со своими премьер-министром, министрами и министерствами (Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия, Бранденбург и Мекленбург). Государство и его машина создавались, таким образом, снизу.

Назревала необходимость создания зональных органов власти. Проходившее на рубеже 1947-1949 годов лондонское совещание министров иностранных дел оставляло мало надежд на объединение Германии. В западных зонах форсировалось создание сепаратного государства. Советский Союз не мог затягивать оккупацию, а немецкая нация не могла существовать без государства, без центральной власти.

В Западной Германии уже функционировал Экономический совет, имевший большие права. Власти в советской зоне оккупации были поставлены перед необходимостью образования зональных органов управления, и вслед за созданием в западных зонах Экономического совета, появилась Немецкая Экономическая Комиссия (НЭК) в советской зоне.

Даже в такой ситуации, в середине 1947 года премьер-министры земель советской зоны обратились в Контрольный Совет с просьбой незамедлительно разрешить создание центральных общегерманских управлений по финансам, промышленности и транспорту, сельскому хозяйству, торговле и других управлений. Заявление премьер-министров публиковалось в "Советском слове".

В Контрольном Совете представитель США отклонил предложение немецких земельных руководителей, наложив свое излюбленное "вето".

Как происходящее объяснить читателям? Нетрудно было видеть, что рождались два немецких государства с различной социальной системой. На востоке Германии лишились собственности монополисты, крупные промышленники, банкиры, юнкеры, а их богатства перешли в народную собственность. На западе Германии у руля экономической и политической власти вновь закрепился класс

буржуазии. О последствиях такого положения глубоко и убедительно рассказывалось в статье за подписью "Д-р Ц", полученной для "Советского слова" в аппарате Политсоветника СВАГ.

"Советское слово" разъяснило читателям цели Немецкой Экономической Комиссии. В интервью с председателем НЭК Генрихом Рау рассказывалось о ее структуре и руководителях главных управлений. Таких управлений насчитывалось 17, и каждое ведало отдельными отраслями народного хозяйства. В ведение НЭК передавались 1800 крупных народных предприятий. На НЭК возлагалось руководство производством и распределением промышленной продукции зоны, а также выполнение заданий по репарациям. НЭК нельзя считать правительством, но она составляла как бы каркас нового государственного механизма по управлению народным хозяйством.

К руководству НЭК пришли кадры из рабочих. Среди членов секретариата НЭК, начальников главных управлений и отделов 78 человек были из числа передовых рабочих. С фабрик и заводов в правительственные органы земель пришли 2800 руководителей местных органов власти. Не приходилось удивляться бюрократизму в некоторых звеньях этих органов, перешедшему от старой государственной системы. По праву гарантов демократического режима зоны и от имени СВАГ в газете мы подвергли критике Главное управление торговли и снабжения Немецкой Экономической Комиссии. Управление захлестнул бумажный поток – получали с мест до двух тысяч отчетов с сотней тысяч цифровых показателей. Компетентный советский автор статьи утверждал, что отчеты не анализировались, а иногда даже не читались.

Новая Германия создавала новую государственную машину. Необходимые условия для успешного речения важнейшей части социалистических преобразований в зоне имелись. Поскольку немецкие административные органы действовали под контролем соответствующих органов СВАГ. Позднее созрели условия для ликвидации двойного управления и перехода в немецкие руки всей полноты власти, снизу доверху.

Исключительно важное значение имело создание новых органов полиции на местах, а затем и в масштабе зоны. После разгрома

гитлеровского рейха полиция разбежалась, либо подверглась репрессии за злодеяния. В разрушенных городах в последние дни войны царил хаос, росло количество преступлений, беспорядочно работал транспорт. Без стражей порядка обойтись было невозможно. И, пожалуй, наиболее трудной задачей советских комендантов в городах явился подбор руководителей народной полиции и полицейских.

Наш корреспондент в Дрездене посетил президента народной полиции Макса Опитца. В мае 1945 года его освободили из концлагеря, и он с энергией истосковавшегося по труду человека взялся за дело. К сентябрю 1948 года в дрезденской полиции трудились люди, среди которых не было ни одного бывшего фашиста. Кроме того, на улицах Дрездена можно было увидеть лиц в гражданских костюмах с повязками на руках. Это были активисты народной полиции, своего рода дружинники. Около четверти сотрудников полиции - женщины. В музее управления дрезденской полиции по фотографиям и диаграммам можно было видеть, как быстро налаживался порядок в городе, и как снижалось количество преступлений.

Западная пропаганда распространяла всяческую ложь о народной полиции. Делалось это с целью прикрыть антинародный характер полиции в западных зонах, где она играла роль сторожевого пса у капиталистов и юнкеров, как и при Гитлере. В советской зоне был сломан старый полицейский аппарат, а народная полиция создавалась для защиты демократических преобразований и становилась оплотом нового демократического порядка.

Опыт строительства новой Германии в первые послевоенные годы показал, что демократические силы обязаны уметь защищаться от наскоков реакции. Следует отдать должное автору руководящей статьи, опубликованной в "Советском слове" 23 августа 1948 года. В ней обосновывалась закономерность создания народной полиции в условиях обострения классовой борьбы.

Развитие демократии в советской зоне оккупации привело к рождению новых государственных органов, немыслимых при буржуазном строе. К ним относились группы народного контроля, возникшие в конце 1947 года на предприятиях и в учреждениях. В мае

1948 года при Немецкой Экономической Комиссии была создана Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) и контрольные комиссии в землях.

Народный контроль за деятельностью местных органов управления принес большую пользу. Так, 780 комиссий народного контроля в земле Мекленбург изъяли у спекулянтов товаров на сумму около полутора миллионов марок. Конфискованное комиссиями дефицитное сырье и продовольствие передавались местным органам снабжения. Комиссии накладывали на виновных штрафы и принимали другие меры воздействия. ЦКК при первых же своих обследованиях вскрыла крупную аферу в текстильной промышленности района Глаухау-Мееране. Частные предприниматели саботировали здесь развитие промышленности, злоупотребляли при использовании сырья и распределении готовой продукции.

Потребность создания самостоятельного немецкого государства и центрального правительства в зоне назрела. В этот момент западная пропаганда обрушила волну клеветы на прогрессивных деятелей советской зоны. Да и в самой зоне поднимали голову темные силы прошлого, на время замолкшие, а теперь открыто выстлавшие против антифашистско-демократических преобразований.

В октябре 1949 года "Советское слово" на целую страницу опубликовало уже упоминавшуюся статью за подписью "Д-р Ц", полученную нами в руководящих органах СВАГ. В статье говорилось о поворотном моменте в истории Германии, отмечался факт обострения классовой борьбы. Автор призывал читателей не почивать на лаврах, энергично вести дело к завершению демократизации в зоне, не пытаясь перепрыгнуть через ступени исторического развития. Создание демократического немецкого управления делами зоны - такова была главная задача момента.

Для создания немецкого демократического государства требовался определенный перелом в сознании немцев, освобождение его от милитаристских взглядов. Такой перелом происходил.

Мне удалось побывать в районе Зееловских высот, где в 1945 году особенно сильно бушевал огонь войны. Мирный пейзаж - зеленые холмы и тихие деревни на израненной земле. В одной из деревень состоялся разговор с крестьянином Эдуардом Рейцом, переселенцем из

Данцига. Вот что он сказал в беседе с советскими офицерами-журналистами:

- Я бы с теми, кто войны желает, знаете как поступил? На минные поля выгнал бы, честное слово. Вот так бы взял, да и выгнал. У нас, может слыхали, еще земля под минами - не то триста, не то четыреста гектаров...

Для большинства немцев, проживавших в зоне, антивоенные настроения являлись характерными, а идея мира прочно закреплялась их сознании. Обиженные, озлобленные люди из среды неразоблаченных нацистских преступников могли, конечно, бредить о новых маршах на Восток, но только втайне.

Рождение Германской Демократической Республики происходило на мирной основе и с мирными намерениями. Новая Германия рождалась как дружественное Советскому Союзу государство, иначе не имели смысла усилия советских оккупационных властей.

Радовало отношение немцев к такой дате как 30-летие Великое Октябрьской социалистической революции. Прогрессивная печать посвятила свои страницы этой дате, отмечая успехи страны социализма. Состоялись возложения венков на могилы погибших советских воинов. Немецкие делегации для поздравления с праздником посетили руководителей СВАГ. От немцев шли приветственные письма. В Берлине я и землях руководители СВАГ провели торжественные заседания с участием прогрессивных немецких деятелей.

Очень важным документом явилось решение пленума ЦК СЕПГ от 14 октября 1949 года, выдвинувшего программу Национального фронта демократической Германии, потребовав ликвидации трехзонльного сепаратного государства в Западной Германии. Мы полностью напечатали заявление Политбюро СЕПГ, в котором указывалось, что создание марионеточного правительства в Бонне является изменой Родине со стороны немецких реакционных политиков. Советские люди могли прочитать в нашей газете перевод статьи из газеты "Нойес Дойчланд" о задачах общегерманского правительства. Но на западе, к сожалению, взяли верх раскольники.

Настал исторический день в развитии послевоенной Германии - 7 октября 1949 года. Мы тщательно готовили передовую статью

"Советского слова". Она посвящалась открывающейся 7 октября сессии Немецкого Народного Совета, на которой мне довелось присутствовать. Помню, на сцене небольшого зала, где происходила девятая по счету сессия Народного Совета, висел лозунг "Да здравствует Национальный фронт демократической Германии!" На противоположной стене зала - второй лозунг: "Только общегерманское правительство преодолеет национальное бедствие".

Первым документом, принятым сессией, явился Манифест Национального фронта демократической Германии. В Манифесте выдвигалась задача восстановления политического экономического единства страны. Мы опубликовали полный текст Манифеста, а также выступления на сессии немецких политических деятелей.

По вопросу о политическом положении на сессии выступил Вильгельм Пик, председатель Социалистической Единой партии Германии. По его докладу сессия единодушно приняла важнейшее решение: "Немецкий Народный Совет провозглашает себя Временной Народной палатой в духе принятой им 19 марта 1949 года и утвержденной третьим Немецким Народным конгрессом 30 мая 1949 года конституции Германской Демократической Республики".

Конституция от 30 мая разрабатывалась для общегерманского государства, но боннские сепаратисты ее отвергли.

Депутаты Временной Народной Палаты 7 октября 1949 года, как и присутствующие гости, стоя, долго и бурно аплодировали в честь провозглашенной Германской Демократической Республики.

В тот же день на заседании палаты Вильгельм Пик благодарил Советский Союз за большую помощь демократическим силам Германии. Бурной овацией депутаты Временной Народной Палаты встретили заключительные слова Иоганнеса Дикмана, возглавившего президиум палаты. Он благодарил Советский Союз за то, что немецкий народ в восточной зоне оккупации получил возможность взять управление государственными делами в свои руки. "9-я сессия Народного Совета показала, как вырос в глазах немецкого народа авторитет нашей Родины - великого Советского Союза" - писали мы в передовой статье, посвященное образованию ГДР.

События развивались быстро. О решениях Ненецкого Народного Совета 8 октября Иоганнес Дикман сообщил Главноначальствующему

СВАГ генералу армии В.И.Чуйкову. 10 октября состоялось наиболее волнующее событие тех дней. В Карлсхорсте В.И.Чуйков принял членов Президиума Временной Народной Палаты ГДР, а также Отто Гротеволя, которому Палата поручила сформировать правительство. После кратких заявлений Дикмана и Гротеволя Главноначальствующий СВАГ зачитал Заявление, в котором сообщалось, что "Советское правительство решило передать Временному Правительству Германской Демократической Республики функции управления, принадлежавшие до сего времени Советской Военной Администрации".

Смотрю на фотографии, отразившие момент зачтения Заявления В.И.Чуйковым, и пытаюсь вспомнить о переживаниях в те минуты. Кинооператоры и фотографы зафиксировали на пленке исторический момент в советско-германских отношениях. А в моих дневниках ничего не записано. Так случилось, вероятно, потому, что в те дни редакция работала дни и ночи, а наши мысли и эмоции отражались на страницах "Советского слова".

Навсегда осталось в памяти совместное заседание Временной Народной Палаты и Временной Палаты земель ГДР 11 октября 1949 года под председательством Иоганнеса Дикмана. Руководитель Христианско-демократического союза Отто Нушке называет имя Вильгельма Пика кандидатом в президенты ГДР. Овация в адрес старейшего коммунистического деятеля Германии, славного борца за дело народа. Все встают, раздаются традиционные возгласы "Хох!". Вильгельм Пик единогласно избирается Президентом ГДР. Благодарственная речь первого президента новой Германии заканчивалась словами: "Да здравствует Германия, немецкий народ, его национальное единство, его демократия, его экономический, политический и культурный подъем, дружба с Советским Союзом и со всеми миролюбивыми народами! Да здравствует Германская Демократическая Республика!"

Невозможно забыть миллионную демонстрацию в день президентских выборов. Вечером 11 октября 1949 года, машина, в которой ехал Пик, с трудом пробивалась через людское море на Лейпцигерштрассе. Мы, советские журналисты, запертые в потоке

демонстрантов, некоторое время находились как бы в плену торжествующего народа.

Необычным представлялся момент, когда Вильгельм Пик при выходе из здания Народной Палаты принимал рапорт почетного караула народной полиции (к тому моменту ГДР не имела армии).

Образование ГДР завершилось 12 октября, когда Временная Народная Палата утвердила состав правительства во главе с Отто Гротеволем и его заместителями Ульбрихтом, Кастнером и Нушке, когда депутаты Палаты одобрили правительственное заявление. Программу правительства, выступления депутатов, состав первого правительства ГДР, портреты премьера и его заместителей мы опубликовали в "Советском слове".

Оценку событий, связанных с образованием ГДР, 13 октября 1949 года дал И.В.Сталин в приветствии на имя Пика я Гротеволя. В этом документе образование немецкого рабоче-крестьянского государства расценивалось как поворотный пункт в истории Европы, как фактор упрочения и сохранения мира на европейском континенте.

Начался период укрепления самостоятельности ГДР. В мае 1953 года была ликвидирована Советская Контрольная Комиссия, а ее функции передавались Верховному комиссару СССР в Германии. В сентябре 1955 года договор между СССР и ГДР устранял последние остатки отношений периода оккупации. Наконец, 12 июня 1964 года был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между СССР и ГДР. Германская Демократическая Республика стала полностью самостоятельным государством.

Немецкие историки-марксисты оценивают события с мая 1945 года по октябрь 1949 года как период антифашистско-демократической революция в восточной части Германии. Действительно, в советской зоне к власти пришел рабочий класс во главе с марксистско-ленинской партией. Мирным путем эксплуататорские классы были устранены с политической арены и лишены экономической опоры. Создана государственная машина, действующая в интересах трудящихся.

Спрашивается, однако, из рук какого класса власть перешла к немецкому рабочему классу, к тому же лишь на одной трети территории Германии? Она перешла из рук социалистического государства, волею советского народа-победителя, полностью

уничтожившего нацистское государство. Переход занял более четырех лет.

В советской зоне оккупации никакой революции в научном ее понимании, не происходило. Осуществлялись коренные преобразования всей жизни в зоне, носившие антифашистский и демократический характер, переросшие, в конце концов, в преобразования социалистического типа. Такая трактовка событий исключает явную недооценку деятельности СВАГ, допущенную в трудах таких, например, немецких историков, как Гюнтер Беснер и С.Дёренберг.

Указанные авторы изображают ход послевоенных событий по старой революционной схеме: рабочий класс зоны во главе с СЕПГ совершил революцию, а Советский Союз и его СВАГ помогали ликвидировать голод, пустить в ход расшатанный механизм хозяйства, провести первый весенний сев, открыть школы и университеты. Но, ведь, подобное делали и западные оккупационные державы!

Превращать социалистический Советский Союз в обычного помощника немецких прогрессивных организаций в советской зоне оккупации неправильно по-существу. Это не дает объяснения противоположному характеру событий в западных зонах.

Историк Гюнтер Беснер в большой статье, опубликованной в газете "Нойес Дойчланд" за 16 марта 1969 года договорился до того, будто Социалистической Единой партии Германии удалось самостоятельно изолировать империалистические силы и даже их разбить. Между тем, благоприятные внешние условия рождения Германской Демократической Республики создавались целиком усилиями Советского Союза, при поддержке прогрессивной общественности новой Германии.

Сказанное ни в коем случае не принижает роль СЕПГ в антифашистско-демократических преобразованиях. Опираясь на поддержку Советского Союза, СЕПГ укрепляла свои ряды и в определенный момент смогла взять в свои руки судьбу народа. Но даже после создания ГДР требовалась помощь советского социалистического государства.

Реакционеры из западного лагеря извращали события в ГДР, пытаясь дискредитировать идею социализма. Изгнанные из зоны

реакционные лидеры на задворках страны предавали анафеме не только коммунистов, но и своих бывших коллег из буржуазных партий. Агенты монополий пытались опорочить идею планирования и централизованного руководства народным хозяйством и культурой. Они кричали о "советизации" ГДР. Но советский опыт социалистического строительства не оказался чуждым немецкому демократическому государству. Наоборот, бескорыстно передаваемый советскими людьми опыт СССР привел его к великим достижениям.

Борьба империалистических держав против ГДР имела определенную цель - закрепить раскол страны, не дать организоваться прогрессивным силам в Западной Германии, сохранить там милитаристские порядки. Этой цели империализм добился. Но реакционеры всех мастей не смогли поглотить или сокрушить Германскую Демократическую Республику. Она, правда, не стала общегерманской Республикой, но стала прообразом новой Германии, социалистической и миролюбивой. В фундаменте ГДР имеются прочные железобетонные блоки, заложенные советскими людьми, посланными в свое время в Германию для выполнения патриотического и интернационального долга.

К оглавлению

В обстановке "холодной войны"

В сентябре 1947 года редакция нашей газеты послала специального корреспондента в Нюрнберг, где проходил судебный процесс над директорами концерна "И.Г.Фарбен индустри". Если в 1946 роду поездки в Нюрнберг совершались свободно, то на этот раз многое обстояло иначе. Корреспондентскую машину забросали антисоветскими листовками. Какие-то политические хулиганы преследовали машину, выкрикивая враждебные лозунги, а то и просто обыкновенную ругань. Наш работник все же попал в Нюрнберг, но с большими неприятностями.

Неприятности с редакционной машиной, в сущности, пустяк, если его оценивать изолированно от событий в Контрольном Совете, от деятельности СВАГ в целом, от борьбы двух направлений в

политике по германскому вопросу. Приведенный факт свидетельствовал: в Германий наступала пора напряженных отношений между оккупирующими державами.

В 1947 году еще не было в ходу понятие "холодная война", и в пропаганду стало входить понятие "психологическая война". Источником той и другой "войн" принято считать речь Черчилля в американском городе Фултон 5 марта 1946 года. В 1947 году тот же Черчилль выдвинул план создания западноевропейского союза против СССР. Та и другая инициативы Черчилля выражали затаенную мечту империалистов всего мира о создании единого антисоветского фронта. Советские люди, работавшие тогда в Германии, почувствовали первую волну "холодной войны".

В те годы Советский Союз находился в ореоле славы и господа империалисты не решались на прямые атаки складывающегося социалистического лагеря. Не решались, даже имея монополию на атомное оружие. Поэтому западные страны развернули "психологическую войну", вернее сказать, идеологическое наступление против социализма и всех сил прогресса. С помощью печати, кино, радио и других средств пропаганды западные державы стремились воздействовать на сознание немцев, обработать их умы в антисоветском духе.

К 1947 году относится создание мощного радиопередатчика "Свободная Европа". Антисоветский пропагандистский центр около Мюнхена создавался по приказу Клея, входившего в покровительственный комитет "Свободной Европы". В том же году произошла схватка за обладание берлинским радиодомом, о чем мы неоднократно рассказывали читателям. В Западном Берлине, где размещался радиодом, в конце концов, обосновался центр злобной антикоммунистической пропаганды.

"Психологическую войну" направлял генерал Клей, глава американских оккупационных властей. В Контрольном Совете, как уже говорилось, он вел себя прилично. А на пресс-конференции в конце 1947 года заявил прямо: буду вести войну с коммунизмом, сняв лайковые перчатки. Печать немецких раскольников подхватила крылатую фразу Клея и слова "долой лайковые перчатки" замелькали на газетных страницах.

Идея борьбы против коммунизма в любой форме, в том числе и "сняв лайковые перчатки", вряд ли принадлежит Клею. Скорее всего, выражение родилось вместе с жандармскими функциями американского империализма. И что интересно, выражение оказалось весьма живучим. В начале 1982 года, когда в США поднялась антисоветская и антипольская шумиха, журнал "Ю.С. Ньюс энд Уорлд рипорт" дал статью под заголовком "Вашингтон снимает перчатки". В "холодной войне" можно обойтись и без перчаток, об этом было известно и при Клее, а вот боксировать без перчаток - смертельно опасно. Ведь и противник будет наносить удары, которые не смягчены.

Если американская линия в германском вопросе сдержанно критиковалась в официальных документах СВАГ, то журналисты ограничивали себя в критике Клея лишь рамками приличия. Мы не щадили имя Люциуса Клея и назвали его антикоммунистом №1.

Может показаться крикливым заголовок статьи "Генерал Клей распоясался", но в нем выражалось негодование советских людей антикоммунистической и антисоветской политикой американского администратора. Мы не насаждали антиамериканские настроения, а защищали справедливую советскую политику в германском вопросе.

Советских людей возмущала политика ремилитаризации Западной Германии. В памяти еще свежи были бои с вермахтом, а мы уже наблюдали возрождение немецкого милитаризма на западе Германии. Как выразился один американский обозреватель, сильная воинственная Германия - это пистолет, направленный в русское сердце. Именно антисоветские цели преследовала политика ремилитаризации, являясь центральным звеном "холодной войны".

Наша пропаганда своим острием была направлена против американского империализма. Но не менее остро мы выступали из Карлсхорста и в адрес немецких реакционеров. Мы не спорили с Круппом или Шахтом - такие люди на законном основании подлежали осуждению, как и главные военные преступники. Хотя бы уж за то, что пушечный король Крупп увез в Германию во время войны оборудование двух доменных печей "Азовсталя". Но наказание преступников - дело юридических инстанций, а мы являлись пропагандистским учреждением и выступали с критикой тех немцев, которые не хотели сделать правильные выводы из уроков прошлого и

восстанавливали в Западной Германии потушенный очаг войны в центре Европы.

Американские и американизированные пропагандисты в первые годы после войны не жалели сил и средств, чтобы по-своему истолковать причины и характер второй мировой войны, а также определять ее виновников. На арену политической борьбы выпустили свору фальсификаторов истории. На западе в моде стали гитлеровские генералы Гальдер, Гудериан и другие "трагические герои" гитлеризма. Им отвели особняки, предоставили архивные документы и под охраной обязали писать историю войны. Как и следовало ожидать, гитлеровские генералы писали историю войны по американским установкам.

Тогда же, в 1947 году, широкое распространение получил сборник документов "Нацистско-советские отношения 1939-1941 гг.". Цепь западных издателей сборника совершенно ясна: обелить подлинных виновников войны и оболгать Советский Союз. Сборник, как и мемуары Гальдера, Гудериана и других "историков" относились к серии произведений, грязные замыслы которых раскрывались в известном документе Совинформбюро "Фальсификаторы истории", печатавшемся в нескольких номерах нашей газеты.

К той же серии фальшивок относились "Военные мемуары Геббельса", напечатанные в английской газете "Ди Вельт", издаваемой на немецком языке. Основная мысль "дневников" такова: нас, Геббельса и других членов гитлеровской банды, мало беспокоило положение на Восточном фронте, а вот англо-американские бомбардировки это - да, из-за них Геббельс проводил бессонные ночи и, в конце концов, нервы его иссякли, что и стало причиной крушения Германии. Попутно, конечно, оправдывался германский генералитет, а виновниками войны оказывалась мертвецы.

По всем признакам "дневники Геббельса" являлись ловко сочиненной фальшивкой, написанной действительно без лайковых перчаток сотрудниками долларовой администрации. На них "Советское слово" дало достойную отповедь фальсификаторам истории из газеты "Ди Вельт". Важное значение для борьбы с теми, кто хотел умалить историческую роль великой победы советского

народа над фашизмом, имела статья Г.Деборина "Как подготовлялась Вторая мировая война".

Мы старались использовать исторические даты, особенно годовщины разгрома фашистской Германии, для возвеличения подвига советского народа. На страницах советской газеты выступали и немецкие деятели, которые поняли освободительный характер минувшей войны,

Буржуазные пропагандисты тоже использовали исторические даты для своих целей. Вот как, например, они провели празднование 100-летия революции 1848 года в Германии.

Накануне юбилея генерал Клей обнародовал нечто вроде манифеста. В памфлете, посвященном обращению Клея к берлинцам, наша газета сравнивала американский документ с манифестом прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. В воззвании "К моим любимым берлинцам" 19 марта 1848 года прусский монарх считал виновниками революционных событий в Берлине "злодеев, главным образом из числа чужеземцев". Испугавшийся народного гнева король призывал берлинцев забыть распри и внять его "отеческому голосу". Генерал Клей тоже намекал на некие "тоталитарные нации"', якобы мешающие берлинцам "свободно мыслить" и призывал берлинцев верить в "нации, стоящие на прочном фундаменте".

С чего бы Клею интересоваться немецкой историей? Ясно, что юбилей немецкой революции использовался не из уважения к немецкой истории, а для выпадов против главной революционной силы нашей эпохи - против СССР.

Газета "Советское слово" дала отповедь генералу Клею и его пропагандистам. Но мы, как марксисты, дали также анализ развития и уроков немецкой революции 1848 года. В трех статьях, построенных на солидной научной основе, историк Я.Драбкин показал значение событий марта 1848 года в Германии. Автор осветил позицию Маркса и Энгельса по этому вопросу, показал роль "Новой Рейнской газеты", проанализировал причины поражения революции и ее уроки. Автор закончил изложение вопроса логически обоснованным выводом: через 100 лет после буржуазной революции 1848 года перед немецким народом открылись возможности решить задачи, не решенные в 1848 и в 1918 годах, то есть создать подлинно народное государство. (Позднее

приятно было читать в немецкой прессе сообщение о том, что проф. Драбкин в 1968 году делал доклад в связи с 50-летнем ноябрьской революции в Германии).

Если по вопросам, касающимся немецкой истории, мы вели спокойную пропагандистскую работу, то различного рода злостные извращения событий, связанных с историей нашей Родины, вызывали у нас чувство гнева. Тем более мы не могли писать в спокойных тонах после того как открылась невиданная кампания клеветы на нашу Родину. А на клевету реакционеры большие мастера и для таких цепей не жалеют сил и средств.

Американский профессор Личфельд выступил по немецкому радио на тему "Свобода против тоталитаризма". Он унижал Советский Союз и воспевал прелести долларовой системы. Его главный тезис формулировался так: "Сегодня, через два с половиной года после разгрома гитлеровского режима, человеческие права снова поставлены под угрозу. На этот раз им угрожает коммунизм". Наше отношение к этому тезису мы дали в острой, я бы сказал, задиристой, статье "Ханжа и лицемер у микрофона", посвятив ее антикоммунистическому профессору Личфельду.

В 1947 году в буржуазной прессе широко распространялись впечатления о поездках в Советский Союз и даже выпускались на эту тему книжонки. Одному автору этой писанины мы дали до зубам. В статье "Стефан Кинхолл не доволен нами" газета "Советское слово" подвергла резкой критике книжку Кинхолла, выпущенную на немецком языке в английской зоне оккупации. Невежественный автор, побывав в Советском Союзе, насчитал там одиннадцать социальных классов, причем к одному из классов он отнес артистов. Может показаться наивной и безвредной писанина Кинхолла. На самом же деле его невежество во взглядах на классы служило определенной цели: доказать, что в Советском Союзе никакого бесклассового общества нет и не будет, а поэтому трудящимся Германии незачем взирать на социалистическую страну и искать в ней опыта для переустройства Европы. Тонко рассчитанный ход буржуазной пропаганды!

Приведенные факты составляют лишь ничтожную долю из арсенала антисоветской пропаганды. Для представления о ее размахе

можно привести газету "Гамбургер эхо". Наши товарищи подсчитали, что в каждом ее номере имелось от 5 до 11 антисоветских заголовков. А под заголовками часто скрывалась низкопробная ложь и всевозможные газетные "утки". Тут обвинения нашей страны в "панславизме" и агрессии, а то и просто дикая выдумка о том, что эпидемия холеры в Египте явилась результатом испытаний советского бактериологического оружия. Тут ложь о том, что два миллиона немецких военнопленных переведены в советское гражданство, а рядом "утка" о создании в Советском Союзе немецкой армии под командованием фельдмаршала Паулюса. То они клевещут, что немецкий зоопарк вывезен в Советский Союз, то придумают сказку о стрельбе из советской зоны оккупации снарядами ФАУ-2 по Северному ледовитому океану через нейтральную Швецию. Ложь - излюбленный прием антикоммунистов.

Антисоветская пропаганда велась западными державами не только собственными средствами информации. Широко использовались создаваемые немецкие органы пропаганды. В 1947 году в Западной Германии существовала сеть эмигрантских организаций, в которых подвизались власовцы, бандеровцы и прочие предатели. Ими издавались в Мюнхене "Новости" и "Обозрение". Широкая подрывная деятельность велась в лагерях, где содержались советские военнопленные.

Наиболее острым политическим атакам со стороны буржуазной пропаганды подвергались демократические преобразования в советской зоне оккупации. Любые средства, пусть самые сомнительные, пускались в ход.

Западные пропагандисты не соблюдали элементарных норм морали в борьбе против нас. Чего только они ни придумывали, чтобы охаять порядки в советской зоне. Они то и дело кричали о "голодных демонстрациях", об "арестах", "забастовках" и прочих страшных явлениях в Восточной Германии. Ну, как, например, можно поверить выдумке о том, что якобы после выступления перед немцами советского лектора арестовывали каждого, кто задавал не понравившиеся ему вопросы? Небылицы печатались о лейпцигской ярмарке, о ходе посевной кампании в советской зоне и т.д.

Своим советским словом, шедшим из Карлсхорста, мы наносили удары по бесчестным западным пропагандистам, охраняя советских людей от влияния буржуазной пропаганды.

Чтобы сорвать прогрессивное развитие советской зоны, западная пропаганда пошла на рискованный трюк. С неких пор начала усиленно распространяться версия о неизбежности новой войны с Советским Союзом. В 1947 году в буржуазной печати поднялась шумиха вокруг книги Бирнса "Откровенно говоря". В ней содержались прямые угрозы в адрес Советского Союза, и исходили они от бывшего государственного секретаря США Бирнса. Автор призывал к сепаратному миру с Западной Германией, а среди немцев сеял недоверие к Советскому Союзу.

Идея новой войны падала в Западной Германии на возделанную почву. Среди немцев еще жили идеи "великой миссии" и "жизненного пространства". Желающих повторить поход на Восток - тоже хоть отбавляй. А раз американцы говорят и пишут о новой войне, то зачем, мол, немцам нужен мирный договор или же объединение страны, зачем нужно какое-то новое, демократическое направление в развитии Германии? Немцев запугивали войной, чтобы вконец их деморализовать.

Дикая свистопляска развернулась в дни, когда в феврале 1948 года рабочий класс Чехословакии брал в свои руки власть. Буржуазная пропаганда всячески нагнетала настроения военного психоза. Пустили слух о том, что американцы вот-вот введут свои войска в Судетскую область, займут ее, а затем возвратят немцам. В Западной Германии начались многочисленные митинги бывших судетских немцев. Выкрикивались фашистские лозунги и раздавались угрозы в адрес Чехословакии.

Вой реваншистов вскоре прекратился. Советский Союз решительно поддержал новое правительство Чехословакии во главе с Готвальдом. Наша газета, разоблачая замыслы реакции по "судетской проблеме", целиком была на стороне братских народов Чехословакии.

В первые же годы после Победы буржуазные пропагандисты очень много писали об "угрозе с Востока". В первые четыре послевоенных года "угрозой с Востока" прикрывалось сколачивание агрессивного Североатлантического блока. Затем еще шесть лет шла

шумиха о военной угрозе со стороны Советского Союза, чтобы как-то оправдать вступление Западной Германии в Североатлантический блок в 1955 году.

Появление в нашей стране атомного оружия здорово охладило пыл воинствующих кругов. В связи с этим приведу факт, о котором мы писали в газете "Советское слово".

Дело происходило в ресторане ипподрома, расположенного в американском секторе Берлина. Один немец в разговоре упомянул, что вот-де в Советском Союзе теперь имеется атомное оружие. Сидевшие вблизи подвыпившие американские офицеры, услышав слова немца, подняли скандал, началась драка между американскими и немецкими посетителями ресторана, продолжавшаяся до прибытия полиции. Пьяные американцы, очевидно, не знали, что наличие у нас атомного оружия подтвердил сам президент Трумэн. Они намеревались кулаками выбить из головы немцев мысль о военном могуществе Советского Союза. Как всегда, факты оказались упрямой вещью.

Наши идеологические противники лгали, утверждая, что Советский Союз готовит новую войну. Опасность военного конфликта шла с Запада, и в 1948-1949 годах казалось, что война вот-вот разразятся. Особенно угрожающей стала обстановка в период существования "воздушного моста". Многим советским людям тогда пришлось отправлять семьи на Родину. "Советскому слову", как одному из пропагандистских органов СВАГ, пришлось много поработать для разоблачения виновников военного психоза. Советские люди, работавшие в Германии, верили в великое могущество своей Родины, и спокойно выдержали натиск буржуазной пропаганды, обеспечив прогрессивное развитие в советской зоне оккупации.

В идеологической борьбе наши противники не гнушались диверсиями с помощью различного рода фальшивок. Еще 4 февраля 1933 года центральный орган фашистской партии "Фелькишер Беобахтер" вышел под кричащими заголовками: "Секретное указание коммунистов о начале нелегальной борьбы! Тайные комитеты борьбы КПГ! Указания западноевропейского бюро Коминтерна!" Это было своего рода командой для антикоммунистического похода гитлеровцев. Нечто похожее произошло и 15 января 1948 года. В этот день

берлинские буржуазные газеты опубликовали сенсационное сообщение о так называемом "Протоколе М".

Продажная печать сообщала о плане захвата власти коммунистами в Руре. Вот как выглядело это сообщение в газете "Дер социал-демократ": "Протокол о плане путча КПГ. Тайный приказ к массовому восстанию в Западной Германии! Коминтерн принимает участие!" Очень похоже на "Фелькишер беобахтер", но с добавлением о том, что тайный приказ носит название "Протокол М".

Шуму вокруг фальшивки было много. А что это фальшивка - факт. Провокацию и провокаторов заклеймили позором в своих официальных заявлениях СЕПГ и КПГ. Мы в газете тоже ударили по фальсификаторам и показали, что фальшивка готовилась в Лондоне геббельсовскими выродками. В этом случае мы не стеснялись в выражениях.

Дни шумихи вокруг "Протокола М" совпали со срывом Лондонской сессии Совета министров иностранных дел, где западные державы выступили против создания единого немецкого демократического государства. Лондонская фальшивка стала своего рода дымовой завесой, за которой нетрудно рассмотреть подлинные цели политики западных стран. Антикоммунизм, самый яростный и непримиримый, просматривался в начале 1948 года сквозь политическую диверсию буржуазной пропаганды.

Мы, газетчики, понимали причины наступления буржуазной пропаганды. Решался вопрос послевоенного устройства Германии и в целом Европы. Западные державы не хотели, чтобы Европа пошла по социалистическому пути. Именно поэтому монополии и их ставленники превращали антикоммунизм в государственную политику. Сторонников капитализма буквально бесило, когда на их глазах идеи социализма становились достоянием масс, а социализм наступал на Запад.

На антисоветские выпады буржуазной пропаганды мы отвечали, не стесняясь в выражениях, но никогда не прибегали к фальшивкам, которыми пользовались долларовые журналисты. Мы разоблачали диверсионные действия буржуазной пропаганды, не одевая лайковых перчаток. Мы припирали противника фактами. Чернил не расходовали

без повода и без пользы. Имея дело с фактами, мы комментировали их по-своему – в соответствии со своими убеждениями.

Приведу несколько тем, по которым "Советское слово" публиковало заметки

"...Советский журналист беседовал в Западном Берлине со сварщиков Вилли Крюгером. Рабочей жаловался на высокую квартплату, отнимающую у него около четверти заработка. Сварщик убежденно заявлял, что разница между богатыми и бедными всегда имелась и будет существовать в дальнейшем. Опираясь на конкретный факт, мы обрушились на буржуазные порядки в Западном Берлине, на вопиющее неравенство при капитализме, на рабскую психологию многих рядовых немцев".

"...В американском секторе Берлина, в одном из переулков, журналист встретился с безработным инвалидом Шульцем. Инвалид сидел и ждал выхода из ресторана своего бывшего хозяина, у которого в мастерской проработал восемь лет. Когда подвыпивший шеф вышел, Шульц попросил его об устройстве на работу. - У меня не благотворительная контора, - отрезал шеф несчастному. Случай мы прокомментировали так: в Западном Берлине сохранились нетронутыми капиталистические порядки, и простому человеку, попавшему в несчастье, не приходится надеяться на помощь государства. Так фактически и было в Западном Берлине".

Полемика с буржуазными пропагандистами ставила преграду на путях проникновения лжи и клеветы в советскую зону оккупации, защищая интересы родины от наветов со стороны антикоммунистов и антисоветчиков.

Известная буржуазная газета "Тагесшпигель" как-то заметила, что русские газеты пишут то, чего хочет советское правительство. В ответе "Тагесшпигелю" мы сознались в таком "грехе". Да, мы, советские журналисты, как и весь советский народ, хотели видеть Германию новой, демократической и миролюбивой. По этой причине мы давали отпор буржуазной пропаганде, направленной на увековечение капиталистических порядков в Германии.

Советский Союз и его оккупационные органы, если брать пропагандистскую сторону вопроса, на примере нашей страны показывали, что трудящиеся могут без капиталистов и помещиков

строить народное государство и что самый справедливый общественный порядок - социализм. А на какой пример могли сослаться американские и английские власти?

В Германии знали не только Круппа, но и Джона Рокфеллера, который заявлял: "Мои деньги дал мне бог". С помощью религии Рокфеллерам удавалось затемнить сознание части трудящихся и скрыть подлинные источники накопленных буржуазией богатств. С помощью религии и долларов можно даже Керенского превратить в поборника демократии, как это делала американская пропаганда. И все же бог и доллар не были всесильными и не могли спасти от разоблачения хищническую и несправедливую природу капитализма.

Да что там Рокфеллер! Ведь сам генерал Клей являлся владельцем крупной табачной монополии США. Он и пальцем не тронул капиталистов Западной Германии. Приходится ли дивиться поведению Клея, лично направлявшему "психологическую войну" против социализма?

Немецкие раскольники тоже энергично занимались защитой капиталистических порядков. Как по команде они начали писать, будто после войны нет смысла говорить о классах и классовой борьбе. Додумались и до того, что в рурском городе Гельзенкирхене с ведома английских властей собрались 2000 сторонников "моральной ремилитаризации". Судя по докладу и прениям, на этом собрании, а также по приветствию Аденауэра, участники собрания искали "выход из классовой борьбы на путях ее прекращения". Понятие классовое борьбы предлагалось заменять понятиями честности, любви, бескорыстия и прочими добродетелями. Проповедь морального разоружения являлась, по существу, формой борьбы против марксизма-ленинизма, против учения о революционном преобразовании общества.

Неслучайно в английском секторе Берлина развил активность новоявленный философ Якоб Куни. Будучи поваром по профессии, он решил облагодетельствовать человечество новой наукой с явно нескромным названием - "кунилогия". Основные положения этой, с дозволения сказать, науки также стары, как и профессия повара. "Соединить науку с верой", "руководствоваться законами любви", вывести народы из "хаоса времени" - вот и все идеи "кунилогии".

Шарлатан получил от английских военных властей официальное разрешение на лекции.

Нетрудно разглядеть политическую сущность "кунилогии". В условиях идеологического хаоса в западных зонах Германии философствующий прислужник реакции затемнял сознание немцев, отвлекая их от насущных задач борьбы за новую Германию.

Антикоммунисты всячески расхваливали буржуазную демократию. Майор Перри из аппарата американской военной администрации даже обнародовал обещание дать триста плиток шоколада тому, кто лучше других напишет брошюру "Американская демократия". Наша газета так и не смогла сообщить, нашелся ли из немцев желающий за шоколад доказывать преимущества американских порядков? Но мы многое рассказали своим читателям о том, как немцы - большие мастера по части парламентского разврата - на выборах боннского парламента послушно выполняли наставления заокеанских ревнителей демократии для богатых.

В декабре 1948 рода в западных секторах Берлина проходили выборы в местные органы самоуправления. Мы послали туда своего корреспондента. Выборы проводились по западному образцу: на улицах полицейские с дубинками, сорванные плакаты левых партий, побитые избиратели из оппозиции, на перекрестках улиц - вооруженные солдаты. На одном из участков баллотировался некий Швейнике, ярый прислужник западных хозяев, получавший в демократической печати прозвище "Швейнике - война" и "Швейнике – гестапо". Участок размещался в захудалом трактире "На солнечном углу", к тому же обвешанном рекламой о шнапсе, ликерах и пиве. Недалеко от избирательных урн молодые люди пили шнапс и вели веселый разговор. В углу несколько человек резались в карты и потягивали пиво. В 6 часов вечера на участке начались танцы.

Немцев политически разлагали подобной игрой в демократию. Нам, советским журналистам, была чужда избирательная комедия в Западном Берлине 1948 года, отвлекающая немцев от насущных задач и нужд. Репортаж нашего корреспондента был бескомпромиссным и резким по тону.

Интересные заметки газета опубликовала о бундестаге Западной Германии. По тем временам мы без всяких стеснений изображали

боннский парламент палатой болтунов, сравнивали с греческими дармоедами, как окрестила буржуазная печать греческий парламент. Действительно, за пять месяцев заседаний бундестаг ничего не решил, заливаясь пустословием.

Читателям мы рассказали об интересном эпизоде. В январе 1950 года в здании бундестага депутат Гетцендорф схватился врукопашную с депутатом Боденштейнером. Второй обвинил первого в том, что тот произносит демагогические речи о нуждах переселенцев, на речах хорошо зарабатывает и уже успел купить роскошную автомашину. На такое обвинение Гетцендорф ответил оплеухой. В бундестаге создали специальный комитет для расследования кулачного боя двух депутатов. В те же дни социал-демократический депутат Греве имел "физические разногласия" с другим депутатом, с которым он встречался в одном из боннских кабаков. В общем, сообщения о похождениях боннских парламентариев привлекали внимание печати больше, нежели их никчемная заседательская деятельность.

Что делать в парламенте и как его избирать - дело, безусловно, внутреннее. Однако в 40-х годах, когда создавались два немецких государства, империалистическая пропаганда открыла "психологическую войну" против социализма, до небес превозносила буржуазные парламентские порядки и всячески охаивала строгую, деловую и демократичную систему законодательных органов в Советском Союзе и в Германской Демократической Республике.

На критику антисоветской политики западных держав мы не скупились, не стесняя себя полемическими приемами. Основной огонь антиимпериалистической пропаганды мы сосредоточивали на действиях американских властей. В те годы они активно осваивали функции мирового жандарма, возглавив антикоммунистический поход. США были главным инициатором и проводником политики "холодной войны".

Великобритания и ее оккупационные власти действовали в союзе с США, но избегали обострения отношений с Советские Союзом. Наши статьи и заметки, критикующие английскую политику, носили спокойный и сдержанный характер.

Никто нам не давал указаний о том, как относиться к действиям французских властей. Достаточно было следить за нашей центральной

печатью, чтобы в этом вопросе занять правильную позицию. Советские люди высоко ценили французское движение сопротивления, боевые подвиги летчиков полка "Нормандия-Неман". Чувство симпатии вызывали имена Тореза, Кашена и других французских коммунистов. Мы знали о патриотической деятельности Де Голля в годы войны. Правда, мы не забыли о наполеоновском нашествии, помнили о походах Антанты, испанских событиях, о мюнхенском сговоре и других неблаговидных делах французских правящих кругов. И все же минувшая война сгладила неприятный осадок в сердцах советских людей.

В Берлине они относились к французам душевнее, чем к американцам и англичанам. Были у нас смутные надежды на то, что Франция не пойдет на союз с милитаристами Германии, когда увидит реальную опасность со стороны своего соседа, не раз опустошавшего Францию. Надежды частично оправдались. В 60-х годах Франция вышла из военной организации НАТО.

Деятельность советских граждан в Германии проходила, таким образом, в обстановке "холодной войны". Органы советской пропаганды активно защищали линию партии и правительства в германском вопросе, отстаивали демократические преобразования в советской зоне оккупации, оказывали полную поддержку прогрессивным силам Германии. Мы выступали против тех, кто тащил Германию по заржавелым рельсам германского милитаризма, кто возвращал Европу к тревожным временам предвоенной лихорадки.

Первая наша забота состояла в том, чтобы убедительно показать историческое значение мер по обновлению Германии и дать по рукам тем, кто решил использовать послевоенную Германию в интересах империализма и сил реакции, кто пытался принизить авторитет Советского Союза, его заслуги перед человечеством, его благородные цели в отношении немецкого народа. Одним словом, на западную политику "холодной войны" пришлось отвечать контрнаступлением, а не пассивной обороной.

Инициаторами "холодной войны" выступали американцы, они определяли антисоветский характер политики своих союзников, они являлись виновниками серьезной напряженности при решении германской проблемы.

Пусть у читателей не создастся впечатление, будто в советской зоне оккупации все немцы быстро-быстро стали нашими друзьями и все хотели видеть Германию социалистической. Нет, этого не было. Но факт, что наиболее здоровые силы нации объединились в Социалистической Единой партии Германии, и именно она стала мотором прогрессивных преобразований в зоне. Требовалось время, чтобы большинство трудящихся пошло за СЕПГ. Хотя в зоне были полностью устранены условия для возрождения нацизма и милитаризма, но сохранялись остатки разбитых классов, пережитки нацистской идеологии, веками складывавшиеся моральные устои.

К оглавлению

Удачная рубрика

Советским людям многое не нравилось в немецком укладе жизни, а находились-то мы среди немцев. Столкновение различных моральных принципов нашло отражение в серии статей под рубрикой "Глазами советского человека". В совокупности, а их опубликовано около 70, они представляли собой наступление на буржуазную мораль. В этом направлении, опять же в интересах наших читателей, "Советскому слову" удалось опубликовать поучительные материалы.

Советские люди, работавшие в Германии, часто спрашивали, почему после войны немцы оказались покорными, и не было случая, чтобы они оказали открытое сопротивление оккупирующим властям? Правда, в первые послевоенные месяцы появились какие-то "вервольфы" из оголтелых нацистских преступников, но созданные ими банды быстро рассеялись. В редакции нашей газеты никогда не возникал вопрос о разоблачении организованных националистических групп. По делам служебным и по делам охотничьим я исколесил всю территорию советской зоны и никогда не слышал об актах террора в отношении советских людей. Более того, мы не слышали, чтобы немцы называли нас оккупантами. Встречались выражения "оккупирующие державы", "оккупационные власти", но в подобных выражениях не ощущалась неприязнь к советскому народу.

Немецкие рабочие, в том числе и в нашей типографии, в общем, трудились добросовестно и, за исключением незначительных случаев, не совершались акты вредительства и саботажа. Недостатки в производственной деятельности объяснялись, главным образом, несовершенством управления промышленностью.

Чем объяснить сравнительно спокойный ход оккупации? Общая предпосылка такого положения коренится, очевидно, в последствиях национальной катастрофы Германии. Рассеивались убеждения о превосходстве немцев над другими народами. Улетучились застрявшие в головах бредовые мысли из "Майн Кампф". Немцы были озадачены могуществом Советского Союза, про который геббельсовская пропаганда в течение многих лет сочиняла небылицы. Большинство немцев в первые годы после войны находились в состоянии растерянности, и в то же время ожидали чего-то нового, неопределенного.

Шоковое состояние, шовинистический угар среди немцев исчезали на наших глазах. На первый план выступали политические факторы и национальные особенности. Многие товарищи говорили: немцы привыкли подчиняться силе, и если им никто не прикажет стрелять из-за угла, то сами они этого не сделают. В подобных сужениях содержится истина о дисциплинированности немцев.

Еще задолго до войны пришлось читать интересный рассказ из далекого прошлого. На первомайскую демонстрацию в Берлин пригородным поездом прибыла большая группа социал-демократов. У выхода из вокзала не оказалось контролера, которому следовало сдать проездные билеты. И хотя социал-демократы опаздывали на демонстрацию, но все же терпеливо ждали контролера. Вдруг появляется русский человек и кричит: айда, ребята! Пассажиры хлынули в город и вовремя попали на демонстрацию.

В 1929 году мне пришлось руководить немецкой юношеской делегацией, приглашенной в Советский Союз Коминтерном Молодежи. В течение нескольких недель непрерывного общения с 16 представителями немецкой молодежи в поездке с ними по Советскому Союзу меня поражала дисциплина и организованность немцев. Не успеешь выйти из московского трамвая, как делегацию уже видишь построенной рядами. Позднее, через 20 лет, с гостевой трибуны я

смотрел на прохождение берлинцев во время первомайской демонстрации. Молодежь, никогда не бывшая в военном строю, шла стройными колоннами и рядами, как впору идти воинскому подразделению.

Выше уже говорилось об аккуратной работе немецких полиграфистов в издательстве "Советского слова".

Отношение к труду составляет основной показатель морального облика человека. Но дело в том что немцы были приучены хорошо трудиться на хозяина, на большого или малого эксплуататора, и когда в советской зоне происходила ломка социальных и политических устоев, когда поднимались ростки новой жизни, в это время сознание немецких трудящихся несло груз буржуазной морали и привычек, установившихся в течение столетий и потому не поддающихся быстрым изменениям. К тому же сознание, мораль большинства немцев измордовала геббельсовская пропаганда человеконенавистничества.

Мы не собирались перевоспитывать немецкое население, это дело самих немцев. И если все же нам, советским журналистам, пришлось вторгаться в область морали и быта, то лишь по весьма серьезным соображениям. Пороки буржуазной морали довольно липки, и советские люди, работавшее в Германии, не могли наглухо отгородиться от их влияния. Цель "Советского слова" заключалась в том, чтобы показать темные стороны буржуазной морали, убеждать советских людей в необходимости высоко ценить моральные принципы, господствующие в социалистическом обществе.

Однажды в Карлсхорсте у меня состоялся краткий разговор с В.С.Семеновым. Я спросил: "Владимир Семенович, как Вы думаете, с чего начинается перерождение отдельных советский людей за границей?" На мой вопрос последовал немедленный ответ: "С вещей, товарищ Бубнов, с вещей. Еще Маркс писал..." Я не запомнил произведение Маркса, на которое ссылался В.С.Семенов, но меня убеждала определенность ответа. Уверен, что Политсоветник СВАГ анализировал факты, связанные со стремлением отдельных советских людей к тому, что теперь называют "вещизмом". Приобретение "движимого" имущества, например, мебели или одежды, не может само по себе привести к перерождению человека, то есть, к

превращению его в обывателя, забывающего о своем патриотическом долге.

Некоторые советские товарищи своеобразно истолковывали явление "вещизма". "Мы здесь, в Германии по праву победителей, - говорили они. - Мы приобретаем вещи и тем самым облегчаем положение на Родине, разоренной и ограбленной фашистской Германией".

На страницах газеты мы не могли спорить со сторонниками "вещизма". Мы боролись за образцовое выполнение патриотического долга советских людей за границей, и все же нам удалось найти интересный подход к теме морального воспитания читателей.

В 1947 году в "Советском слове" появилась упомянутая выше рубрика "Глазами советского человека". Под этой рубрикой публиковались статьи, выражающие взгляды советских людей на нравы буржуазного общества. И хотя в советской зоне происходили изменения в сознании людей, моральные принципы, традиции, привычки и обычаи держались довольно крепко. Тем более что совсем рядом с советской зоной капитализм сохранялся в нетронутом виде.

Рубрика оказалась удачной. Поводом для ее введения послужил случай с нашим писателем В.Н.Собко. Он решил поговорить с артистами цирка "Марелли-Чимаро", расположившегося на Жандарменмаркт напротив здания редакции "Советского слова". Это было летом 1947 года, когда мы размещались в здании бывшего Прусского банка. Скромный и тактичный, Вадим Собко объяснил господину Марелли (так звали хозяина бродячей труппы) цель своего посещения: просил рассказать о работе и жизни цирка. Выяснилась поразительная неграмотность артистов. В конце разговора предприниматель от искусства предложил "девочку" советскому офицеру, инвалиду войны, коммунисту. Свое возмущение В.Собко выразил в острой публицистической статье под новой газетной рубрикой.

Рождение рубрики, вероятно, было связано с именем другого советского писателя. В 1946 году в Румынии, в газете Южной группы войск Н.С.Грибачев, работавший в должности спецкора газеты, нависал несколько блестящих публицистических статей, разоблачая пороки буржуазной морали, обнажая язвы жизни тогдашней Румынии,

полумонархической, полубуржуазной страны. Так или иначе, но введенная рубрика "Глазами советского человека" дала возможность многим нашим товарищам попробовать свое перо в жанре публицистики.

Наиболее распространенной и отвратительной чертой человека эксплуататорского общества следует считать погоню за деньгами, за богатством, причем любыми способами: обман, воровство, вплоть до расправы с конкурентами. В Советской зоне оккупации эксплуататорские классы были разгромлены, но преклонение перед деньгами сохранилось даже в семейных отношениях. В первые годы после войны в немецком еженедельнике "Берлинер иллюстрирте" или же в газете "Нахтеэкспресс" можно было прочитать объявления пожилых вдов или вдовцов о том, какого спутника или спутницу жизни хотелось бы им иметь при наличии у них определенной собственности в деньгах или в виде имущества.

В одном из номеров "Советского слова" Л.Стишова рассказала о случае с Эльзой Гартман, 26-летней девушкой, педагогом с широким кругом интересов, весьма миловидной внешности. Семь лет она ждала своего жениха Вольфа, находившегося на войне и в английском плену. Наконец, она получила от него письмо, в котором ее любимый сообщал, что женится на 50-летней вдове, хозяйке продуктового магазина, владелице дома и автомобиля. Лидия Стишова в разговоре с Эльзой возмутилась поведением Вольфа, а невеста сказала: - Конечно, мы любим друг друга. Но семья должна быть обеспечена. Вольф абсолютно прав. Он очень выгодно женился. У его жены нет детей и, следовательно, он - единственный наследник.

В нашей стране давно ушло в прошлое слово "бесприданница", а о драме молодой женщины без богатства и потому без возможности выйти замуж, можно составить представление лишь по известной пьесе Островского "Бесприданница".

В другом случае наша корреспондентка разговаривала с красивой дедушкой, сидевшей на Лейпцигской ярмарке в стеклянной клетке в полураздетом виде, рекламируя товары западногерманской фирмы. На вопрос, не унижает ли ее человеческое достоинство ярмарочная обязанность, она ответила: - Умная молодая девушка не должна

упускать случая показать себя мужчинам, ведь здесь в эти дни так много богатых

Преклонение перед деньгами проникло и в создание рабочих. Наш корреспондент беседовал с немецким шахтером Грoше. Разговор происходил на курорте Бад-Эльстер, куда рабочий приехал лечиться по бесплатной путевке и куда раньше могли приезжать лишь богачи. Представитель советской газеты попросил Гроше рассказать о себе. На просьбу шахтер ответил: - О себе мне нечего сказать. Другое дело, если бы я был инженером или же богатым. Вот тогда есть о чем рассказать.

Корни частнособственнической психологии уходят в глубину минувших веков. В одной из статей мы знакомили читателей с историей немецкого города Ютеборг. На древней городской стене Ютеборга висел металлический щит со словами:

"Кто даст свой хлеб ребенку
И будет сам потом в нужде гнуть сипну,
Того побить насмерть
Увесистой дубиной".

Если ютеборгский щит перенесен в музей, то там он напоминает о диких нравах Средневековья. Немецкая нация за столетия поднялась на уровень цивилизованных стран, но отзвуки далекого прошлого мы, советские люди, ощущали.

Вот несколько примеров.

На квартиру советского офицера приходит немка и просит разрешения позвонить по телефону, а после окончания разговора подает офицеру 15 пфеннигов. Удивленный он спрашивает, в чем дело, о каких деньгах может идти речь? - За каждую услугу надо платить, - отвечает сторонница немецкой учтивости, в которой дружба подменяется расчетом и выгодой.

Дугой пример. В железнодорожном купе ехали два советских солдата и пожилой немец с толстым золотым кольцом на пальце. Проголодавшись, солдаты решили закусить. Разложив провизию на столике, один из них, обращаясь к немцу, сказал: - Ну, садись к столу, обедать будем.

Немец, конечно, если не по словам, то по жесту понял, о чем идет речь, и без особых колебаний принял участие в трапезе. Когда все было съедено, немец вытер губы, поблагодарил солдат и произнес поучающие слова: - Как это так приглашать к столу совершенно незнакомого человека? Теперь вам придется делать лишние расходы на покупки. Я думаю, если весь ваш народ придерживается таких принципов, то ни вы сами, ни вся Россия некогда богатыми не будете.

Немцу было хорошо отвечено присутствующими в купе. Ему дали понять, что в трудную минуту от Германии отошли все покупные друзья, и никакие награбленные деньги не помогли. Разговор зашел о большой политике, но начался-то он с критики так называемого немецкого счета, при котором на вечеринке, например, гости приносят с собой продукты, и каждый как бы от себя угощает собственными бутербродами. Даже известная советскому человеку "складчина" не похожа на обычай "немецкого счета".

Статья "Немецкий счет", опубликованная в "Советском слове", не только критиковала это правило немецкого быта, но и выражала гордость за нашу национальную черту гостеприимства. Публикация получила высокую оценку читателей.

Прежде чем рассказать о следующем эпизоде, придется обратиться к одному давнему событию из историй Германии. Известно, что 14 октября 1806 года произошло сражение между наполеоновской и прусско-саксонской армиями, называемое историками Иена-Ауэрштедтским сражением. Стотысячная немецкая армия тогда подверглась полному разгрому и 27 октября 1806 года наполеоновские войска вошли в Берлин. Настоящий немецкий патриот расценил бы подобный факт как национальное бедствие, как тяжелую страницу своей истории. Он осудил бы немецких баронов, стоящих во главе войск под Иеной и позволивших Наполеону за несколько часов покончить с превосходящими силами немцев.

Наш журналист Г.Березкин побывал в районе Иены, на том самом месте, откуда Наполеон управлял битвой. И вот что удалось узнать представителю "Советского слова", а затем и написать блестящий памфлет.

В 1920 году некий конторщик Вальтер Ланге случайно обнаружил у себя внешнее сходство с Наполеоном и решил на этом

поживиться. В небольшой деревушке Коспеда, расположенной недалеко от Иены, маленький конторщик купил харчевню "Зеленое дерево", где перед Иенской битвой останавливался и отдыхал Наполеон. Затем Ланге приобрел наполеоновский наряд: мундир, треуголку, белые рейтузы, шпагу и ордена. Далее ловкий "Наполеон" из Коспеды начал процветать на несчастии своих предков. Чуть ли не из всех стран Европы приезжали в Коспеду любители курьезов. Ланге наряжался под Наполеона, и, скрестив руки на груди, изображал действия французского полководца. Наполеон-Ланге отчитывал какого-то невидимого сержанта, отдавал приказания маршалу Ожеро, пришпорив воображаемую лошадь, уносился к войскам. Туристы гоготали, а после окончания коспедской комедии опускали монеты в специальный ящик. В год Вальтер Ланге наживал до десяти тысяч марок - доход довольно солидной фирмы.

В 1948 году Ланге был уже стариком, но перед посетителями охотно повторял водевиль. Советские люди пытались вызвать у старика чувство национального достоинства, но последовал ответ: "деньги не пахнут", ответ, усвоенный эксплуататорами со времен римских императоров.

Мелкий бизнес на позорной странице своей истории выглядел кощунством. Умно и правильно оценил деяния самодельного "Наполеона" советский капитан Сазоненко. В книге отзывов, сохранявшейся в харчевне "Зеленое дерево" он записал: "Старик Ланге жалок и смешон. Чем больше следишь за ним, тем лучше начинаешь понимать, что он не просто чудак, не просто шут гороховый, а порождение строя, при котором войны, бедствия и катастрофы - только средство обогащения стяжателей - больших и малых. А потом, какое отсутствие чувства национальной чести и национального достоинства!"

1948-й год был переломным не только в политической жизни немцев, но и в моральном отношений. В ГДР воскрешалось уважение к прогрессивным традициям и чувство национального достоинства. Но культ денег еще продолжал действовать, особенно в быту. Мы писали о причинах антагонизма на этой почве, когда из-за денег и наследства враждуют сестры, дети не пускают домой отца, когда отказывают в чашке кофе престарелому родственнику.

В памяти сохранился разговор с одним юристом СВАГ. Одно время участились случаи хищения материальных ценностей из товарных поездов, отправляемых в Советский Союз. Возникла необходимость судебного преследования отдельных немцев, уличенных в хищениях. Наш юрист утверждал, что в немецком уголовном праве не оказалось статьи, по которой можно бы наказывать за воровство. Мелкие хищения чужой собственности не считались признаком морального облика рядового немца. Веками сложившееся преклонение перед частной собственностью исключало такое социальное явление как воровство. Наживать миллионы за счет чужого труда - дело правое, с точки зрения буржуазной морали, узаконенное и привычное. Военный грабеж тоже "разрешен" моралью, но просто украсть - "ферботен!". И хотя в тяжелое послевоенное время имелись факты хищений, но все же в этом отношении немцы отличаются чертой, обычно называемой честностью.

Тлетворное влияние на моральные облик людей послевоенной Германии оказывал американизм, проникавший в сознание и души немцев не только через каналы буржуазной пропаганды. По части алчности, высокомерия, бездушия и всякого рода пороков не было равных американцам. Своей аморальностью янки разлагали немцев, заглушали ростки новой морали.

Мы очень много писали о нравах заокеанских джентльменов в военной и гражданской форме.

Работник комендатуры города Хемниц офицер Н.Малолетков рассказал в газете о таком случае. В железнодорожном тупике Хемница стоял эшелон с немецкими детьми, отправлявшимися в западную зону оккупации. Дети голодали, и советский медицинский работник обратился к американскому полковнику с просьбой помочь немецким детям. На письменной просьбе американец написал резолюцию: "Не для того мы победили Германию, чтобы кормить немецких выродков".

Дикую выходку американца нет надобности комментировать. Она имеет один корень с другим фактом.

Советский патруль заметил на улице немецкого города безнадзорную девочку и решил устроить ее ночевать в ближайшем доме. Хозяйка заявила: - Это не моя девочка.

В другой квартире хозяйка спросила: - А кто мне будет платить за девочку?

Таковы буржуазные нравы: без предварительного соглашения и оплаты не помогут бездомному ребенку.

Впрочем, буржуазная мораль еще более сурова к взрослым, попавшим в несчастье или нужду, вызванную войной или другими обстоятельствами. В городе Магдебурге, например, произошел такой случай. Бездомная женщина получила от жилотдела ордер на занятие комнаты в особняке местного органиста. Хозяин особняка не пустил женщину ночевать, пришел жаловаться в советскую комендатуру и требовать, чтобы советские власти дали ему охранную грамоту на особняк.

- Каждый человек сам виноват в своем несчастье, – вот такими словами органист выразил моральный принцип немецкого буржуа. Но наш комендант не отступил перед жадностью немецкого обывателя.

Мещанская психология умело насаждалась пропагандистами Геббельса, а после войны буржуазной печатью, театрами, радио и другими средствами воздействия. Западноберлинская газета "Телеграф" в номере за 29 августа 1948 года поместила стихи "На смерть моей собаки". Рядом с ними - фото владельца и его усопшей легавой. Стихотворец, оказывается, плакал долго и безудержно, когда околела собака - его источник радости в жизни. Поэт грозил, что если не встретит свою легавую на том свете, то рассердится на общего шефа - господа бога.

Та же "Телеграф" в течение месяца печатала заметки о том, как в зоопарке кокетничали, целовались и бракосочетались бегемот "Кнаучке" и его невеста "фрау Грета". Газета расписывала, в какое время бегемот рявкнул или чихнул, как американский корреспондент через микрофон передавал в эфир звериный глас.

Пошлость "Телеграфом" печаталась в дни напряженной борьбы за будущее Германии, когда необходимы были не рассказы о жизни животных, а мобилизация трудящихся на борьбу за единство Германии. Удовлетворяя любопытство обывателей, буржуазная пресса идейно разоружала ненцев. Американцев и западногерманскую буржуазию это устраивало.

В советской зоне на наших глазах происходили изменения в образе жизни немцев. В берлинском районе Пренцлауэрберг на молодежной строительной площадке можно было прочитать лозунг: "Мы учимся и работаем на дело мира". В этих словах - рождение новой Германии, трудовой и мирной, без капиталистов и помещиков, подлинно демократической. Высший моральный принцип - честный труд на благо своего народа.

Перелом в сознании немецких трудящихся не мог не отразиться на содержании "Советского слова". Пришло время, когда рубрика "Глазами советского человека" отмирала. Последняя статья под этой рубрикой опубликована под заголовком "Что я видел в Западном Берлине". Автор нес караульную службу в английском секторе Берлина и сообщил читателям о неприглядных сторонах буржуазной морали.

Чертополох буржуазных нравов разрастался в западных секторах Берлина и на западе Германии. Там возвышались люди, умеющие набивать карманы марками и обманывать людей труда.

Наши выступления против буржуазной морали имели существенные недостатки, мы порой допускали крикливость, вроде: "волчьи повадки", "звериные нравы" и прочее. Одно из выступлений против буржуазных нравов имело даже последствия для редакции. "Варьете" - под таким названием 27 октября 1948 года газета "Советское слово" опубликовала статью Р.Достян. Способная сотрудница нашей редакции рассказывала о самом большом варьете в Берлине, о программе и нравах в этом увеселительном заведении.

Тема для советской газеты была актуальной. Так называемые варьете выглядели своеобразными кабаками, и в Германии довольно широко насаждались. Волна американской "цивилизации" грозила захлестнуть и советскую зону оккупации. Программа увеселительного заведения вырывала человека из политической жизни, превращала его в охмелевшего мещанина порождала прожигателей жизни.

Газета "Красная звезда" под рубрикой "Из последней почты" в номере за 26 ноября 1948 года откликнулась на статью и дала ей отрицательную оценку. Центральная военная газета обвиняла "Советское слово" в том, что автор "Варьете" с усердием, достойным лучшего применения, подробно расписывает наиболее непристойные и "умопомрачительные" номера из программы самого большого варьете

в Берлине, что легковесные комментарии автора затерялись в нагромождении так называемых "наглядных примеров", которые совсем не следовало бы приводить в газете. "Красная звезда" сделала вывод, что выступление со статьей "Варьете" бьет мимо цели и отнюдь не помогает делу политического и культурного воспитания читателей.

Критическое замечание в адрес нашей газеты обсуждалось на редакционном совещании, где мнения разделились, и обсуждение вылилось в острую дискуссию. Одни считали, что "Красная звезда" не права на 90 процентов, и в ее выступлении имеются передержки. Другие товарищи указывали, что в номере газеты рядом со статьей "Варьете" даны солидные материалы о новой немецкой культуре, а критикуемую статью нельзя, мол, оценивать отдельно от содержания газеты в целом. Возражая против такой постановки вопроса, говорили, что читатель обычно дает оценку отдельным статьям газеты и реже пытается давать оценку номера в целом.

Значительная часть работников редакции согласилась с "Красной звездой". Они указывали на перегруженность "Варьете" фактами, на потерю чувства меры и отсутствие серьезных авторских обобщений. А один из сотрудников откровенно заявил, что прочитав в статье описание эстрадного "фрейлин-нумера" ему захотелось сходить в варьете. Правда, сказав такое, сотрудник струхнул, так как знал, что посещение веселого места, каким было берлинское варьете, станет для журналиста последними часами его пребывания в Берлине.

Мало осуждать буржуазные нравы, надо, по меньшей мере, их сторониться. Критика "Красной звезды" помогла политическому росту сотрудников газеты.

Через некоторое время "Красная звезда" сообщила о нашем редакционном совете и о том, что на нем критика статьи "Варьете" была признана правильной и своевременной. На этом закончилась поучительная история с одним из выступлений газеты "Советское слово".

Послевоенное пребывание в Германии показало абсолютную необходимость глубокой идейной убежденности советского человека, посланного в чужую страну. Но и этого, оказывается, недостаточно. Требовались люди, вооруженные принципами социалистической морали. Отсутствие таких качеств оказывалось катастрофой для

отдельных людей. В некоторых случаях обанкротившиеся морально бежали в стан врагов, став презренными изменниками. Такие случаи считались чрезвычайным происшествием, и за каждое "ЧП" Москва строго взыскивала.

От подобных явлений можно избавиться только в дружном трудовом коллективе, душой которого являются коммунисты. Один наш автор, в совершенстве знавший немецкий язык и встречавшийся с немцами в быту писал, как трудно советскому человеку дышать чуждым воздухом, когда только и слышишь слова "мой дом", "мои вещи", "мои деньги". Журналисты "Советского слова" общались с немцами, но дышали и работали в условиях политически и морально здорового советского коллектива.

К оглавлению

Редакционные эпизоды

Хочется познакомить читателя с внутренней жизнью "Советского слова". О делах редакционных коллективов как-то не принято рассказывать. Коснусь лишь событий и фактов, в которых отражается специфический характер газеты и некоторые черты событий в послевоенной Германии.

Большинство работников "Советского слова" не видели родные места с начала войны, по шесть-семь лет, трудились в действующей армии и на территории стран, освобожденных от фашистского господства. В то же время "Советское слово" было призвано рассказывать своим читателям о трудовых успехах советского народа, о его духовной жизни. Не менее трети газетной площади отводилось информации и статьям о событиях на Родине.

Большинство выступлений газеты по вопросам социалистического строительства было на уровне требований читателя. Обнаружился, однако, существенный недостаток в статьях на эту тему. Он проистекал из того, что мы, журналисты, прошедшие войну, хотя и видели многое, но не всегда реально представляли последствия немецкой оккупации и трудности восстановления советской экономики. Этим можно объяснить ряд оплошностей в

газетных выступлениях, косвенным образом относящиеся к вопросу о репарациях.

В одном из номеров "Советского слова" появилась довольно солидная статья под названием "Разными путями". Автор рассказывал о восстановлении металлургических заводов Донбасса. В статье говорилось о многом, но ни слова не было о том, как немецкие оккупанты грабили "всесоюзную кочегарку", как разрушали и эксплуатировали металлургические заводы Украины. На редакционной летучке статья подверглась резкой критике, выступающие считали, что статья неправильно ориентирует читателей.

Действительно, каждый из нас был обязан помнить об ущербе, нанесенном нашей стране в годы немецкой оккупации. Обязаны об этом помнить все советские люди, работавшие тогда в Германии. Хотя бы уже потому, что от них во многом зависело выполнение репарационных поставок в Советский Союз, в том числе и в Донбасс. В этом вопросе успех приносил не только строгий бухгалтерский учет по репарациям, но и энергия тысяч и тысяч советских людей.

Нечто подобное рассказу о Донбассе мы допустили в другом материале. В начале 1949 года "Советское слово" опубликовало статью секретаря Курского горкома партии. Рассказывая о восстановлении многострадального города, автор так лакировал действительность, а нам так это понравилось, что о каких-либо трудностях послевоенной жизни Курска даже не упоминалось. Получалась картина, рисующая энтузиазм людей, восстанавливающих неизвестно кем разрушенный город.

Само собой разумеется, что не каждая статья должна сопровождаться напоминанием о последствиях войны. Высшую оценку заслуживало газетное выступление о трудовом энтузиазме советского народа, написанное по форме и содержанию так, что при чтении наполняло душу чувством радости и гордости. Одно из наиболее удачных выступлений связано с именем писателя Петра Андреевича Павленко.

Он посетил редакцию "Советского слова" в мае 1950 года. Поздоровавшись, сказал: "Что написать для вашей газеты, товарищ редактор?" Я знал, что он живет в Крыму и попросил написать о делах этого благодатного края нашей Родины. На следующий день на

редакторском столе лежал очерк "Крым и Кубань". До сих пор помню рукопись, написанную ровным, очень четким почерком, без каких-либо помарок. В век ручного типографского набора такую рукопись можно сразу же отсылать в типографию. Рукопись Павленко мы перепечатали, пропустили через корректуру, послали в набор и опубликовали. Под трехколонным очерком нарядно выглядело фото пальмовой аллеи Ялтинского ботанического сада. От редакции мы предпослали несколько теплых слов об авторе очерка и его творческих достижениях.

Советский патриотизм, писательское вдохновение пронизывали очерк П.А.Павленко. Такие выступления были необходимы, как воздух. Нельзя не сказать об "Американских очерках", написанных П.А.Павленко в тот период. Художник слова называл США "страной без целей и надежд". Высоким патриотическим чувством наполнены его слова: "Будь я негром, ни за что не жил бы в Америке. Впрочем, я не хотел бы жить в ней и белым".

Ссылка на "Американские очерки" воскресили в моей памяти один эпизод. В середине 1947 года в редакцию "Советского слова" зашел П.А.Павленко и известный кинорежиссер М.Э.Чиаурели. Зашли в ожидании полета в США с аэродрома Темпельгоф. Чиаурели выглядел мрачным и, скрестив руки за спиной, стоял у большой географической карты, долго и внимательно смотрел на очертания материков я ширь океанов.

- Почему Чиаурели такой мрачный и не отходит от карты? - спросил я у Павленко.

- Видишь ли, мы сегодня были на аэродроме Темпельгоф и разговаривали с американским летчиком "Дугласа", на котором полетим в Америку. Я спросил пилота, что случится с самолетом, если он будет вынужден сделать посадку в океане? И знаете, что он ответил? - Мы можем, - говорит пилот, - продержаться на воде минут двадцать. Этого времени вполне достаточно, чтобы выпить коктейль и проститься с друзьями.

- От таких слов старик Чиаурели загрустил, да и мне не особенно весело. Двадцать часов над океаном - не шутка. А что сделаешь? "Хозяин" сказал, чтобы мы летели в США, об отказе и не заикались.

Незадолго до своей смерти П.А.Павленко опубликовал очерк "Молодая Германия". В нем содержатся золотые слова: "С гордостью может сказать советский человек, что он - созидатель даже в стране, которую победил". Удивительно глубокое обобщение результатов труда посланников советского народа в Германии.

Приведу поучительный эпизод, связанный с газетными материалами на внутригерманские темы. В январе 1949 года немецкое агентство печати АДН прислало нам фотоснимок, сделанный в немецкой заводской столовой. Виден портрет К.Маркса и лозунг, призывающий к поддержке Социалистической Единой партии Германии. За столами сидят обедающие рабочие. Содержательный снимок, показывающий советскому читателю растущую сознательность немецких трудящихся, заботу об их питании.

После выхода газеты один из сотрудников редакции заметил, что на лозунге имеется еле-еле видимый текст на немецком языке. Велико было наше смущение, когда в своей газете мы прочитали на немецком языке, с помощью лупы следующие слова: "Тайна социализма в том, чтобы не господствовать над людьми, а управлять вещами. Прудон". Цитирование теоретика анархизма вывело меня из равновесия. Редактор обязан был знать работу К.Маркса "Нищета философии", в которой он обрушился на Прудона с уничтожающей критикой, после которой порвалась дружба между Марксом и Прудоном. Обязан знать и работу В.И.Ленина "Государство и революция", в которой дан бой мелкобуржуазным воззрениям анархизма, идущим от Прудона.

В моем дневнике по поводу случившегося записано: "Позорная ошибка. Стыд". Вряд ли кто из читателей заметил нашу оплошность, и она проскочила, как говорится, без последствий. Многозначительные выводы напрашивались сами собой. Наша политическая наивность заключалась во взглядах, будто к 1948 году все немцы уже стали марксистами, а рядом с портретом Маркса никак не может появиться цитата из произведений политического противника марксизма. На самом же деле, в первые годы после войны СЕПГ еще не была идейно сплоченной партией, в ее рядах имелись сотни тысяч бывших социал-демократов.

В редакционном кабинете, март 1949

Появление в немецкой рабочей столовой прудоновского тезиса можно объяснить следующим обстоятельством. В 1948 году еще не существовало самостоятельного немецкого государства, ответственность за развитие немецкого общества несли оккупационные власти. Могло же казаться некоторым немцам, что можно жить по Прудону - без центральной власти? Слова апостола анархизма, появившиеся в нашей газете, явились отражением подобных настроений среди немцев. Наша ошибка в том, что мы нарушили хорошее правило советских газет: не давать текст на иностранном языке.

Вторично мы "засылались" тоже по причине недостаточной бдительности. На четвертой странице "Советского слова" за 9 апреля 1949 года красуется огромное фото. Видны несколько немцев, сидящих за столами в кинозале. Перед каждым из зрителей стоит обеденная миска и стакан. В миске просматривается какая-то мутная жидкость, а в стакане - обыкновенная вода. Слева на фото можно видеть вход на кухню и очередь за обеденной порцией. Справа на фото видна афиша, призывающая немцев смотреть кинофильмы о хорошем и вкусном питании. Выше афиши виден киноэкран, на котором демонстрируются кадры, показывающие, как двое американцев с завидным аппетитом

едят гуся, начиненного яблоками, и заливают вином. На столике перед американцами множество таких яств, от которых присутствующим в кинозале зрителям приходится лишь облизываться.

Такое фото было опубликовано в журнале "Берлинер иллюстрирте", а мы сняли копию и тиснули в свою газету. Подпись дана по всем правилам боевой журналистики. Мы хлестко разделали американских оккупантов, которые в полуголодном Берлине показывают фильмы о пользе вкусной и жирной пищи, об их обжорстве и попытках побороть голод в Бизонии путем демонстрации кулинарных кинофильмов.

После выхода газеты в свет мне позвонили и почти шепотом сказали: товарищ редактор, фото в сегодняшнем "Советском слове" не является документом. Это - фотомонтаж, опубликованный немецким журналом в порядке первоапрельской шутки!

Трудно представить переживания редактора и других товарищей, причастных к публикации пожарного фотодокумента. На редакторском экземпляре "Советского слова" за 9 апреля 1949 рода сохранялась моя надпись: "Мы попались? Это был немецкий розыгрыш 1 апреля". Западная пропаганда поймала нас на удочку, и очень ловко.

Позднее мы узнали, что в буржуазной прессе существует "первоапрельская традиция", и в дальнейшем отказались от репродукции из немецких газет и журналов. Но, завершая историю о монтаже "Американские кинообеды", опубликованном в газете, то можно сказать, что и в шутке есть доля правды. Берлинцы в первые годы после войны питались действительно плохо. Мы, советские люди, считали кощунством высмеивать такое положение. Немцы же из "Берлинер иллюстрирте" смеялись над собой.

Дважды подводили нас фотографии, присылаемые немецким агентством печати. На одной из них показано поле, где немцы, судя по тексту к фото, снимают хороший урожай. После выхода газеты один читатель пожаловался заместителю Главноначальствующего генералу Дратвину, и мне пришлось покорно выслушать замечание. На фото виднелась какая-то трава, но только не "хороший урожай". На второй фотографии красовался Шумахер, лидер социал-демократов и ярый антисоветчик. В подписи мы клеймили Шумахера как отъявленного врага рабочего движения, а на самом-то фото он выглядел вполне

добропорядочным немцем. Злость в тексте никак не вязались с внешним обликом критикуемого.

Ошибки подобного рода допускались газетой, главным образом, в 1947 году, когда мы лишь осваивали особенности немецкой действительности. Позднее негативные эпизоды стали иметь иную основу. Например, в одной из статей о работе ныне широко известного вагоностроительного завода в Герлице, мы упомянули, что во времена фашизма на этом заводе, кроме обычной продукции, производили пушки "Фердинанд". Звонок в редакцию: раз производились пушки, то завод военный и подлежит демонтажу. Во втором подобном случае последовал второй звонок в редакцию. Никаких последствий два огреха не вызвали, поскольку дело происходило в 1949 году, когда западные державы открыто срывали демилитаризацию в своих зонах и не демонтировали даже чисто военные заводы.

Неприятный эпизод, связанный с работой союзной комендатуры Берлина, имел более серьезные последствия. В одной из корреспонденций мы нелестно отозвались о работе заместителя коменданта Берлина тов. Елизарова. Началось многодневное разбирательство, кто прав, а кто не прав. На это ушла уйма времени, которого у редактора всегда не хватало. Совершенно ясно, что мы допустили промах, взявшись за критику учреждения, находившегося под управлением четырех держав.

Один из руководителей САВГ как-то сказал мне: нельзя публиковать в "Советском слове" разносные материалы, подобно "Литературной газете". Он же сказал и другое: только радоваться бы каждому номеру газеты, если б не допускались промахи. Правильно, конечно. В моем дневнике сохранились записи, которых чувствуются натянутые нервы редактора. Сказать по совести, иногда охватывало чувство стыда и хотелось под любым предлогом скрыться от читателя, от сотрудников редакции и от начальства, уклониться от обсуждения номера на летучке. Обычно редактору об ошибке в номере сообщали в часы, когда ему еще положено спасть, а он вместо слов "с добрым утром" выслушивает недобрые вести.

Сейчас, когда события ушли в далекое прошлое, кажется, что жизнь редактора каждодневно переполнялась переживаниями из-за больших и малых недостатков в газете. В то же время почти каждый

номер "Советского слова", когда его в целом просматриваешь в день выхода в свет, вызывал чувство удовлетворения, восстанавливал веру в свои силы, забывалась бессонная ночь, а усталость сменялась новым приливом энергии.

Оживает редактор и от похвал в адрес газеты. А хвалили нас много - в Политуправлении СВАГ, на читательских конференциях, в письмах читателей. К счастью, мы избежали головокружения от успехов. На партийном собрании редакции в августе 1948 года представитель Политуправления СВАГ тов. Андреев очень обстоятельно и долго расхваливал газету. В прениях коммунисты Н.Писаревский и другие говорили о чрезмерной успокоенности достижениями, о явлениях зазнайства в коллективе, об отставании при освещении внутригерманских событий, о приверженности к старым формам подачи газетных материалов.

На партийных собраниях критике подверглись те, кто слишком часто ссылался на особые условия нашей работы. Особенно доставалось товарищам, считавшим ошибки и огрехи присущими всем газетам и незачем, вроде бы, шуметь по этому поводу. Действительно, особые условия и специфическое содержание газеты могли служить некоторым утешением, тем более что газету хвалили, и нам многое доверяли руководители СВАГ. Но сколько раз приходилось убеждаться, что малейшая самоуспокоенность, а тем более самодовольство, порождают, в лучшем случае, отставание газеты от жизни, а в худшем - провал журналистов. Гарантией от ошибок могут служить дисциплина и порядок в редакции, творческая обстановка в коллективе, инициатива сотрудников.

"Советское слово" издавалось в чужой стране и в такое время, корда возможности для проверки и уточнения текста были минимальные, а от журналистов и корректоров требовалось не только добросовестное отношение к труду, но и обостренная бдительность. Иногда обыкновенная буквенная опечатка давала иную политическую окраску газетной статье. В одной из заметок о выступления видного немецкого христианского деятеля говорилось, что он "взывал" к единству Германии. Редко употребляемый несовершенный глагол "взывал" превратился в слово "взвывал", и вместо призыва получился вой по какому-то поводу.

Нам удалось поймать за руку немецкого наборщика, отлично знающего русский язык, бывшего наборщика типографии в Петрограде и высланного оттуда в 1915 году. Он рискнул вторично нас подвести. В самом, пожалуй, ответственном слове, за правильным написанием которого внимательно следили корректоры и все работники редакции, немецкий наборщик выбросил одну букву. Если бы опечатка прошла в газету, то "греметь" бы многим из нас. Не знаю, "взывал" или "взвывал" наборщик, но больше ему не пришлось пакостить в советской газете.

Имелась ошибки и огрехи по вине наших сотрудников и никого больше. Не упоминаю сравнительно мелкие неприятности, связанные с неточностью цифр, неправильным наименованием географических пунктов. Но вот один дежурный по номеру, после моей подписи "к печати", решил сократить заголовок одной статьи по соображениям типографского порядка. В руководящей статье "Берлин экономически является частью советской зоны" дежурный решил сократить слово "экономически" и получилось, будто управляемый четырьмя державами Берлин является частью советской зоны. Допущенная неточность не вызвала каких-либо неприятных последствий, но весьма поучительна.

Никакие приказы и выговоры не избавят газету от ошибок и огрехов, если коллектив редакции не сплочен партийной организацией, если он не воспитывается в духе дисциплины и бдительности. В советской газете редактор, не опирающийся на коммунистов и не имеющий среди них авторитета, долго не протянет и провалится.

С горечью вспоминаю критический момент в жизни партийного коллектива "Советского слова".

Чтобы понять суть редакционного кризиса, следует иметь в виду, что три года работы в Карлсхорсте проходили под влиянием культа личности и невероятного преклонения перед именем Сталина. Я лично был верным "служителем культа". В одной из статей мы пропустили такую фразу: "Товарищ Сталин усовершенствовал тактику и теорию артиллерийско-стрелкового дела". Среди нас не нашлось человека, осмелившегося поставить под сомнение примитивную формулировку.

Влияние культа личности сказывалось на стиле наших статей. В 1947 году Советский Союз переживал огромные трудности, а мы

писали об успехах советского народа только в превосходной степени: "величайший", "богатырский", "блистательный", "совершеннейший", "первоклассный", "небывалый", "гигантский" и т.п. Убедительность высокопарных фраз не могла быть высокой. Если же мы писали о капитализме, то не придерживались доказательного тона. Считалось патриотичным, если стоящий на посту солдат комендатуры только и думал о родном Ленинграде, а не о выполнении своей боевой задачи.

В начале 1949 года культ личности и связанные с ним явления самым разрушительным образом подействовали на наш коллектив. 28 января 1949 года в "Правде" появилась редакционная статья "Об одной антипатриотической группе театральных критиков". Через несколько дней в "Советском слове" мы опубликовали статью, излагавшую историю вопроса о "безродных космополитах".

Напомню, что в советской печати группа критиков обвинялась в охаивании произведений литературы и искусства, в том числе получивших Сталинскую премию. В редакции началась стихийная дискуссия, проходившая даже в автобусах, на которых сотрудники ездили на работу. Некоторые высказывания шли вразрез с тоном центральной печати. О "Литературной газете" говорили, что она ведет "заушательскую критику", в частности, неправильно чернит "Двенадцать стульев" Ильфа и Петрова. Критиковали "Кавалера Золотой звезды" Бабаевского, "Кружилиху" Пановой и "Борьбу за мир" Панферова как произведения сырые, хотя и удостоенные государственной премии. Другие говорили: произведение литературы и искусства может нравиться или не нравиться читателю, и тут никакое давление сверху не поможет. Или: в газете держи правильную линию, а к космополитам относись, как тебе нравится. Исходя из такой позиции, один коммунист выражал сомнение в том, что театральные критики скатились в болото антипатриотизма. Доставалось ТАСС, про которое один наш сотрудник говорил, что оно - самое захудалое агентство в мире. Сейчас, конечно, про ТАСС никто так не скажет.

В Политуправлении СВАГ состоялось совещание, где обсуждалось положение в редакции. Партийное собрание редакции обсудило доклад В.Собко "О задачах пропаганды успехов советской культуры на страницах газеты и в коллективе". Докладчик, кроме всего прочего, говорил, что он беседовал с шестью коммунистами, и только

один из них мог объяснить, что такое космополитизм. В докладе и прениях досталось тем, у кого "личное мнение о произведениях литературы и искусства расходится с мнением партии". Раздался призыв поискать космополитов в нашей редакции. Сотруднику Коссаковскому несправедливо приклеили кличку "космополитский". Некоторые искали тех, кто пишет в статьях одно, а думает иначе.

Плачевные результаты обсуждения вопроса выяснились при голосовании резолюции, в которой назывались фамилии двух сотрудников "не сразу, понявших значение борьбы с космополитизмом". Не буду описывать картину горячих и нервных споров по резолюции. За ее принятие голосовало 13 коммунистов, против - 12. Партийный коллектив раскололся пополам, раскололся политически и, что еще хуже, по национальному признаку. Обсуждение итогов собрания на партийном бюро не привело к единству взглядов, хотя один из "космополитов", он же член партбюро, признавался в односторонности своих отзывов о произведениях литературы. Не было оснований обвинять его в антипатриотизме, а предложение о выводе его из состава бюро коммунисты отвергли.

Через многие годы эти события 1949 года можно объяснять объективными причинами, когда культ личности приучил к догматическому мышлению. Раз, мол, "Борьба за мир" отмечена Сталинской премией, какое может быть сомнение в достоинствах романа! А между тем, читая произведение Панферова, чесалась редакторская рука, настолько много сырых мест было в его произведении.

Говоря по-честному, казалось, что мои усилия по сплочению коллектива пошли прахом. Выступая на партийных собраниях, совещаниях и летучках я ставил целью сплочение коллектива, ибо, прежде всего, в этом заключался залог постоянного улучшения газеты. В годы войны мне удавалось успешно решать главную задачу редактора: личным примером трудолюбия, уважением к коллективу в целом и к каждому сотруднику в отдельности, заботой о сплочении коммунистов создать творческую атмосферу в редакции и делать нужную для воинов газету.

Пусть не создается впечатление, что в "Советском слове" мы день и ночь только и спорили о космополитизме. Это был эпизод.

Особенность редакционного механизма состоит в том, что он крутится непрерывно, даже в выходные дни. Рано утром десятки тысяч экземпляров "Советского слова" должны быть отправлены читателям, и любое недомогание любого из сотрудников не может сорвать выпуск номера. Сама редакционная жизнь в процессе хлопотливого и постоянного труда сглаживает разногласия, особенно наносные, не имеющие серьезных оснований. Редакционный кризис, разразившийся в марте 1949 года, мы преодолели удивительно быстро. Правда, произошли некоторые изменения в коллективе, но это делали за нас другие инстанции. К великому сожалению, в самое интересное время для работы над романом "Залог мира" Вадиму Собко пришлось уехать в Киев. Невозможно забыть этого литератора, хорошего коммуниста и душевного человека.

В заключение приведу эпизод, не имеющий, правда, непосредственного отношения к содержанию газеты и, скорее всего, показывающий особенность обстановки в Берлине. Это даже и не эпизод, а приключение литературного сотрудника газеты Якова Резняка летом 1947 года.

Яков Резник - неугомонный журналист. В 1946 году ему удалось в пражском издательстве "Свобода" выпустить повесть "Девушка с пражских баррикад" с предисловием З.Фирлингера, премьер-министра Чехословацкой Республики. В книге на целую страницу дан портрет самого автора повести. Яков Резник поведал мне о своем секрете.

В берлинской тюрьме Плетцензее находились нацистские преступники. Тюрьма, расположенная в английском секторе Берлина, охранялась Союзной комендатурой, когда каждая из четырех оккупирующих держав по очереди по одному месяцу охраняла Платцензее, наш предприимчивый журналист многое узнал о тюрьме, прежде чем предложить, прямо скажем, авантюрный план.

Было известно, что в Плетцензее в 1943 году казнили национального чешского героя Юлиуса Фучика. В архивах, хранящихся в тюрьме, имелось несколько папок, содержащих запись допросов Фучика и других чешских подпольщиков. Позднее я видел эти папки, сделанные по-немецки аккуратно - в плотных переплетах, пронумерованные и заверенные по всем правилам секретного

делопроизводства. Как же удалось Резинку достать папки, и почему я поддержал "тайную операцию"?

Ночью Яков Резник перелезал через высокую тюремную стену, встречался с работником архива, бывшим социал-демократом, забирал с собой одну папку, в ту же ночь фотографировал ее страницы, проявлял пленку, печатал снимки и той же ночью возвращал папку на прежнее место. В одну из таких ночей Яков Резник и рассказал мне о своей операции. Он попросил отпустить некоторое количество продуктов и денег на костюм для служителя тюремного архива. Просьба была выполнена: редактор распоряжался некоторой суммой "приемных", за счет которых имелась возможность угощать знатных гостей. В данном случае пришлось израсходовать несколько сот марок.

Все прошло хорошо. Яков Резник, имея несколько комплектов фотокопий следственного дела на Юлиуса Фучика, мог писать о Фучике художественное произведение. Однако Резник совершил просчет и поплатился за него. Вместе с фотокопиями он прихватил из папок несколько оригинальных документов. Один из них представлял гестаповскую справку на Фучика, на которой были прикреплены три его фотографии, снятые в разных ракурсах. Сквозь черную бороду просматривались знакомые черты молодого лица Юлиуса Фучика. Документы, конечно, не должны были попасть в частные руки, а со временем стать чешским национальным достоянием. Проступок Резника заметили в день его отъезда в Советский Союз, и в самый последний момент документы изъяли, а затем отправили в соответствующую инстанцию.

Документами о Фучике интересовались и чешские товарищи. В один из осенних дней 1947 года в кабинет редактора "Советского слова" явились два товарища и попросили помочь достать судебные документы на Фучика. После проделанной работы Яковом Резником мне оставалось лишь рекомендовать чешским товарищам обратиться по этому вопросу в Москву.

В декабре 1947 года, будучи в Праге, я разыскал товарища Штолла, старого друга Юлиуса Фучика. Из разговора со Штоллом я понял, что он готовит к изданию произведения Фучика и заинтересован в документах, о существовании которых я ему рассказал. Позднее Штолл стал видным историком Чехословакии, одно

время являлся министром культуры, и при его участии о национальном герое Чехословакии Юлиусе Фучике было издано большое количество книг, а также собрание его сочинений.

Сейчас, почти через 40 лет, мои действия, связанные с документами о Юлиусе Фучике, все же кажутся легкомысленными, но за давностью времени не подлежащими осуждению. Тогда, летом 1947 года, я не знал всех тонкостей оккупационного режима. Имя Юлиуса Фучика для меня было святым, и достать о нем подлинные документы было большим соблазном.

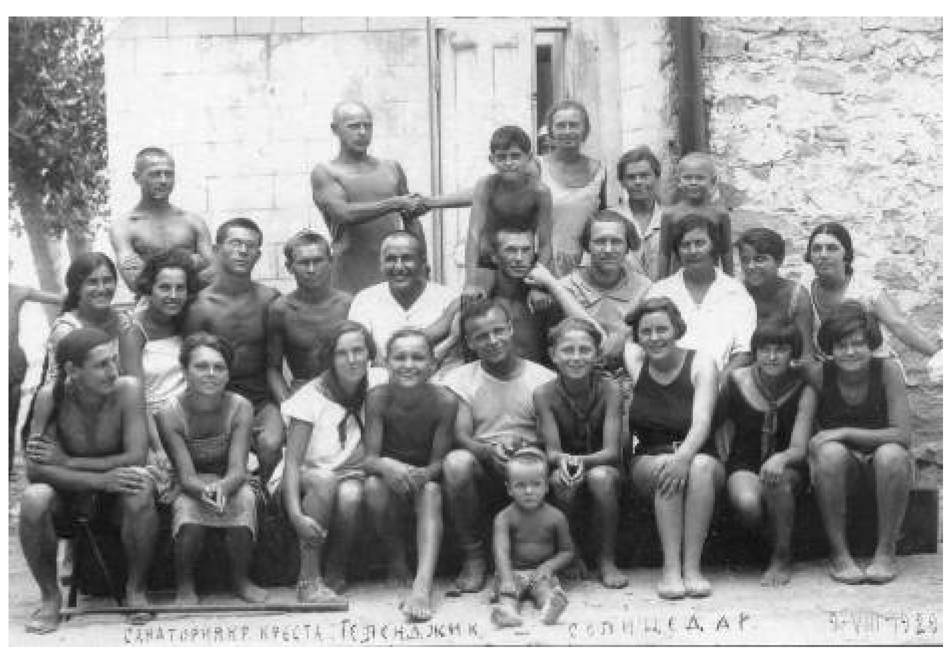
И еще один момент. Резник рассказал мне о гильотине в тюрьме Плетцензее, и о том, как за ее стенами расстреливали участников покушения на Гитлера. Много тайн хранила эта тюрьма, и их хотелось знать.

Вот, пожалуй, все наиболее интересное из событий редакционной кухни. Остается лишь завершить редакторские воспоминания обобщающим разделом, в котором были бы видны морально-политические факторы, движущие действиями советских людей, работавших в побежденной Германии.

К оглавлению

Дружба - Фройндшафт

Я отношусь к поколению комсомольцев 20-х годов. Святыми для нас были имена Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Мы знали, что родина основоположников научного социализма - Германия. Германская революция, Баварская Советская Республика, гамбургское восстание и другие события в жизни немецкого народа нам были известны. В комсомольском возрасте в сердце сложился образ Эрнста Тельмана. Многое забылось, но на всю жизнь сохранилась память о Кларе Цеткин, о том, как в конце 20-х годов она открывала первое заседание рейхстага. А в начале 30-х меня поражали огромного размера станки, произведенные в Хемлице, ныне Карл Маркс - Штадте, и смонтированные на Уралмашзаводе.

Немецкая делегация, санаторий Красного Креста "Солнцедар" в Ге-ленджике (9 августа 1929)

Как уже говорилось выше, мне пришлось познакомиться и подружиться с представителями немецкой молодежи. В 1929 году мне, московскому студенту, члену партии, поручили руководить немецкой молодежной делегацией в составе 16 человек. Это были рабочие ребята и девушки из Берлина, Гамбурга, Дрездена, Аахена, Франкфурта-на-Майне. В течение каникул мы с делегацией посетили Ростов-на-Дону, Новороссийск, Шахты, Геленджик и Подмосковье. На знаменитом Электроламповом заводе делегацию встречали с энтузиазмом. С немецкими комсомольцами беседовал секретарь Московского обкома партии. Немецкие гости буквально рвались на встречу с С.М.Буденным, но по уважительным причинам она не состоялась.

О немецкой дисциплине и организованности тогда было широко известно. Меня поражало знание немецкими комсомольцами нашей истории, событий, связанных с борьбой против троцкизма. Меня долго уговаривали что-либо рассказать о революционном времени. И ребята погасили огонь в общежитии, чтобы слушать мой рассказ об эсэровском восстании 1918 года. Несмотря на бедный багаж немецких слов, слушали меня все же в абсолютной тишине. А рассказывал-то я о

том, как уцепившись за мамкину юбку, плакал, когда моего отца, председателя сельсовета, восставшие хотели растерзать.

Мое отношение к молодым немцам формировалось под воздействием события, которое помню во всех деталях. В августе 1929 года, в ростовской гостинице состоялось собрание делегации, за несколько минут до отъезда на экскурсию в железнодорожные мастерские. Я рассказал гостям о знаменитой забастовке 1903 года, когда ростовские рабочие начали раскачивать устои русского самодержавия. Посоветовал поподробнее расспрашивать у рабочих о ходе забастовки и даже назвал вопросы, которые желательно задавать. После моего вступления дрезденский комсомолец Алекс Иоппе заявил нечто вроде протеста: мы, мол, приехали смотреть советскую страну своими глазами, а вы навязываете нам вопросы.

Небольшой конфликт разрешился к обоюдному удовлетворению. На площадке между цехами железнодорожных мастерских немецких комсомольцев окружили старшие рабочие и через переводчика вели беседу. К моей радости комсомольцы задавали и рекомендованные мною вопросы. Картина знаменитой забастовки 1903 года воскресла в простых рассказах рабочих. После возвращения в гостиницу Алекс Иоппе подошел ко мне, пожал руку и поблагодарил за настойчивость при ознакомлении с историей русского рабочего движения. Помню его слова: "Коля, ду ист каноне". Слово "каноне" - душка - я принял как комплимент за правильную организацию экскурсий. Вообще меня поражала высокая политическая грамотность Алекса Иоппе. Неслучайно он оказался председателем на московском пионерском конгрессе в августе 1929 года.

Руководитель делегации из Германии Н.А.Бубнов в костюме "юнгштурм" (август 1929)

Рассказанное о немецкой молодежной делегации совершенно неожиданно воскресло в памяти уже после войны. Замечу, что моя переписка с членами делегации продолжалась до 1934 года, я получил даже экземпляр подпольной газеты "Роте Фоне", отпечатанной на папиросной бумаге. Нацистский террор прервал наши связи, а война, казалось, рассеяла все воспоминания о годах, когда между советским народом и немецким рабочим классом укреплялись интернациональные связи.

Почти через 30 лет после окончания переписки с моими друзьями 1929 года, когда отношения Советского Союза и ГДР перешли в фазу устойчивой дружбы и сотрудничества, а в нашем сознании исчезло недружелюбное отношение к немцам, мне пришла в голову мысль о поиске участников той немецкой молодежной

делегации. К сожалению, такая мысль не осенила меня в те годы, когда я работал в Берлине. Так или иначе, но лишь в 1962 году я запросил Центральный Совет Свободной Немецкой молодежи по интересующему меня вопросу.

Вот передо мной ответ от 15 февраля 1963 года за подписью Эгона Эрлиха. Он сердечно отблагодарил за письмо, но сообщил, что документы о поездке немецкой делегации в Советский Союз, по-видимому, безвозвратно пропали. Из фамилий, которые я назвал в письме, Центральному Совету СНМ удалось узнать лишь об участнике делегации Вилли Каспере, да и тот, оказалось, умер в 1932 году. Вилли был сыном видного немецкого коммуниста, депутата прусского парламента. Вилли, белокурый, очень красивый, бодрый и энергичный юноша, казался мне убежденным молодым коммунистом, хотя в 1929 году ему едва ли минуло 17 лет.

Позднее мне сообщили, что в Западном Берлине в районе Нойкельн работает некая Хильда, участница делегации 1929 рода. Я рад, если это та Хильда, которую мы всегда посылали на самые большие собрания, где она, будучи прекрасным оратором, поднимала своими речами молодежный энтузиазм. Хильда запомнилась мне и по другому поводу.

В августе 1929 года в делегации возник внутренний конфликт. Для примирения сторон пришлось пригласить Макса Гольца, видного немецкого коммуниста, жившего тогда в Москве. Конфликт он не разбирал, комсомольцы его обнимали, целовали, говорили что-то о немецких делах, и пустяковые распри внутри делегации были забыты, а Хильда, "виновница" конфликта, опять горячо выступала на митингах и собраниях.

Все сказанное может объяснить встречу с Карлом Янке. Симпатичный молодой человек появился в моей квартире в октябре 1963 года. Он оказался научным сотрудником из Грейфсвальдского университета, историком, исследующим юношеское движение Германии. Представитель нового поколения немецкой интеллигенции произвел на меня хорошее впечатление. В разговоре я почувствовал глубокое уважение Карла Янке к советскому народу, к тем, кто внес вклад в германо-советскую дружбу. Поэтому не только с радостью

поделился воспоминаниями, но и передал сохранявшиеся у меня документы о немецкой молодежной делегации 1929 года.

Карлу Янке наши отношения пришлись по душе. С Новым, 1964 годом, он меня поздравил такими словами на русском языке: "Дорогой тов. Бубнов! С новым годом я желаю Вас всего хорошего и Вашу жену здоровье". Мое ответное поздравление на немецком языке тоже, вероятно, не выглядело грамотным. Но в дружбе подобные недостатки не приходится ставить в упрек.

Позднее Карл Янке прислал мне иллюстрированную книгу, посвященную слету молодежи в Берлине. И что особенно приятно, на книге имелась благодарственная надпись: "Нашему другу!" Получил я и книги по истории юношеского движения в Германии, о бухенвальдском памятнике и другие подарки с надписями: "От ваших немецких товарищей".

Подарки и поздравления моего немецкого друга я сохраняю. Показывал своим внукам - пусть знают, что в моих архивах хранятся материалы об интернационализме их предков. Пусть знают, что в одной из книг Карла Янке упоминаются имена советских товарищей, помогавших ему по крупицам собирать сведения о молодежном движении в Германии, в том числе и мое имя.

С Карлом Янке мы люди разных поколений и разных судеб. О минувшей войне он сохранял лишь детские впечатления, а наше поколение пережило все тяготы войны. Наше сближение можно объяснить великим чувством социалистического интернационализма, на основе которого коммунисты всех стран воспитывались и раньше, воспитываются и теперь. Мой немецкий друг чем-то существенно отличается от молодых коммунистов 20-х годов, от Вилли Каспера, Руди Зоммерфельда, Алекса Иоппе и других членов делегации 1929 года. То поколение немецкой молодежи было свидетелем крушения дружбы двух народов, поколение Карла Янке воссоздавало дружбу. Немецкие историки, вероятно, еще многое напишут о том, как и почему происходили переломы в советско-германских отношениях.

Иногда в сознании промелькнет вопрос, почему высокие инстанции послали меня редактором "Советского слова", может моя работа от имени Коминтерна молодежи в 1929 году им была известна? Не знаю, но от себя скажу, что после войны, после многих лет

антифашистской пропаганды и воспитания ненависти к оккупантам у меня, может быть, быстрее, чем у других, восстановилось доверие к немцам. А без доверия никакой дружбы не создашь.

Лицо "Советского слова" определялось с самого начала существования газеты: мы последовательно и каждодневно выступали за дружбу между советским и немецким народом, в этом духе воспитывали советских людей, работавших в Германии.

На наших глазах создавалось Общество германо-советской дружбы. В середине 1947 года оно насчитывало около 100 тысяч членов, а через год увеличилось дочти в 10 раз. На предприятиях "Агфа Вольфен" из 10 тысяч рабочих и служащих около половины вступили в общество. Создавались группы Общества на машинопрокатных станциях и в деревнях. "Советское слово" придавало большое значение деятельности Общества дружбы, много о нем писало. В одном из номеров газеты мы предъявили претензии к советским товарищам, работавшим в комендатуре города Дессау. Упрекая их в том, что очень редко выступают перед членами Общества дружбы, предоставлявшем большие возможности для пропаганды успехов Советского Союзами, его внешней политики.

Немецкая делегация в подмосковном доме отдыха (1929): В первом ряду девочка в галстуке - Эллен из Аахена, рядом - Алекс Иоппе из Дрездена, Вилли Каспер и Руди Зоммерфельд из Берлина. Слева стоит Гельмут из КИМа, негр, Герберт из Берлина, Люция из КИ,

Хильда из Нейкельна. Справа от руководителя делегации Николая Бубнова (стоит второй справа) - Грета из Берлина.

Накануне первомайских праздников 1950 года "Советское слово" опубликовало добрые пожелания немецким трудящимся от многих знатных людей Советского Союза. Они высказывали чувство удовлетворения успехами тружеников ГДР, желали новых достижений в социалистическом строительстве.

В начале июня 1950 года проходило торжественное заседание по случаю передачи берлинского Дома культуры СССР в ведение немецких организаций. Запомнилась яркая речь Отто Гротеволя, посвященная значению культуры и обмену ее достижениями. На собрания вручались ценные подарки большой группе немецких и советских работников Дома культуры. Факт передачи советского культурного учреждения в ведение немецких властей расценивался как свидетельство крепнущей германо-советской дружбы.

Шли годы и десятилетия. Воспоминания о 1929 годе стали забываться, хотя повстречай я кого-либо из немецких комсомольцев того времени, наверняка бы прослезился. От горя и невзгод не ронял слез, а от такой радости пустил бы слезу без всякого стыда. Ушли в далекое прошлое и годы, когда мы работали в Германии на правах победителей. Настала пора полного равноправия и прочной дружбы между двумя народами.

В 1965 году в берлинской газете строителей "Дер Бау" я выступил уже как автор. Статья называлась "Наш общий праздник" и посвящалась 20-летию со Дня Победы. "Когда-то, - говорилось в статье, - немецкие строители возводили подземные военные заводы, оборонительные сооружения, стратегические дороги. Когда-то сотни тысяч бывших каменщиков и плотников, столяров и маляров не строили, а разрушали ими же построенное, будучи призванными на фронт, а самое страшное - убивали людей и уничтожали чужое добро". Далее говорилось о том, как далеко народы ушли от тяжелых дней разрушительной войны, и как много сделано, чтобы не допустить новый военной поход с немецкой земли.

Газета "Дер Бау" сопроводила статью очень удачной фотографией, на которой запечатлены улыбающиеся лица советских

воинов и молодых немецких строителей химического гиганта в районе города Шведт. В этом небольшом, разбитом войной городишке мне пришлось побыть несколько часов в связи с ремонтом автомашины. Тогда, в 1950 году, недалеко от города, в пойме Одера, еще стояли подбитые танки и лежали незахороненные человеческие кости. Теперь химкомбинат в Шведте высится ,подобно памятнику советским воинам, павшим при форсировании Одера в районе города Шведт.

Чувство крепнущей германо-советской дружбы хорошо выразил Иоганнес Дикман, статья которого публиковалась в "Правде" в 1960 году. Мне запомнился этот высокий, строгий и пунктуальный первый председатель Народной палаты ГДР и председатель Общества германо-советской дружбы. Иоганнес Дикман писал в "Правде" о том, что Германская Демократическая Республика при первых шагах по социалистической целине нашла великого учителя - СССР, и получила неоценимую помощь от Советского Союза.

Насколько я знал, Дикман являлся беспартийным политическим деятелем. Его слова о Советском Союзе как о "великом учителе" и о "неоценимой помощи" звучали убедительно. Его взгляды на дружбу с советским народом совпадали с убеждениями руководителей Социалистической Единой Партии Германии.

В 1971 году руководитель СЕПГ Вальтер Ульбрихт с трибуны XIV съезда КПСС заявил: "Славный советский народ и народ социалистической Германской Демократической Республики уже давно связаны узами подлинной дружбы и братства, и в братском единении идут одним путем".

На XVI съезде КПСС Эрих Хонеккер произнес замечательные слова: "Наши партии, государства и народы - надежные союзники, соратники, друзья. Этот братский союз - фундамент наших успехов".

Дружба между советским и немецким народами ныне покоится на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного в октябре 1975 года. Перспективы сотрудничества СССР и ГДР Договором намечены на длительный период.

Остается в заключение сказать, что существование "Советского слова", как и вообще органов оккупационного режимам прекратилось вслед за созданием и укреплением социалистического государства в восточной части Германии. Слово "дружба", а по-немецки

"фройндшафт" отражает великие победы социализма, его великое будущее, широкие и устойчивые отношения между двумя социалистическими государствами.

Радостно сознавать, что в создание фундамента дружбы внесла свой вклад и газета "Советское слово".

К оглавлению

Андрей Савельев

Русские записки

Русский политик о Германии и немцах

Депутат едет в Европу

В 1992 году в мире, особенно в Европе, еще сохранялся интерес к России, и еще не все знали, что горбачевская перестройка уже давно закончилась, и ей на смену пришла самая настоящая либеральная тирания. В Германии многие знали, что наша страна переживает трудности, но относили это не к тотальной коррумпированности властей, а к трудностям переходного периода. России сочувствовали и хотели помочь простым людям перенести галопирующую инфляцию, после которой ожидалось всеобщее благоденствие и присоединение осчастливленной демократическими ценностями России к буржуазной Европе с ее общечеловеческими ценностями.

В то время я был депутатом Моссовета (Московского совета народных депутатов) и знал о подоплеке "реформ" очень много, прямо сталкиваясь с поразительным бесстыдством на всех этажах власти, заполненной гремучей смесью прежних чванливых бюрократов и новых – предельно наглых и подлых – искателей удачи, взявшихся за солидное вознаграждение помочь старой коммунистической номенклатуре обменять свои идеалы на собственность.

Мне как депутату не слишком часто доводилось выступать на сессиях Моссовета – я не стремился к микрофону, испытывая отвращение к тем, кто мог говорить на любые темы и по любому поводу, запальчиво отстаивать свои взгляды, не понятно на чем основанные. Но все же, когда особенно тошно становилось на душе, шел на трибуну. Такого рода выходы – в особенности, когда мне довелось публично отказывать в доверии любимцу либеральной публики мэру российской столицы Гавриилу Попову – заставили некоторых моих коллег-депутатов запомнить молодого человека, которому тогда только стукнуло 30.

Вероятно, именно это объясняет, почему Валентин Петрович Иваненко, мой коллега по Моссовету, с которым мы до этого момента не были тесно знакомы, предложил мне присоединиться к делегации, которую он намерен был отвезти в Германию. Мне, никогда не бывавшему за границей и не предпринимавшему ни разу никаких усилий, чтобы восполнить этот пробел за счет своего депутатского статуса, такое предложение показалось просто подарком. Тем более что приглашающей стороной была Социал-демократическая партия, ее баварское отделение. А я как раз завершил свои дела в Социал-демократической партии России, сильно разочаровавшись в тех, кто составил московскую организацию СДПР. Я покинул эту партию в связи с тем, что там был полный идеологический тупик – никто не понимал ситуации в России и не хотел создавать национальную модель хозяйственного и политического устройства, хоть в чем-то противоречащую достаточно убогим принципам, которые возвещали Ельцин и его приближенные. Я уже знал, что они мерзавцы и воры. Шанс понять, почему социал-демократия в Германии благоденствует, а у нас служит скорее посмешищем, мне показался очень соблазнительным. Так, я надеялся соединить приятное с полезным и хоть раз приобщиться к всеобщей мечте молодых людей того времени – посмотреть мир. Только став старше, я понял, что все это пустое любопытство, а социал-демократией можно назвать все, что угодно – от вполне сносных программ национального развития до сущей мерзости.

Поездка в Германию даже для депутата представительного органа столицы России тогда была почти неосуществимой мечтой. Особенно для тех, кто выступал против московской бюрократии и разворовывания городской собственности и бюджета. В Германию мы ехали вовсе не потому, что кому-то в московской мэрии это было нужно. Мы отправились туда вопреки обстоятельствам. И вот как невероятное стало возможным.

Все началось с того что в Москву стала поступать гуманитарная помощь из разных стран. Особенно из Германии, которая еще находилась в эйфории от объединения, о котором немцы и не мечтали и восприняли это событие как подарок от России, от ее новых руководителей. Россию любили именно за то что она позволила

немцам снова жить в едином государстве. И сочувствовали нашим проблемам, выражая это в посылках гуманитарной помощи.

В это время еще не известная мне Людмила Водопьянова работала в баварском городе Байройте. Как-то раз она зашла в обувной магазин, присмотреть себе сапоги. Цены были высоки, и подруга Людмилы в сердцах сказала хозяину: "Дама из России. Неужели нельзя отдать подешевле?" Хозяин неожиданно предложил: готов отправить в Россию 200 пар таких сапог, если дамы и господа обеспечат доставку. С этого материального взноса все и началось. Потом помощь многих людей скопилась в виде объема, подъемного только самолету. Этот груз, в конце концов, и был прислан на имя депутата Моссовета В.П.Иваненко. Усилиями его и его помощников груз постепенно был распределен по всем категориям малоимущих того района, где проживали избиратели нашего депутата.

Поскольку к благотворительной акции имела прямое отношение супружеская пара Георга и Лоры Штихт, тесно связанная с СДПГ и его баварским руководством, Валентин Петрович получил от этой партии предложение сформировать группу депутатов в 10-15 человек для участия в семинаре по системе социальной защиты ФРГ. Предложение было с радостью принято, и делегация сформировалась. По одному ему ведомым принципам Валентин Петрович выделил из многочисленного депутатского корпуса тех, кого он посчитал достойными поездки в Германию.

Тогда в депутатский корпус просочилось немало форменных идиотов и горлопанов, но немало и приличных, вдумчивых и совестливых людей. Депутату Иваненко было из кого выбирать – приличных людей вокруг имелось предостаточно, численность Моссовета составляла без малого 500 человек.

Группа сформировалось, и оставалось только преодолеть формальности. Здесь оказалось, что это "только" и есть чуть ли не самое главное, чтобы группа депутатов выехала за границу.

Прежде всего, документы на выезд сами собой не оформлялись. Даже при наличии всех необходимых бумаг процесс их прохождения через инстанции нужно было все время подталкивать. И депутат Иваненко тратил на это немало времени. Если бы не его способность воздействовать на чиновников планомерным напором, все бы

провалилось. Существовал риск просто не получить загранпаспортов. Потому что бюрократии выезд депутатской делегации был совершенно не нужен.

Следующий камень преткновения – командировочные. Надо сказать, что тогда никто из нас в глаза не видел иностранной валюты. И залежей ее у себя дома обнаружить не смог бы. Цена валюты в условиях фантастической инфляции была тоже фантастической. Купить ее мы были не в состоянии даже на депутатские зарплаты. А без этого невозможно было обеспечить наш маршрут движения билетами. Дело в том, что неписаные правила таких поездок гласят: принимающая сторона обеспечивает все, кроме билетов до места назначения. Вот на эти билеты нам и нужна была совершенно смехотворная для городского бюджета сумма. В наших карманах ее не было. Оставалось надеяться на официальные командировочные.

Оказалось, что у Моссовета никаких средств нет вовсе. Валюты у него никогда и не было, а при необходимости депутаты всегда побирались в мэрии. И вот это обстоятельство мы внезапно обнаружили – необходимо было идти на поклон к нашим политическим врагам.

На городской валюте "сидел" бывший комсомольский босс, а в тот момент –министр правительства Москвы по внешним связям Иосиф Орджоникидзе. Он сразу как отрезал: могу послать в Германию только троих. Денег нет.

Хорошо, - говорим мы, - мы отказываемся от командировочных, и вся оплата пребывания в ФРГ будет только за счет принимающей стороны. Пусть все средства, которые мы получим, пойдут только на билеты. Мы готовы ехать в Германию без гроша в кармане.

Чтобы убедить Орджоникидзе пойти на этот шаг, пришлось провести ряд челночных рейдов от него к председателю Моссовета Николаю Гончару и обратно. В конце концов, Орджоникидзе согласился дать нам искомые 600 долларов. Но тут же снова нашел повод, чтобы отказать.

Дело в том, что избранный нами маршрут означал, что мы едем поездом до Праги, а оттуда на электричке. В мэрском управлении внешних связей это показалось неслыханным. Своих они отправляли исключительно самолетом. Очень долго пришлось объяснять, что,

несмотря на частичную оплату маршрута в валюте, так обходится дешевле. А выдавать нам еще хоть сколько-нибудь денег для покупки авиабилетов никто и не собирался.

В конце концов, Валентин Петрович пошел к Гончару и поставил вопрос ребром: кто в доме хозяин? Наш случай отличался тем, что был подкреплен официальным решением Президиума Моссовета: делегацию направить. Гончар с мукой на лице взял телефонную трубку и сказал Орджоникидзе: "Ну, дай ты им денег в последний раз!" На том конце трубки чинуша просто устал куражиться, поняв, что депутатская назойливость вряд ли прекратится, если снова найти повод для отказа. Так, все условия для нашей поездки сложились буквально за сутки до даты отбытия, которая оставалась неизменной, поскольку пунктуальные немцы не могли перенести семинар – были заказаны гостиницы, номера, тщательно подготовлена программа поездок по Баварии.

К оглавлению

Путь в Баварию

Жена собирала мужа. Были тщательно допрошены все близкие родственники и собраны все свободные деньги для обмена рублей на марки. Состоялась целая история, когда "по знакомству" обмен состоялся 1 к 100. В то время, когда "без знакомства" можно было провести ту же операцию по курсу 1 к 80. Потом в чемодан были загружены 4 бутылки водки, 4 банки с икрой и блок сигарет – в расчете, что все это можно будет сбыть, а на вырученные деньги купить что-то полезное для семи.

Объяснять, что депутату негоже превращаться в торговца, было бесполезно. Да и не было в то время такого отношения к себе, будто ты пуп земли и живешь особой жизнью – так, что тебе не к лицу использовать те возможности, которые, вне всякого сомнения, использовал бы любой гражданин, выезжающий за рубеж. Кроме того, товарный запас был единственным страховочным средством на случай непредвиденных обстоятельств. Денег-то у нас практически не было - разве что на разовый обед в дешевой столовой.

Потом оказалось, что в чинной и упивающейся благополучием Баварии просто нет мест, где этот русский товар можно было бы "толкнуть". Или же нам такие места не попадались. Поэтому почти весь запас вернулся в Москву – за исключением одной бутылки, которая ушла как презент добронравным хозяевам, пригласившим нас. Честно говоря, можно было и остальное отдать в виде подарков, но тогда моя поездка выглядела бы как беспардонная растрата семейного бюджета. В конце концов, эти бутылки и банки не принадлежали мне. Они вернулись к родителям жены с извинениями, что для них ничего не удалось купить. Покупать просто было не на что.

Занятно, что нашему коллеге Андрею Серафимовичу Сорокину не удалось продать более ценный товар – набор советских юбилейных рублей, составленный по годам чеканки в специальном альбоме. В Баварии готовы были купить только пару экземпляров из коллекции, а такую операцию нумизмат не мог допустить - она обесценивала остальную часть его собрания.

На обмененные марки родственники предложили мне отыскать редкостный по тем временам видеоплейер, а если хватит денег, то купить два. Мы наивно думали, что все это должно стоить очень дешево, рассчитывая на цены "желтой" сборки. В Баварии такого товара просто не было. Я заходил в магазины с видеотехникой и нигде не видел видеоплеер дешевле 250 марок. Мне же предлагалось найти устройство не дороже 80-90. Так что и здесь меня постигла полная неудача.

Полтора суток до Праги – довольно изнурительное путешествие. Вынужденное безделье депутаты покрывали разговорами о работе, чтением и шахматами – в перерывах между приступами сна, которого в обычном рабочем режиме всегда недостает.

На границе проверяющие документы чиновники предложили нам с Василием Олеговичем Некрасовым поменяться паспортами, чтобы проверить, насколько бдительны солдаты, глядящие на фотографии и лица владельцев паспортов. Они могли перепутать наши бороды – светлую и темную. Не перепутали. Их командир был доволен.

Шахматным королем у нас оказался Андрей Серафимович, который всю дорогу туда и всю дорогу обратно разбивал каждого, кто садился с ним играть, в пух и прах. Особенно усердствовали в

попытках переиграть Сорокина наш младший коллега Дмитрий Шахов и полковник Жуков Александр Сергеевич.

Я давно отвык от шахмат – еще со студенческих времен, когда дополнительное напряжение на голову казалось просто издевательством над самим собой. И не лез соревноваться. Лишь на обратном пути я попытался потягать со своим старшим тезкой и даже имел большой успех в середине партии. Но мастерство взяло свое, и я проиграл.

Когда мы уже жили в замке Шнай, переделанном под образовательный центр, Андрей Серафимович шутливо предложил немцам организовать шахматный матч между нашими и их депутатами. Хозяева восприняли это предложение очень близко к сердцу и по-своему. В один из вечеров привезли в замок сборную городского шахматного клуба. Мы проиграли все партии. Лишь на первой доске Андрей Серафимович долго не сдавался. А мне достался в пару молодой немец, который два раза очень быстро меня обыграл – мои фигуры таяли сами собой, и я только пожимал плечами: "кажется, мой профессионализм проявляется в других сферах".

В Праге нам удалось пройти лишь по одной из центральных улиц, прилегающих к вокзалу. Потом мы сели в комфортабельную электричку и отправились в направлении германской границы. С занятых по российским традициям свободных мест нас согнал контролер. Оказалось, что наши билеты не прокомпостированы. Нам пришлось со всем скарбом перебраться сначала в коридор, а потом в пустой вагон, на который нам указали студенты из США. С ними нам удалось сносно объясниться.

Комфорт поездки в сияющей чистотой электричке заставлял вспомнить наши заплеванные и переполненные пригородные поезда. Низкая концентрация комфортных условий связана, конечно, с нашими просторами – на единицу площади у нас приходится значительно меньше затрат. Вот и выходит, что Россия сравнялась бы с Европой, если бы ее удалось сжать (именно сжать, а не обрезать) до размеров этого полуострова. Если же нам Богом положено жить в великой державе размахом в континент, о комфорте приходится лишь мечтать. Каждому свое.

На этот раз граница прошла для нас почти незаметно. Здесь никто не собирался тщательно вглядываться в паспорта. Тогда еще поток мигрантов из постсоветского пространства отсутствовал – ни у кого не было денег на поездку, да и напряжение социальных и межэтнических конфликтов еще не набрало такую силу. Поэтому границы были почти открыты. Паспортная служба проштамповала наши документы, кажется, даже не взглянув на фотографии. Мы почувствовали, что нас по виду уже определяют как приличных людей.

К оглавлению

Германская провинция

Мы выскочили из электрички на нужной нам станции, нервически перебросав из вагона на платформу массу своих вещей. И тут же были встречены толпой радушных немцев, которые нас ждали в определенный немецким порядком час.

Первое мое впечатление от высадки в Германии – чистый воздух, зеленая травка и безлюдье на станции. Разительный контраст с нашими пригородными платформами, где в чистой одежде надо быть очень внимательным, чтобы не испачкаться, в воздухе висят запахи мазута и мусора, а люд толкается густыми массами.

Все мы легко поместились в два микроавтобуса. За рулем нашего сидела Мария Хебарт – жена местного протестантского пастора, принимавшего живое участие в организации нашей поездки. Она виртуозно вела машину, успевая разговаривать с нами на английском языке, которым большинство из нас хоть как-то владело.

По пути следования всюду мелькали черепичные крыши. Все организовано и выглядит как на рекламном проспекте – четкие границы, означающие конец леса и начало поля, конец поля и начало поселка. Нигде зарослей дурного кустарника, абсурдных бетонных заборов и разбитых проселков, разбегающихся от российских трасс во все стороны.

Я удивлялся, зачем используют черепицу? Даже сараи крыты черепицей. Ведь очень сложный материал. И тяжелый для крыши – нужна мощная кровля. Оказалось, что дело вовсе не в долговечности, а

в экологии. С крашеных, жестяных, шиферных крыш стекает уже испорченная вода, а с черепичных – чистая. Раз уж выбрали черепичный вариант, приходится соответственно усиливать всю конструкцию. И немцы любовно сохраняют древнюю технологию фахверков – мощных брусов, составляющих каркас здания, и переплетенных дополнительными наклонными подпорками.

Это первое ощущение порядка в организации жизни Германии было в дальнейшем укреплено пешими прогулками. В глухой провинции вдоль безупречной и совершенно пустой дороги – велосипедная дорожка, среди поля у дороги – ладная скамеечка под черемухой, установленная как будто специально для разговоров о философии или для интимных свиданий.

Строгое правило: всюду бордюр отсекает проезжую часть от прохожей, а пешеходные дорожки - от газонов и поля. Свободной земли для вытаптывания и развезения грязи не остается – либо трава растет, либо асфальт лежит. Поэтому нет пыли. У нас же и пространство не дает возможности всюду положить твердое покрытие, и трава более вялая в силу жесткого климата. Тут и зимой трава не умирает, а у нас она должна пробиться к солнцу из оставшихся после зимней стужи корней. Если не успевает – ее вытаптывают.

Улицы баварских поселков почти всегда безлюдны – здесь нет привычки шляться после работы. Часов в шесть уже все стихает, в 10 вечера окна гаснут. Гулянка предусмотрена только по праздникам. Никакой толкотни, суеты, потных тел, толпами трущихся друг о друга.

Каждый кусочек древности сохраняется, сносить ничего нельзя – даже простой кусок замшелой кирпичной кладки. В Лихтенфельце у такой стены в щель между камнем и мостовой были посажены веточки разных растений. На каждой – бирка с названием.

Замок Шнай, где мы разместились, вовсе не похож на замок. Никаких стен с бойницами тут нет. Просто ряд старинных зданий переделан для проживания участников разного рода семинаров и их обслуживания. Никаких заборов, как это принято у нас, нет.

Номера нам выделили одноместные. Мне достался номер под крышей – очень уютный. Белье здесь меняли каждый день. Если прохладно, можно самому отрегулировать температуру батареи. В ванной – вентилятор, работающий до того момента, пока влажность не упадет до нормы. Ничего подобного в советской действительности мы не знали и воспринимали диковинки быта почти с благоговением.

Нашему депутату Некрасову – художнику по профессии – отвели специально такой номер, чтобы он мог заниматься живописью. И он нарисовал несколько милых акварелей с заранее отработанным русским сюжетом. Эти простенькие пейзажи с заснеженными хатками произвели на немцев очень большое впечатление. Когда Василий Олегович подарил одну из картин главному организатору нашего визита Вальтеру Энгельгарту, тот просто потерял дар речи от восторга.

Профессия Василия Олеговича обусловила повышенное внимание немцев к его недомоганию – болям в плече. Ему постоянно повязывали медицинскую косынку, поддерживающую руку, и при любом удобном случае сочувствовали.

Столовая в замке была в отдельном здании, куда мы чинно собирались каждое утро, а потом нас везли по маршруту, заранее назначенному программой визита.

В замке мы только спали, завтракали и, если приезжали не поздно, ужинали. Вечернее время мы использовали для общения между собой. И у нас не было времени, чтобы при свете дня рассмотреть окружающий поселок. Лишь пару раз мы с Василием Олеговичем, разговаривая, добредали до той самой скамейки в поле и вдыхали аромат черемухи, придающий философской беседе особый привкус.

В течение визита мы осмотрели множество производств – социал-демократия хвасталась своими связями с профсоюзами и людьми труда. На станции скорой помощи нам как-то показали гараж, в нем – набор канистр и инструмента. И белая простыня на верстаке. Никакой грязи, никаких масляных пятен и замызганных роб.

К оглавлению

Немного политики

Одним из поводов для совмещения приятного с полезным был мой интерес к послевоенным реформам в Германии и к политике Людвига Эрхарда, о которой в России было известно по недавно вышедшему переводу его книги "Благосостояние для всех". Только много позже я узнал, что Эрхард был гедонистом, сибаритом и не особенно занимался экономикой. За него делали реформу совершенно другие люди, а сам Эрхард скорее был американской марионеткой, сходной с нашим Ельциным – ему бы глаза залить и сладко закусить, а жизнь пойдет своим чередом. Но тогда я хотел узнать, как оценивали эти реформы сами немцы. В один из вечеров, который мы коротали на лавочках у местного протестантского храма, я пристал к господину Вернеру с расспросами. И с удивлением обнаружил, что он вообще ничего не знает – помнит только фамилию послевоенного канцлера (после Аденауэра). Кажется, немцы не особенно склонны исследовать свою историю. Через много лет я узнал, что им даже упоминание имени Гитлера доставляет муку, и если уж без упоминания его имени совсем нельзя, называют лидера нацистской Германии "мистер Ха".

В Мюнхене, куда пришлось ехать очень долго, мы попали на заседание земельного парламента. Депутатов – человек 200. Понять, о

чем толкуют немецкие политики, было трудно. На трибуне оказалась молодая и высокая дама с резким голосом. Оказалось, что ее пафос изливался по поводу недостатка детских садов с дневным содержанием. Удивило, что такая проблема может излагаться столь эмоционально, а полный зал парламента аплодирует столь бурно.

Мы побывали в резиденции депутата – специальной квартирке, откуда депутат Вальтер Энгельгарт мог слышать, что происходит в зале заседаний, и одновременно попивать кофе и беседовать с нами. Здесь небольшая комната с мягкой мебелью, дающей возможность ночевки, и кухонькой за опускающейся ширмой – можно готовить и хранить запасы продовольствия. Нам в Московском Совете такое и не снилось. У нас кабинеты со старыми канцелярскими столами были рассчитаны на 3-4 человека, а компьютеры – один на двоих – были просто устаревшей рухлядью.

Немцы совершенно ничего не знают о России – лишь самые примитивные вещи. Все время повторяют благодарности Горбачеву за то, что он дал им объединиться. Спрашивают: у вас там компакт-диски есть? Будто мы с другой планеты. О нашей делегации они обеспечили целую серию публикаций, но ни одна из них не касалась России. Лишь раз – после своеобразной пресс-конференции, где мы поговорили друг с другом о наших печальных условиях жизни, появилась статья, где мельком поминалось, что мы мало хорошего говорим о своей стране. Немцам хотелось, чтобы было иначе. Ведь о своей стране они предпочитают говорить в превосходных тонах.

К оглавлению

Пешком по городу

Застывшая музыка – вот архитектурный эпитет, который только и можно отнести к готическим соборам, которые в Баварии сохранились, создав многовековую историческую коллекцию под открытым небом.

Замок в Нюрнберге. Ему 1000 лет. Музеи на каждом шагу. Толком не поймешь, о чем они там свидетельствуют. История Германии настолько разнообразна персонами и их мелкими склоками, что свидетельствами о них можно забить и это музейное изобилие. Какой-

то бездонный колодец, вырубленный в скале. Туда экскурсоводы плещут воду, чтобы услышать, когда она долетит до дна. Это не очень интересно нам, но составляет предмет гордости для немцев - такой глубокий колодец!

Громадные шпили – как утесы в море черепицы. Это особенно видно с возвышенностей. Но громадные костелы мрачны и безлюдны. Наши луковки добрее и милее русскому сердцу.

Крепость в Кронахе - на горе. Внутри все вычищено. И никаких чиновников, никаких навязчивых экскурсоводов или служителей. Окрестности обозревай сам или с помощью телескопа, куда надо сунуть монетку. Тут же – своеобразная выставка скульптур. Какие-то уродцы из искусственно состаренного металла – как бы съеденного ржавчиной. Выставлены цены – каждая в несколько тысяч марок. И охраны не видать. Да кому этот металлолом вообще нужен? Скорее всего, и не нужен, потому что железо не разломали и не растащили. В стенах крепости – студенческая гостиница-общежитие. Для странствующей молодежи. Видно, это настолько добропорядочная публика, что за скульптуры бояться нечего.

Наш интерес возбуждает местный рынок. Таких в 1992 году в России не было. Кажется, что есть все, что пожелаешь. И каждое яблочко протерто и блестит соблазнительно. Всему одна цена – марка за штуку. Мы дивились этой организации и такой непомерной цене. А через несколько лет такие же рынки в Москве появились повсюду, и цены тоже оказались кусачими. Все есть, но ничего просто так не купить - разве что к празднику.

Католические храмы холодны и чванливы. Если в обычное время на тебя никто не обращает внимания, то во время службы здесь нельзя стоять и глазеть – это место для верующих, а не для любопытствующих. Иное дело протестантские кирхи. У них это вроде культурных центров. Рядом – лавочки для бесед и трапез. Тут же качели для детей. Дом пастора всегда открыт.

У мужа фрау Хебарт мы побывали на детском празднике. Дети очень радовались, что кто-то пришел к ним послушать песенки. Пели с искренне радостными и вовсе не смущенными лицами, коих в наших детских садах девять из десяти.

Оружейные магазины. Купить можно все. Но очень дорого. Ножи и пистолеты – не исключение. Кроме того, на них нужно разрешение. Нам не по карману и не по статусу. Свободно только рыцарские и самурайские мечи - подарочные имитации.

Обстановка в Москве тогда была очень неспокойная. Казалось, что банды вот-вот повылезут прямо на улицу и учинят массовый грабеж и насилие. Я решил поискать в Германии телескопическую дубинку. Вроде, простое устройство. Но оказалось, что их даже продавать запрещено. Ножи-тесаки можно, а вот дубинки – нет.

В Байройте дом Вагнера. Восстановлен из пепла после войны. Просто дом с залом для камерных концертов. А за домом – могила Вагнера. Гладкая плита без надписей. Тоже вызов: мол, всем и так известно, что тут Вагнер лежит. Такой вот был оригинал – уродец, грешник, проходимец, повеса, погрязший в долгах и соблазнявший красивейших женщин. Наш Пушкин тоже из оригиналов, но не до такой степени. При этом наш поэт стал единственным в своем роде национальным гением. А Вагнер – лишь одним в ряду прочих оригиналов, бегавших от кредиторов и прославляющих Германию своим небанальным творчеством.

Вагнеровская опера в Байройте. Раз в году тут проходит фестиваль и съезжается великое множество почитателей композитора. Мы только осмотрели это сооружение изнутри. Все тут приспособлено для музыки, а не для слушателя. Кресла тесные и жесткие. Музыкантам вообще сидеть негде. Они под сценой в какой-то конуре, сформированной так, чтобы выбрасывать оттуда звуки самым удачным образом. На сцене и за сценой нагромождены чудовищного размера декорации. Плюс небольшой музей.

Байройт замышлялся как образцовый город нацистов. Вагнеровский центр Гитлер приказал серьезно расширить. Архитектуру специально "подчистили" от излишеств. Что-то вроде сталинского мрачно-бюрократического стиля угадывается и здесь. Фестиваль был официальным праздником, в котором надлежало соединять личности Гитлера и Вагнера. Потом городу это дорого обошлось. И Вагнеру тоже. Американцы в последней фазе войны бомбили его с большим удовольствием и усердием.

К оглавлению

Русские в Германии

Водила нас по Байройту и ряду близлежащих городов неутомимая старушка Мария Бааг. Мария – русская, увезенная в Германию во время войны. Тут она вышла замуж за немецкого офицера. У нее дома удивительное соседство – фотография брата-красногвардейца и фотография мужа в германской военной форме. В судьбе фрау Марии сплетена любовь к России и любовь к Германии. Она – фанат Вагнера. Когда в Вагнеровском центре нам попытались навязать экскурсовода, фрау Мария очень разнервничалась и отстояла свое право говорить о великом композиторе.

На фото (справа налево): фрау Мария, герр Энгельгарт, фрау Ирина, Георг Штихт, В.Некрасов, Янина Лазаревна, А.Жуков, В.Иваненко, герр Вернер, мэр Лихтенфельца, А.Сорокин, Д.Шахов, С.Иванов, А.Савельев

Вместе с Марией в доме Вагнера мы слушали его музыку. Мне показалось, что коллеги почти безразличны к этим звукам. Кажется, они скучали, и фрау Мария будет огорчена, если заметит это. Музыка кончилась, и повисла, было, пауза. Я нашелся, спровоцировав

аплодисменты. Фрау Мария была на вершине счастья – русские поняли ее немецкую любовь.

Мария – просто блестящий переводчик. Это проявлялось в том, что она способна не только понять юмор, шутку на обоих языках, но и переводить все это, интерпретировать шутку в виде шутки на другом языке. Это высший пилотаж.

Другая наша переводчица Маргарита Бабенко – из новых переселенцев, стремящихся стать из советских людей истинными немцами. Жизнь для переселенца тут нелегкая. В солидном возрасте надо садиться за парту и стараться вовсю. Плюс большие проблемы с жильем. Пособия скудны и не предполагают материального благополучия. Маргарита так старалась быть немкой, что ее даже становилось жалко. Когда мы сидели в одной пивной, заглянув туда, чтобы подкрепиться, слегка выпивший бюргер решил спеть для нас несколько народных песен. Он пел слегка невнятно – так, что Маргарита вся напряглась, чтобы понять, о чем же это он выводит незамысловатые мелодии.

Переводом для нас занималась также фрау Ирина – из уже давних переселенцев. Ее судьба для нас осталась неизвестной. Через несколько лет мы узнали, что фрау Ирина умерла. Хотя выглядела вовсе не старой и не больной. Мы побывали у нее дома, сравнив с обстановкой, которая была у фрау Марии. Здесь – холодные стены, какая-то офисная обстановка. Пространство большое, но нет родственников, детей или внуков – нечем его заполнить. У фрау Марии дом-музей: множество вещей и вещиц. Все напоминает о давней семейной жизни и любви к уюту. Муж давно умер, сын живет своей жизнью в другом городе. Но у фрау Марии есть воспоминания, окружающие ее множеством безделушек.

Возвратившись в Москву, я как-то даже написал фрау Марии открытку. Впрочем, достаточно односложную. Фрау Мария ответила тепло, но тоже односложно. Жаль, что этот интересный человек остался лишь эпизодом в моей жизни. Возможно, сказалась большая разница в возрасте. А скорее всего – бурная жизнь, которая обступила меня со всех сторон. Остается только вспоминать о фрау Марии с большой теплотой. Во многом открытие Германии состоялось

благодаря ее тонкому пониманию того, что мы должны или могли бы понять об этой стране за короткий срок нашего визита.

К оглавлению

Гастрономический рай

В один из дней мы побывали в жилищном кооперативе, объединившем несколько домов, каждый из которых рассчитан на несколько семей. Здесь уютные дворики между домами, никаких заборов. И грядки – с цветами и зеленью. Нам предложили отдохнуть под живописным навесом и выпить водочки. Немцы были сильно огорчены тем, что большинство из нас только смочило губы. Стереотип восприятия русского рушился, или немцам казалось, что мы застеснялись, а они не смогли создать непринужденной обстановки.

Германия – страна с пищевой ориентацией культуры. Очень много внимания уделяется гастрономическим наслаждениям. И кругом беспрерывно пьют пиво самых причудливых сортов – в каждом крупном поселке свои пивовары и свои рецепты. Я никогда не понимал поклонников этого напитка и страдал, когда нас водили в пивные (они здесь тоже считаются местными достопримечательностями) и нужно было, проявляя уважение, дегустировать местный разлив из трехсотграммовых стаканов (от полулитровых я сразу отказывался). Лишь однажды вкус пива показался мне интересным. Это было так называемое "копченое" пиво. Рецепт родился после того, как сгорел амбар, а его хозяин решил попробовать подгоревшее зерно все-таки пустить в дело. Теперь по этому рецепту пиво подают в забегаловке, которой уже 600 лет.

Мы посетили праздник любителей путешествий. О путешествиях тут слова не было. В огромном шатре разместили длинные лавки и столы на несколько сотен участников. Лавки заполнились плотно сидящими немцами, столы – морем пива и неразнообразной снедью для закуски. В торце шатра была сцена, откуда упитанные шоумены несли что-то невнятное. Нам сказали что это – достаточно рискованные политические частушки и анекдоты. Ансамбль наяривает смесь народных мелодий и попсы, ведущий размахивает полной

кружкой и произносит тосты. Шумно так, что соседа еле слышно. Рожи красные и весьма радушные – вопят песни и покачивают в такт своими мощными телесами.

В Нюрнберге мы увидели рядом с питейным заведением хирургически чистый туалет. А внутри – специальное устройство для поддержки перебравших любителей пива. Две ручки позволяют им держаться стоя, опорожняя желудки через гортань.

Тема питания для баварцев бесконечна – как бесконечен их колбасный ряд. В Кобурге один из отцов города во время приема предложил нам вкуснейшие копченые колбаски, завернутые в свежий хлеб. Сам товарищ бургомистра умудрялся проглатывать эти колбаски с невероятной быстротой – в моменты, пока переводчица транслировала смысл его фраз. Ну, думаю, на этот раз не успеет! Глядь – опять успел. А что говорил – неважно.

Любой прием у немцев означает горячий кофе и чай в красивых термосах. Чаще всего также и выпечку, пиво, фруктовые соки. Любая трапеза – набор колбас, которые, правда, на наш вкус мало чем отличаются друг от друга. Всегда – столовое вино без ограничений. Лишь раз в ресторане хозяин угостил нас марочным. Наливал персонально по рюмочкам из бутылки с хоботком – чтобы никто не выпил больше положенного и чтобы не пролить зря ни одной капли.

Трапезу немцы любят сервировать со вкусом. На столе неизменные свечи, придающие приему пищи ритуальный характер. На огромной тарелке, к примеру, выкладывают причудливо нарезанную клубничину (одну!) в сопровождении двух вензелей из мороженого и крема.

Янина Лазаревна – единственная дама и единственная недепутат в нашей делегации – как-то простудилась и попросила горячего молока к завтраку. Немцы засуетились и через пять минут молоко появилось. Потом, решив, что у русских так принято, горячее молоко появлялось на завтрак каждый день.

Пищевое богатство и пищевые ритуалы были прелестны, но к концу второй недели начали порядком надоедать. Возникло ощущение какого-то эрзац-питания. Беспрерывный праздник желудка утомил. Потянуло на родину и к традиционной русской кухне.

К оглавлению

Немецкая душевность

Что можно было привезти в Германию в качестве подарка для радушных хозяев, у которых все есть? Мы остановили свой выбор на самоварах, которые умельцы превращали в блестящие экспонаты, реставрируя старых медных уродцев. Подарочных экземпляров в магазинах тогда не было. Самовары были старинные, их можно было считать даже раритетом.

Первый самовар мы подарили чете Хебарт, которая многое вложила в нашу поездку. Самовар блестел на солнце и казался настоящим богатством, неожиданным в качестве подарка из нищей страны.

Второй самовар мы подарили Рональду Вернеру – управляющему замка Шнай, обхаживающему нас в течение этих двух недель. Вернер растрогался и почти прослезился. Оказалось, что с самоваром у него связано одно из важных воспоминаний. Он вспомнил, как во время войны в доме его родителей самовар оставался напоминанием о мирной жизни. После того как дом разбомбили, этот самовар отказался уйти под обломки и остался стоять над развалинами как незыблемый столп надежды.

Наш отъезд немцы воспринимали со слезой в голосе. Женщины махали нам руками, вытирая глаза. Мы стояли в тамбуре поезда и махали руками, а немцы махали нам. Казалось, что мы не сможем забыть друг друга, и эта поездка станет поводом для дальнейшего общения. Но вышло иначе. Через год с небольшим Моссовет был разгромлен, ельцинский путч вымел большинство из нас из политической жизни.

Только в 1995 году нам удалось снова встретиться с теми, кто принимал нас в Баварии. Немцы приехали в Москву. Среди них был Георг Штихт и еще кто-то (кажется, Энгельгарт). Программу бывшие коллеги по Моссовету составили своими силами. Я проводил делегацию немцев на выставку в Манеже, посвященную семье Государя Николая II. Георга особенно заинтересовали фотографии Александры Федоровны, в которой он сразу узнал немку. Потом мы

побеседовали о российской жизни в Российском общественно-политическом центре - у меня на работе, где зал предоставили как бы для встречи активистов Конгресса русских общин с немцами. Переводила моя жена. Я рассказал про свою книгу "Мятеж номенклатуры" и вручил по экземпляру немцам и своим бывшим соратникам по Моссовету.

После этой встречи осталось странное ощущение отчужденности. Немцы будто не понимали наших тревог и проблем. Им, может быть, было даже скучно в Москве. Их помощь, их гуманитарный груз как бы утонул в безбрежье нашей страны и в бездонной гнусности ее правителей. Россия не стала немцам ближе. Ощущение близости лишь мелькнуло на какой-то момент в 1992 году, когда немцы радовались своему доброму поступку и видели перед собой живых людей, которым небезразлична собственная страна и которые верят в Россию. Через время оказалось, что верить-то мы верили, но из власти нас просто выкинули, и спасти Россию от нищеты не получилось. Другие политики именно в нищете России видели свою личную перспективу. Немцы с этим уже ничего сделать не могли. Радость благотворения уже не могла вернуться. Русские должны были сами изжить нищету - вместе с уничтожением паразитической власти. Россия была теперь для немцев просто чужой страной с чужими проблемами.

К оглавлению

Другая Германия

Мне довелось снова побывать в Германии еще раз в том же 1992 году. Но это уже была не провинция, не коренная Германия, а Франкфурт – ворота в мир, огромный город. Мы побывали там с моим коллегой по Моссовету Анатолием Желудковым. Он сманил меня в эту поездку, в которой мы должны были принять участие в конференции "зеленых". Техническую часть по организации поездки взял на себя молодой общественный активист Андрей Ожаровский, которой специализировался в организации разного рода молодежных контактов.

Я иногда помогал Андрею и даже выступил на какой-то конференции с участием большой группы немецких студентов. Помню, далеко не всем понравились мои патриотические взгляды, и вопросы были достаточно остры. За выступление мне положили 20 марок и бутылку немецкого вина. Вино я взял, а от денег отказался – мне было странно, что депутату платят за выступление.

Отправиться во Франкфурт мне пришлось на сутки позднее нашей делегации – в Моссовете на этот день были намечены общественные слушания, одним из инициаторов которых числился и я. Без меня ничего просто не получилось бы. Так я тогда самонадеянно думал. И расплатился за это достаточно.

Во Франкфурте меня должны были встретить организаторы конференции. Я полагал, что среди встречающих будет либо Ожаровский, либо Желудков. Каково же было мое удивление, когда я не обнаружил в аэропорту никого. Я долго шарил глазами по группе людей, державших плакаты с фамилиями и названиями организаций. Нет, меня точно никто не встречал. Подумав, что встречающие еще где-то дальше по коридору, я прошел в здание аэропорта. Там никаких признаков встречающих вообще не было. Я с трудом освоил мысль, что меня просто бросили одного в чужой стране.

Куда же деваться? В кармане у меня всего 10 марок и схема части города, где проходила конференция. Еще в чемодане есть разговорник. Из школьного курса я помнил несколько фраз. Ими и воспользовался, спрашивая у похожих на работников аэропорта людей, как мне проехать на Главный вокзал (Hauptbanhoff). Хорошо, что не сел в автобус. Все равно у меня не хватило бы денег на билет. С трудом понял, что в город может привезти электричка, которая останавливается прямо под аэровокзалом. Как купить билет, мне понять не удалось – там были какие-то автоматы для мелочи, а у меня в кармане только бумажка. И даже в какую сторону надо ехать, я не знал. Просто сел в вагон, который остановился у меня перед носом. Чудом не ошибся и прибыл в исходную точку, которая была обозначена на ксерокопии карты города.

Карта у меня была не очень толковая. Но все-таки, нахожу комплекс, похожий по виду на наш ВДНХ. Заготовив еще одну фразу на немецком и размахивая факсом-приглашением, легко прохожу все

кордоны охраны, которая больше реагирует, кажется, на мой просторный белый плащ, чем на факс. Входя в аудиторию, вижу среди многочисленной публики (человек 100) физиономию Ожаровского, облегченно вздыхаю и уже готов простить ему все.

Франкфурт – это другая Германия. Тут ощущение, что ты находишься на чужом празднике без приглашения, гораздо сильнее, чем в Баварии. Здесь ты никому не нужен. "Зеленый" конгресс – просто рекламное партийное мероприятие. Реально никакого конгресса нет. Отдельные выступления на конференции, какие-то мероприятия в местном университете (таком же исписанном, и потертом, как и наши вузы), уличные выставки не поймешь чего. Горожанам все это совершенно не интересно. Партийные чиновники просто отрабатывают средства и дают информационные поводы для публикаций. Результат – только пропаганда.

С одним из организаторов конференции (тамошний тип комсомольца) мы поспорили о значении термина "геноцид", употребленном Анатолием Желудковым в выступлении. Нашего знания английского оказалось достаточно, чтобы понять – под "геноцидом" они понимают сознательное, целенаправленное уничтожение людей, и их шокирует применение этого слова в нашем контексте. Для нас "геноцид" - политика, не считающаяся с возможностью гибели людей, рассматривающая население как "материал", расходуемый в процессе реализации абстрактных идей. То есть, мы не сошлись даже в терминах!

Мы попытались найти франкфуртский городской Совет и фракцию "зеленых". И, как ни странно, нашли. Там были ошарашены нашим незваным явлением и не проявили гостеприимства. Информация о партии была скудной. Плюс мы опозорились непониманием слова profit, которое тоже оказалось термином, непонятным нам в используемых немцами контекстах. Потерпев неудачу в попытках рассказать о наших проблемах и послушать, что об этом думают "зеленые" немцы, мы ушли, проклиная свое слабое знание языков.

Конференция "Запад-Восток", где мы просидели большую часть времени, была просто набором ничем не связанных докладов – отчетов о работе экологических групп и служб. Мы попытались внести в эту

мирную публику элемент беспокойства. "Для чего мы собрались, в чем наша задача?", – вопрошали мы. У нас своя боль - экология вплетена в политику, речь идет о выживании страны, о возможном голоде. Нас не понимают, даже слегка осуждают за политизацию и снова слушают скучные самоотчеты, которые мы осуждали в своей стране уже много лет, связывая их с опротивевшей всем бюрократизацией. Хочется спросить: к чему все эти мечты об экологическом рае, где организация, откуда деньги? На понимание того, что мы мешаем провести мероприятие "для галочки" у нас ушло два дня. Добило посещение университета, где по программе числилось множество мероприятий международного уровня. Там вообще ничего не было – разве что наша экскурсия вдоль облезлых стен и попытка пообщаться со студентами.

В гостинице я оказался для нашей делегации пятым-лишним и был отселен в отдельный двухместный номер со странностями. Через окно во двор (точнее – проем между корпусами) шумела вытяжка, в холодильник ничего не поступало, телевизионный пульт срабатывал, только если пальцем прижимать батарейку, душевой шланг явно не соответствовал моему росту, а дверные замки соседей, щелкающие как пистолетные выстрелы, начинали будить с пяти утра.

Конечно, Ожаровский со своими друзьями знал, что "зеленый" конгресс – липа. Он полагал, что и мы должны цинично использовать случай, чтобы за счет организаторов побродить по Франкфурту, не ожидая от конгресса ровным счетом ничего. Мы были не готовы к такому обороту дел. Подсказать нам, куда бы пойти и что посмотреть, было некому. Ожаровский ушмыгнул к знакомым, а мы просто шлялись по улицам, исчерпывая темы для разговоров.

Побродили по городу мы вдосталь. Глазеть без смысла на громадные небоскребы, яркие витрины и старинные особняки было не очень интересно. Наши "карманные деньги", выданные организаторами (кажется где-то по 100 марок), больше походили на чаевые – таков был имущественный статус московского депутата. Поэтому платить за вход в музей мы не могли. Зато мы получили в подарок одно наблюдение, смысл которого тогда не был нам ясен. Центр Франкфурта, как оказалось, оккупирован азиатами. Они страшно мусорят, а немцы чистят парк, где кучкуются иммигранты, каждый день. Но к вечеру там опять помойка.

В Москве организаторов помойки – каждый первый. Поэтому присутствие чужаков в российской столице некоторое время не было заметным. Пока они не захватили рынки и ведущее положение в ряде отраслей городской экономики. Только к концу 90-х москвичи смогли прочувствовать, что их жизнь замусорена чужаками в прямом и переносном смысле. Мы догнали Германию только по этому параметру. В остальном нам досталась другая судьба – мы становились чужими на чужом празднике в собственной стране. Чуждость Германии переживалась не столь жестоко, сколько чуждость собственной власти и превращение Москвы в вавилонское столпотворение.

К оглавлению

Странные немцы

Любовь к философии не может обойтись без любви к немецким философам. Именно поэтому русскому человеку кажется, что Германия все еще страна мыслителей, что "сумрачный германский гений" еще жив. Увы, мне пришлось убедиться в том, что гений скорее мертв, чем жив.

Где-то году в 1996-1997 мне довелось повстречаться и побеседовать с директором московского Гете-института, фактически представлявшего собой ведущий культурный центр – немцы в России имели здесь свое главное гнездо. Встреча получилась в результате активности моего друга Владимира Авдеева, который тоже мечтал наладить связи с немецким академическим сообществом. Его стараниями мы встретились с директором (как его звали, уже не помню) и его помощником – вполне компетентным в вопросах философии нашим соотечественником, недурно знавшим немецкий. Впрочем, и сам директор неплохо говорил по-русски.

Вероятно, что-то заинтриговало во мне директора Гете-института. Возможно, неформальная близость к власти Фонда РОПЦ, где я тогда работал. Может быть, как-то проявилась моя любовь к немецким философам. Так или иначе, я был приглашен к директору домой.

В огромной квартире меня встретила низкорослая и безмолвная китаяночка, которую я принял за прислугу. Оказалось, что это жена немца – он подобрал ее именно в Китае, где проработал многие годы. Рядом с немцем-верзилой китаянка казалась ребенком. И уже этот мезальянс меня немало смутил.

Потом мы устроились в полупустой гостиной, где кроме обеденного стола и стульев практически ничего не было. Это было место для довольно длинной беседы. Говорили сначала о философии. Немец все старался выяснить мое отношение к Франкфуртской школе. Но эти леваки меня не очень интересовали. Тем более что это в основном были не немцы, а евреи, бежавшие перед войной в Америку. Дальше разговор шел преимущественно о Русской идее – пытали меня. Я отделался, в конце концов, утверждением, что Русская идея – не набор формально закрепленных истин, а сам дискурс о судьбе России, присущий русской традиции. Это, кажется, устроило немца. Я же спросил его о немецкой идее. Ответ меня обескуражил.

Немец заявил, что никакой немецкой идеи нет. А если и есть, то это идея единения Запада. Немцы, мол, не мыслят себя отдельно и никакую отдельную идею не выдвигают. Тогда я предложил вспомнить, чем же Германия отметила свое существование в последние десятилетия, чем она может гордиться. И снова был поражен ответом. Немец объявил, что предметом гордости Германии в последние годы являются современные танцы и комический кинематограф, который смог у себя дома потеснить американские комедии. Вот так так! Это "сумрачный германский гений"? Мне же были предъявлены на рассмотрение вовсе не предметы национальной гордости, а свидетельства разложения, смерти духа нации!

Вышло, что послевоенные немцы – это уже совершенно другой народ, постаравшийся забыть свою прежнюю историю. Гении философии там все еще рождаются, но нация о них уже не печется – это остатки прежней роскоши, которые уже не оцениваются как достояние и достижение. Мы читаем немецких философов, но сами немцы, как я понимаю, о них толком даже не знают. Что им Иоганн Готлиб Фихте, Освальд Шпенглер, Карл Шмит, Николас Луманн, Курт Хюбнер? Они предпочитают помнить Канта и почему-то стыдятся Гегеля.

Еще одна встреча - в Фонде Зайделя, где я также оказался примерно в тот же период. Руководитель Фонда пригласил меня на беседу после того, как я написал в немецкое посольство письмо с предложением восстановить довоенное русско-немецкое философское общество (именно русско-немецкое, а не российско-немецкое). Я немало удивился, что московское отделение Фонда находится на закрытой охраняемой территории, где были выстроены таун-хаусы в немецком стиле. Неожиданно было видеть прямо в Москве выделенный кусок совершенно чужой территории.

Разговор как-то сразу перестал клеиться, когда немец узнал, что я имею отношение к Конгрессу русских общин и Дмитрию Рогозину. Да и мне не понравилось, что в его кабинете стоял стенд с фотографиями "русского абсурда". На одной из фотографий чудовищный новострой мечети Кул-Шариф возвышался над стенами древнерусского кремля в Казани. А на другой Дмитрий Рогозин по молодости лет шутил с оружием, приставив пистолет ко лбу своего сотрудника по КРО Михаила Нуждинова (и одновременно, видимо, куратора КРО от спецслужб), который лежал на диване гостиничного номера где-то на Кавказе. Философский разговор здесь как-то не получился, и о философском обществе оставалось только мечтать.

Впоследствии я еще не раз сталкивался с немцами. Это происходило, потому что моя жена Ольга преподавала немецкий язык, и старалась использовать все возможности для разговорной практики. По большей части это были мимолетные встречи, однократные беседы, из которых сделать какой-то вывод было невозможно.

Один из наших знакомых Андреас, с которым наше знакомство продлилось длиннее обычного, - очень странный человек. По профессии он программист, а по интересам - политически консерватор, который как носитель языка помог нашей партии отредактировать немецкий перевод "Национального манифеста". И в благодарность мы устроили ему экскурсию по московским музеям и центру столицы.

Андреас оказался большим оригиналом. После посещения музеев Кремля он был так потрясен, что прямо на улице, что-то путано бормоча, попытался показать нам флаг Пруссии. Мы с трудом уговорили его не демонстрировать символики несуществующего

государства прямо под кремлевскими зубцами и на глазах многочисленной охраны и агентов спецслужб. В дальнейшем он почему-то решил, что сможет найти в России работу, и приехал на несколько месяцев, заплатив коммерсантам из МГУ одновременно за языковые курсы и квартиру. Обманули его капитально: языку не научили, плату за жилье взяли непомерную, работу он не нашел.

Наша семья, как могла, скрасила немцу период его пребывания в Москве: я пригласил его на тренировки по каратэ и даже вручил ему свое каратэги (Андреас осилил лишь одну тренировку), моя жена Ольга привезла его в Сергиев Посад, где была презентация какого-то произведения моего знакомого музыканта. Были и другие экскурсии по Москве и Подмосковью, и семейные посиделки.

Андреас надеялся, что в России он еще и женится. Полагая, может быть, что он - подарок для любой женщины. Что не соответствовало действительности: в общении Андреас был зануден, на лицо непригож, телесно невзрачен. После возвращения на родину, он активно переписывался с моей женой, поверяя ей свои сокровенные тайны - вплоть до амурных историй. Какое-то время он даже полагал, что может поухаживать за Ольгой. Не сразу поняв тщетность своих "подходов", он завел себе таитянку, которая, забеременев, тут же сбежала от него в неизвестном направлении. Постепенно угасла и его переписка с Ольгой, тяготившейся занудством и бесконечными бытовыми подробностями, которыми немец изнурял не меньше, чем устным общением в период своей московской авантюры.

К оглавлению

По Германии на автомобиле

Еще одна порция моего общения с немцами и знакомства с Германией приходится на 2010 год, когда мы с Ольгой поехали в Германию по приглашению моего друга-однокашника Александра Прокудина, прочно обосновавшегося в Берлине и уже не собирающегося возвращаться в Россию. Здесь была его работа, его профессия, его дом, его семья. Большим подарком для нас была

машина, которую нам предоставили для поездки по маршруту: Берлин-Эрфурт-Веймар-Иена-Берлин.

Памятник Фридриху Великодушному, основателю Иенского университета: 1955 год, мой отец Савельев Николай Ильич во время службы в Иене; 2010 год - фотография во время нашей поездки по Германии

Собираясь посетить достопримечательности немецкой столицы, я запланировал еще и политическую часть программы нашего визита. Что казалось возможным при поддержке моего бывшего помощника по думским делам историка Всеволода Меркулова. Он позвонил своим немецким друзьям из Национально-демократической партии и предупредил о моем приезде. Но берлинские националисты просто разбежались от меня. Зато в Эрфурте мы воспользовались гостеприимством семьи местного бюргера Михаэля Яна и его жены Уты Бергер.

Михаэль содержал крохотную гостиницу из нескольких номеров, а на первом этаже - мастерскую по ремонту старинной мебели (скорее, для каких-то налоговых послаблений). И мы пообщались на самые разные темы. Обошли местные костелы, побывали в крепости, узрели место, где гестапо проводило расстрелы. В местной протестантской кирхе мы побывали на микро-концерте, который прихожане устраивали для самих себя и немножко - для нас. И это был весьма высокий уровень - так слаженно они пели псалмы на несколько голосов под классический аккомпанемент.

Также Михаэль организовал для нас поездку с посещением монумента Вильгельму II, где у подножия в раскопе лежала статую Гинденбурга, свергнутая с пьедестала в период Веймарской республики и откопанная только в наши дни. Почему-то статую не поднимают, оставив ее лежать в яме. Может быть, не слишком уважают этого политика времен Первой мировой.

В основании величественного монумента Вильгельму - изображение легендарного Барбароссы (который, впрочем, существенными военными подвигами не прославился), а с вершины монумента открываются чудесные виды на окрестности.

На обратном пути мы видели очень чистенькие городки-призраки, откуда немцы вынуждены ездить в промышленные районы и возвращаться в свои жилища в лучшем случае не выходные.

В Иене с местным наццемом также не удалось встретиться. Здесь мы посетили совершенно безлюдный музей оптики, учрежденный заводом "Карл Цейс", и замечательный ботанический сад на очень небольшой территории - столь тщательно ухоженный, что в нем интересно было оставаться в течение нескольких часов.

В Веймаре по рекомендации Всеволода Меркулова мы повстречались с настоятелем местной православной церкви Михаилом Раром, который поначалу встретил нас настороженно. Мы, как смогли, растопили эту настороженность российскими дарами - туесочком меда и какой-то сибирской настойкой. Благодаря этому получили возможность спуститься в склеп, где размещался саркофаг с телом Шиллера - некогда этот склеп посещал и мой дед и написавший об этом в своих воспоминаниях. Как выяснилось, голова знаменитого немецкого поэта была похищена. Видимо, сомнительные друзья Шиллера сохранили часть его тела для своих сомнительных ритуалов.

Склеп был общий с лютеранской церковью, которая лепилась к православной стена к стене. Прилежащее к церкви обширное кладбище имело надгробия не только времен войны, но и периода Веймарской республики - в память о расстрелянной демонстрации рабочих-коммунистов.

Мы встречались как с настороженностью немцев к нам, русским, так и с удивительным простодушием.

Прогуливаясь по вечернему Берлину еще в день нашего приезда, мы забрели в местную мэрию, рядом с которой стоял полицейский, не возражавший, чтобы мы вошли. Внутри было безлюдно. Мы наугад открыли дверь в какую-то комнату и увидели там странное - среди каких-то бюстов были расставлены футляры от крупных музыкальных инструментов. Лишь прислушавшись, мы поняли, что в соседнем зале играет симфонический оркестр. Не желая никому мешать, мы ретировались и снова наугад открыли дверь в большой пустой зал. И в этот момент концерт закончился, и публика хлынула в помещение из противоположных дверей. Все шумно распределились у фуршетных столов, и никто не спросил нас, есть ли у нас билеты, и имеем ли мы право пить шампанское и закусывать наравне со всеми. Впрочем, мы не злоупотребили доверчивостью немцев и отправились восвояси.

В Берлине главным предметом нашего внимания были музейные собрания времен античности. Значительность коллекции говорит о том, что немцы считают древнюю историю своей. Или, по крайней мере, считали в момент образования античных коллекций. Русские тоже считали эту историю своей в период Российской Империи, когда образование предполагало знание греческого и латыни и чтение античных текстов в оригинале. От этого - коллекции античного искусства в Эрмитаже в Санкт-Петербурге и в Музее изобразительных искусств в Москве.

Александр Прокудин и его дочь Анастасия стали нашими проводниками по достопримечательностям Берлина и Потсдама. В самом Берлине исключительные впечатления оставили Берлинский зоопарк и парк "Сады мира". В меньшей степени был интересен подъем под купол Рейхстага и прогулки по улицам, которые выглядели слишком ординарными - чистыми, но безликими. Берлинский зоопарк - это великолепно организованный мир животных, который дополнен

не менее организованным и масштабным аквариумом. "Сады мира" - это огромная территория с секторами, оформленными в стиле паркового искусства различных народов. Здесь просторно гулять, всюду стоят садовые кресла и шезлонги, газоны предназначены не только для глаз, но и для желающих попрыгать или поваляться на них в свое удовольствие.

Бранденбургские ворота за полвека, разумеется, не изменились. А вот сориентироваться, какое здание было использовано газетой "Советское слово" на Жандарменмаркт, током не удалось. Здание, которое мы предполагали бывшим помещением Прусского банка, не походило на то, которое было на фотографиях моего деда - его внешний вид сильно изменился. Здесь же стоял памятник Шиллеру и два собора - слева Немецкий, у которого в 1948 году мой дед сфотографировал какой-то концерт при огромном стечении народа, а справа - Французский. Фотография была, видимо, сделана из редакционного кабинета.

Жандарменмаркт, Немецкий собор в 1948 году и в наши дни

Неприятным впечатлением был осмотр модернистского храма в виде восьмигранника, построенного из стеклянных блоков рядом с некогда самой высокой протестантской церковью Берлина на площади Брайтшайдплац, который немцы почему-то решили не восстанавливать после войны. Теперь старая церковь стала мемориалом кайзеру Вильгельму I и получила неофициальное название "полый зуб". Внутреннее пространство новодела походит на карикатуру. Под потолком висит медно-цинковый идол, символизирующий Христа. По контрасту в полуразрушенной колокольне можно было осмотреть

великолепные мозаики и классические барельефы. Но это уже не церковная, а музейная, обстановка.

Изначальный (довоенный) вид церкви с колокольней в неонорманнском стиле, результаты послевоенных разрушений, модернистский храм рядом с колокольней в наши дни

Глядя на этот ужасный диссонанс, я вспоминаю не менее ужасный - на месте кёнигсбергского замка, где советская власть на закате своего существования возвела чудовищный параллелепипед, который десятилетиями остается заброшенным, потому что российские нувориши и правоохранительная система никак не могут решить, кому же он должен принадлежать. Ужасная постройка до сих пор уродует центр Калининграда-Кенигсберга, достойный иной участи и в полной мере приспособленный к русско-германскому диалогу только в своей исторической судьбе. Бытующие здесь власти не приспособлены ни к чему, кроме воровства и измены.

Потсдамский парк Сан-Суси - нечто удивительное. Не столько его музейные экспозиции, сколько парковое искусство, окружившее большие и малые достопримечательности - нечто подобное Екатерининскому дворцу в Царском селе или подмосковным музеям-усадьбам.

Совершенно неожиданными были для нас впечатления от огромного павильона "Биосферы", где среди посетителей летают птицы, а в отдельном помещении порхают сотни разнообразных бабочек.

***

Подробно передавать свои впечатления от увиденного в Германии нет нужды. Зачем повторять путеводители или общедоступные исторические справки? Каждый, кому интересна Германия, может получить нужную информацию самостоятельно. Теперь многие русские способны открыть для себя Германию, рассмотреть ее глазами туриста - музеи, магазины, автобаны. Но открыть для себя сокровенную Германию доводится далеко не каждому. Потому что немцы, как и многие другие народы, не так уж готовы распахнуть свою душу и выразить то, что уже отражено в немецкой философии, литературе, искусстве, науке. Далеко не каждый немец является носителем души своего народа. Ведь современная Германия сходна с современной Россией своей несуверенностью, своей оторванностью от национальных традиций, расшатанностью и размытостью мировоззрения большинства граждан.

К оглавлению

Заключение

В воспоминаниях моего деда отражено его любопытство к немцам, с которыми он столкнулся еще в 20-х годах XX века. Затем была война, и немцы были врагами. После Победы русскому полковнику хотелось видеть в немцах если не закадычных друзей, то потенциальных друзей. Поэтому его записки о становлении социалистической системы в ГДР выглядят наивными: жизнь оказалась куда сложнее, чем это могло показаться поколению победителей на рубеже 40-50-х годов. Да и весь социализм оказался иллюзией, лишь прикрывающих корыстное властолюбие партийной верхушки.

Мои заметки 90-х годов тоже наивны, но это наивность уже совершенно другого поколения и в другую эпоху. В этот период русские интеллектуал уже мог читать многие тексты великих немцев, которые были недоступны в советский период. И снова возвращаться к

тому, что почти насильно пыталась вложить в головы студентов коммунистическая пропаганда, пытаясь делать из немецких философов своих идейных предтеч. Удивительно было, что немецкая мысль не очень-то интересует самих немцев. Они тоже оказались другими - другим поколением в другую эпоху.

В 10-е годы XXI века оба народа как-то сравнялись в своих проблемах. Государственная власть стала имитационной, политические элиты превратились в проамериканские олигархические лобби, иммиграционные потоки и развал образования все больше стирали национальный менталитет, превращая граждан в "общечеловеков". Если раньше мы, русские, и немцы были интересны друг другу как самые склонные к философскому осмыслению жизни народы, как народы, способные к тонкому пониманию музыки, архитектуры, древней истории, а также военной героики, то с общим увяданием культуры и интеллекта наши интересы все больше замыкаются на быт и сиюминутные проблемы. Мы перестаем быть мироустроителями.

Трудно сказать, сохранятся ли прежде великие исторические народы Европы до конца текущего столетия. Вполне может быть, что ни немцев, ни русских через поколение уже не будет - от них останутся только названия. Но пока что мы можем позволить себе роскошь открывать для себя Германию, а немцы - открывать для себя Россию.

Воспоминания двух авторов, размахом почти в век, показывают нам, что мир в течение этого век несколько раз кардинально изменялся - до такой степени, что все прогнозы оказывались нелепыми умствованиями, а все надежды разлетались вдребезги. Но именно в этом есть новая надежда - на то, что все апокалипсические прогнозы о "закате Европы" и "самоликвидации Германии" (как и России) будут опровергнуты новым поворотом истории, в котором наши народы вновь обретут вкус к жизни и творчеству.

Мой дед полковник Николай Антонович Бубнов встретил Победу в Кенигсберге, мой дядя старшина Михаил Ильич Савельев, взявший на себя командование, когда в роте погибли все офицеры, получил здесь тяжелейшее ранение и на всю жизнь остался инвалидом. Николай Бубнов служил в Берлине в 40-е годы, мой отец Николай Савельев служил в 50-е годы под Иеной, а мне самому доводилось

побывать и в Берлине, и в Иене, а также работать некоторое время в бывшем Кенигсберге. Мой дед читал Маркса и Энгельса, мне были близки другие немецкие философы. Русские и немцы постоянно встречают друг друга не путях истории и на путях размышлений о человеке, обществе, природе и Боге.

В Калининграде-Кенигсберге стоит памятник Шиллеру, который никогда здесь не бывал. Памятник был поставлен в довоенные годы, а во время штурма Кенигсберга советскими войсками, кто-то из русских солдат написал на нем: "Не стрелять. Он свой".

К оглавлению